

Прот. П. Солинъ.

Вредовскій институтъ,

у Харьк. Университета Н. Р. Сумцову

личному приобщенію отъ автора

изданію

ЦЕРКОВНЫЯ ДРЕВНОСТИ

1916. 1-й выпускъ

ХАРЬКОВСКАГО КРАЯ.

(Историко-археологическій очеркъ).

Выпускъ I.

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская ул., д. № 4.

1916.

Прот. П. Осминъ.

ЦЕРКОВНЫЯ ДРЕВНОСТИ
ХАРЬКОВСКАГО КРЯ.

(Историко-археологическій очеркъ).

Выпускъ I.

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская ул., д. № 4.
1916.

94-

58

02

1916 г. 3. 1. 1916

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

КНИЖКА ОТКРЫВАЮЩАЯ

(Издательство "Вера и Разум")

Отдельные отиски журнала „Вѣра и Разумъ“ за 1916 г.

ОТЪ АВТОРА.

Наши очерки представляютъ первый опытъ систематическаго изслѣдованія церковныхъ древностей Харьковскаго края. При составленіи ихъ мы руководствовались, главнымъ образомъ, вещественнымъ археологическимъ матеріаломъ, собраннымъ въ церковномъ отдѣлѣ Музея Харьковскаго Императорскаго Университета и въ Епархіальномъ Церковно-Археологическомъ Музеѣ. Многое изъ этой области намъ приходилось добывать лично, путешествуя по нашему краю, обозрѣвая и изучая церковные памятники на мѣстахъ и собирая ихъ для Епархіальнаго Музея. Конечно, не всѣ древности, сохранившіяся до нашихъ дней, нами были обслѣдованы и найдены. Многое въ этой области еще ждетъ своихъ изслѣдователей. Несомнѣнно, эти послѣдніе будутъ даны Харьковскимъ Епархіальнымъ церковно-археологическимъ Обществомъ, уже и теперь начавшимъ широко и планомѣрно ихъ изучать. Доступный намъ матеріалъ оказался настолько ярко-типичнымъ и своеобразнымъ, что мы нашли возможнымъ научно его классифицировать и описать его въ историческихъ перспективахъ прошлой исторіи нашего края.

Свои очерки мы нѣсколько неожиданно прерываемъ на пятикупольныхъ украинскихъ нашихъ храмахъ. Этотъ сложный архитектурный типъ можетъ достаточно выясниться только путемъ детальнаго изу-

ченія возможно большаго количества памятниковъ этого рода. Въ недалекомъ будущемъ мы надѣемся продолжить свои очерки въ этомъ направленіи.

Главную помощь намъ въ этомъ трудѣ оказало и оказываетъ епархіальное духовенство, ясно сознающее значеніе подобныхъ работъ и глубоко цѣнящее родную старину. Харьковскому духовенству я приношу глубокую благодарность за его просвѣщенное сочувствіе и содѣйствіе мнѣ. Ему же я и посвящаю этотъ свой посильный трудъ.

Прот. П. Оомигъ.

1916 г.
Января 9 дня.

ЦЕРКОВНЫЯ ДРЕВНОСТИ ХАРЬКОВСКАГО КРАЯ.

(Историко-археологическій очеркъ).

ВВЕДЕНІЕ.

Харьковскій край до послѣдняго времени не могъ похвалиться серьезнымъ и всестороннимъ изученіемъ мѣстныхъ церковныхъ древностей. Да и интереса къ нимъ не проявлялось. Кажется, просто не подозрѣвали въ прежнее время, что здѣсь имѣются заслуживающіе вниманіе и цѣнные памятники церковной старины. Въ большинствѣ случаевъ мало свѣдущая среда, имѣя дѣло съ старинными церковными предметами, смотрѣла на нихъ какъ на вещи ненужные, неудобные и ни къ чему не пригодные. Удивительно, что даже представители церковно-строительнаго искусства, руководя перестройкой или разборкой старинныхъ церквей и постройкой вмѣсто нихъ новыхъ, совершенно не обращали вниманія на сѣдую древность памятниковъ. Они не заботились о сохраненіи древнихъ церквей если не въ цѣльномъ видѣ, то хотя бы въ снимкахъ, планахъ и чертежахъ. Въ архивѣ Харьковской Консисторіи не имѣется никакихъ дѣлъ объ этомъ. Строители новыхъ церквей въ нашемъ краѣ въ прежнее время просто зачеркивали церковную старину. Заботъ о сохраненіи древнихъ церковныхъ памятниковъ не проявлялось ни со стороны мѣстныхъ духовныхъ и свѣтскихъ ученыхъ учреждений, ни со стороны просвѣщеннаго класса людей. Упраздненныя церкви, вышедшіе изъ употребленія богослужебные предметы предоставлялись на произволъ судьбы. Понятно, что отъ всего этого получалось. Памятники церковной древности уничтожались или сразу или постепенно. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣнія, что въ одной старинной церкви г. Лебедина, при ея передѣлкѣ пятьдесятъ

лѣтъ тому назадъ, древній иконостасъ староукраинскаго стиля, за неимѣніемъ мѣста храненія, былъ сожженъ (!). Временно же пощаженные остатки старины подвергались медленному уничтоженію: сваливались въ подвалы или на чердаки колоколенъ, сбрасывались въ холодныя и сырыя кладовыя, продавались за безцѣнокъ скупщикамъ старья или куда попало, раздавались даромъ крестьянамъ, или же нерѣдко отдавались для положенія съ покойниками въ могилы.

Казалось бы, что при такомъ положеніи вещей любители старины легко могли бы подбирать такія древности, составляя свои частныя коллекціи. Мы знаемъ, что, напр., въ Полтавской губерніи и теперь и раньше были такіе любители коллекціонеры среди духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Цѣнная коллекція иконъ и церковной утвари, оставшаяся послѣ смерти одного сельскаго священника, послужила тамъ ядромъ учрежденнаго Епархіальнаго древне-хранилища. Известны тамъ помѣщики-коллекціонеры. Мы знаемъ иконописца-рѣзчика Полтавской губерніи, любителя церковно-украинской старины, составившаго легко изъ случайныхъ приобрѣтеній весьма хорошую и цѣнную коллекцію. Къ сожалѣнію до послѣдняго времени подобнаго явленія въ нашемъ краѣ не наблюдалось.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что изъ области мѣстной церковной старины многое погибло безслѣдно. Многіе древніе деревянные храмы нашего края исчезли, и мы не знаемъ о нихъ, какого именно типа они были, кѣмъ они строились, каковы были ихъ внутреннее убранство, иконостасы, рѣзба, иконопись, священные сосуды. Въ старо-украинскомъ типѣ церквей только теперь начинаютъ немного разбираться, узнавая въ нихъ три направленія отъ трехъ путей архитектурнаго вліянія¹⁾. Въ этомъ случаѣ важную показательную роль будутъ имѣть наши Харьковскіе церковные памятники и особенно первобытные. Оказывается, что нѣкоторые первые деревянные храмы нашего края XVII вѣка были цѣликомъ перевозимы такъ называемыми „Черкасами“ изъ-за днѣпровской Малороссіи. Вмѣстѣ съ ними „черкасы“ перевозили сюда, на новыя мѣста своихъ

¹⁾ Объ этомъ въ подробностяхъ будетъ рѣчь въ одной изъ слѣдующихъ главъ нашего изслѣдованія.

поселеній, и свое приходское духовенство. Случайно дошедшіе до насъ рѣдкіе снимки этихъ древнѣйшихъ церквей, напр., церкви въ сл. Сватовой Лучкѣ, Купянского уѣзда, на берегу р. Свахи, свидѣтельствуютъ объ оригинальнѣйшей и великолѣпнѣйшей самобытной ихъ архитектурѣ. Какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшіе въ подвалахъ и кладовыхъ старинные кіоты, деревянные анолои и подевѣчники показываютъ намъ удивительную старо-украинскую деревянную рѣзбу своего мѣстнаго рисунка и характера съ мотивами чисто самобытными. Глядя на эту рѣзбу, напоминающую украинскую „мережку“ и вышивку, на это деревянное кружево, убѣждаешься въ природномъ художественномъ чутьѣ, неистощимомъ терпѣніи и любовномъ усердіи мастеровъ ихъ выдѣлывавшихъ. Несомнѣнно, что вкусъ къ такимъ произведеніямъ тогда, въ XVII в., господствовалъ. Работа въ этой области была широка и плодотворна. И какъ жаль, что многое изъ всего этого не дошло до насъ. Какъ много погибло чудныхъ древнихъ рѣзныхъ на деревѣ иконъ, наивныхъ скульптурныхъ деревянныхъ изображеній, церковнаго шитья и вышивокъ на полотнѣ и шелку, шитыхъ серебромъ и золотомъ ризъ иконъ, церковныхъ „китайчатыхъ“ покрововъ, нерѣдко устроенныхъ изъ награбленныхъ казаками у татаръ матерій!..

О художественномъ староукраинскомъ великолѣпнѣи нѣкоторыхъ храмовъ нашего края въ г.г. Сумахъ, Изюмѣ, Змѣевѣ и др. мѣстахъ до насъ дошли только преданія. Особенностію нашего края въ XVII и XVIII в.в. были многочисленные большіе и малые, мужскіе и женскіе монастыри, основанные чуть ли не первыми насельниками края въ XVII в. Нѣкоторые изъ нихъ уже къ половинѣ XVIII в. достигли цвѣтущаго состоянія, отличались обширнымъ благоустройствомъ, многочисленными, архитектурными и богатыми храмами, драгоценною и оригинальныхъ типовъ утварью, своеобразною иконописью. „Черкасы“ очень любили эти свои монастыри, дѣлали въ нихъ богатые вклады, приношенія и здѣсь были погребаемы. Большинство изъ этихъ монастырей были въ царствованіе Импер. Екатерины Великой закрыты, зданія проданы, иконы и утварь разобраны другими церквами, цѣнности исчезли; на мѣстахъ этихъ монастырей остались только развалины и въ рѣдкихъ только случаяхъ одинокія

церкви или колокольни. О быломъ художественномъ великолѣпіи этихъ обитателей, теперь не существующихъ, свидѣтельствуютъ рѣдкія, какъ-то уцѣлѣвшія, памятники. Среди развалинъ бывшаго Сумскаго Успенскаго монастыря (въ 9 в. отъ г. Сумъ) стоятъ теперь старинная монастырская колокольня, монументальнаго вида, типа Харьковскаго Покровскаго монастыря, съ красивымъ крѣпостнымъ верхомъ и бойницами, и Всѣхсвятскій надвратарный храмъ, прекраснаго стиля украинскаго бароко. Красота этихъ одинокихъ памятниковъ рѣзко выдѣляется среди окружающихъ рововъ, разобранныхъ фундаментовъ и пустыря. Обширные фундаментныя рвы соборнаго монастырскаго храма указываютъ на громадныя размѣры бывшаго здѣсь собора. Иконостасъ отсюда былъ перенесенъ въ новоустроенную тогда церковь сл. Каплуновки, Богодух. у.: онъ огромныхъ размѣровъ, пятирусный, хорошей рѣзбы и весьма прочной позолоты съ типичною иконописью второй половины XVIII в. По всеѣмъ этимъ остаткамъ отчасти только можно судить о стилѣ и характерѣ Сумскаго Успенскаго монастыря въ періодъ его былого благоденствія. Кромѣ этихъ памятниковъ отъ этого монастыря болѣе ничего не осталось: все остальное исчезло безслѣдно. Даже и изъ того, что оставалось въ сохранившемся Всѣхсвятскомъ храмѣ къ половинѣ XIX в. и что было описано Преосвящ. Филаретомъ ¹⁾, уже теперь далеко не все имѣется въ наличности, а иконостасъ и иконопись передѣланы въ немъ до неузнаваемости сравнительно съ прежнимъ. И это еще сравнительно счастливая судьба останковъ монастырскихъ. Отъ другихъ монастырей нашего края остались одни только пустыри, да народныя преданія...

Однакоже при всемъ этомъ нашъ край еще остается не бѣднымъ памятниками церковной старины и даже старины весьма почтенной. Здѣсь на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены деревянные храмы. Немного ихъ осталось у насъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже и въ позднѣйшихъ передѣлкахъ все же сохранили немало типическихъ чертъ первоначальныхъ церквей: опытный глазъ легко распознаетъ ихъ среди позднѣйшихъ деталей.

¹⁾ Историко-Статистич. описаніе Харьковской епархіи. Харьк. 1859 г. отд. I, стр. 221—250.

Но имѣются среди этихъ храмовъ и такіе, которые въ точности воспроизводятъ форму древнѣйшую, напр., Архангело-Михайловская церковь села Артемовки, Харьк. у., Троицкая с. Черкасскаго-Бишкина, Зміев. у. и другіе. Немало сохранилось и древнѣйшихъ каменныхъ храмовъ XVII—XVIII вв. двухъ типовъ: примитивно-деревянного и бароко. Въ подобныхъ храмахъ еще сохраняются свв. иконы, сосуды, облаченія и иконостасы старинной работы. Съ половины XVIII в. сталъ проникать въ нашу губернію и роскошный Растреллиевскій стиль церковныхъ сооружений: храмовъ и иконостасовъ. Памятники этого стиля счастливо сохранились въ видѣ знаменитаго для нашего края Ахтырскаго собора и иконостаса Харьковскаго Каѳедрального собора, на коихъ памятникахъ несомнѣнно лежитъ печать творческаго генія этого знаменитаго архитектора (разумѣемъ Растрелли отца). Во многихъ храмахъ мѣстнаго типа сохранились отъ XVIII вѣка крупныя и мелкія сооруженія также этого растреллиевскаго стиля, иногда въ истинно художественныхъ образцахъ: напр., кіоты для мѣстнотимыхъ свв. иконъ, металлическихъ оклады иконъ и евангелій, блюда, чаши и дарохранительницы, являющіяся настоящими художественными сокровищами нашихъ церквей, достойныя самого тщательнаго береженія и изученія.

Значительное археологическое богатство въ нашемъ краѣ составляютъ также и тѣ храмы, которые хотя сравнительно недавно построены, въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв., однако въ высшей степени примѣчательны: во 1-хъ архитектурными своими особенностями, напр., храмы классическаго типа, лучшія образцы котораго имѣются въ видѣ обширнѣйшаго храма сл. Каплуновки, Богодух. у., и изящнаго храма сл. Большаго Бурлука, Волч. у., храмы тоновской архитектуры, напр. въ сл. Николаевкѣ 2-й Волч. у., и разныхъ переходныхъ стилей, и во 2-хъ своими художественными сокровищами—образцами русскаго искусства первой половины XIX в., и искусства западно-европейскаго, какъ напр. Софіевская церковь сл. Стратилатовки, Изюм. у., съ драгоценными иконами кисти знаменитыхъ Венеціанова и Боровиковскаго, Ахтырскій соборъ съ картинами Мурильо (предположительно) и др.

Несомнѣнно, что, не смотря на массу совершенно

исчезнувшихъ памятниковъ старины, въ подвалахъ, кладовыхъ и ризницахъ многихъ нашихъ храмовъ имѣются еще предметы археологической цѣнности, неизвѣстные пока только потому, что до нихъ не добрался еще пытливый глазъ любителя и изслѣдователя старины. О полной возможности дальнѣйшихъ новыхъ находокъ въ этой области свидѣтельствуесть тотъ фактъ, что доселѣ настойчивыя поиски въ подобныхъ храмахъ оказывались въ большей или меньшей степени удачными. При всемъ этомъ мы знаемъ, что немало цѣнныхъ церковныхъ древностей въ нашемъ краѣ разсѣяно и случайно сохраняется по частнымъ домамъ, въ привилегированныхъ семьяхъ и у крестьянъ, часто не понимающихъ и не предполагающихъ, какая археологическая рѣдкость въ ихъ рукахъ. Это свв. иконы фамильные или случайно приобрѣтенные, картины религіознаго содержанія, старопечатныя или старописанныя священные книги. Намъ извѣстно, что въ XVIII в. у старожиловъ нашего края были въ большомъ распространеніи иконы-картины символическаго характера, нерѣдко отъ частныхъ лицъ переходившихъ затѣмъ и въ храмы, какъ напр. икона Спасителя „Недреманное Око“, картина: „птица пеликанъ“ и др. У частныхъ лицъ въ старину, у дворянъ и горожанъ, имѣлись нерѣдко портреты знаменитыхъ Святителей и церковныхъ дѣятелей, иногда художественнаго достоинства и подлиннаго сходства; такъ, были распространены и теперь случайно открываются у нихъ портреты Св. Іосафа Чудотворца, Св. Тихона Задонскаго, Епископа Харьковскаго Мелетія и др. Нерѣдко предметы церковной древности открываются на торжищахъ и базарахъ, какъ напр. недавно найденная на базарѣ печать 1817 года Павла Сабатовскаго, Епископа Харьковскаго. Чаще всего находится здѣсь такіе церковные предметы, какъ лампы, подсвѣчники, ковши, блюда и т. п., а иногда ручные и тѣльные кресты...

Сохраняющееся еще богатство памятниковъ церковной старины въ нашемъ краѣ—безспорно чрезвычайно цѣнно въ научно-археологическомъ отношеніи. Уже въ настоящее время намѣчаются тѣ стороны церковнаго искусства и мѣстной старины, которые могутъ быть выяснены изученіемъ этихъ памятниковъ. Исторія и пути колонизаціи нашего края, значеніе приходскихъ общинъ и дворянскаго класса

въ характерѣ храмоздательства, элементы нашего мѣстнаго церковнаго искусства, архитектурныя и иконописныя формы сліянiя искусства западнаго, мѣстнаго и московскаго, — вотъ вопросы важные и любопытные въ характерѣ историческаго уклада нашего края, уже теперь нѣсколько разъясняемые, а въ будущемъ, несомнѣнно, еще ярче и шире могущіе быть разрѣшенными путемъ изученiя вещественныхъ остатковъ нашей церковной древности. Самобытность такъ называемаго теперь украинскаго искусства въ области церковнаго зодчества, иконописи, рѣзбы, шитья и орнаментовъ, — вопросъ въ высшей степени важный для русскаго искусства. Для своего выясненiя онъ требуетъ большой осторожности, безпристрастія и безусловной фактичности. Церковное украинское искусство, несомнѣнно, слагалось изъ разнообразныхъ элементовъ. Опредѣлить эти послѣдніе — дѣло необходимое, но и не легкое. Можетъ быть въ Малоросiи оно нигдѣ не подвергалось столь перекрестному вліянiю разныхъ общественно-бытовыхъ теченiй, какъ въ нашей губерніи. Здѣсь сталкивалось мѣстное народное творчество съ московскимъ вліянiемъ, польскимъ, западно-европейскимъ: проникало сюда въ область искусства и старообрядческое вліянiе, занесшее въ нашу страну массу очень древнихъ и типичныхъ иконъ, крестовъ, рукописныхъ и старопечатныхъ книгъ. Были здѣсь моменты своеобразныхъ конфискацій предметовъ будто-бы отзывавшихся уніатскимъ характеромъ. Такъ, во второй половинѣ XVIII в. по распоряженiю Бѣлгородской Консисторiи были по всей епархіи нашей отбираемы богослужебныя книги и изображенiя львовской и старокіевской печати и въ массахъ своихъ отправляемы въ Бѣлгородскій церковный архивъ, откуда потомъ исчезли безслѣдно. Взамѣнъ ихъ по епархіи распространялись новѣйшія печатныя богослужебныя книги. Чтобы во всемъ этомъ разобраться и выснить роль и значеніе чисто мѣстнаго церковно-художественнаго творчества, надобно широко и настойчиво изслѣдовать дошедшіе до насъ разнообразные памятники церковной старины, особенно чисто народные, бытоваго характера.

Какъ ни равнодушна была въ прежнее время наша мѣстная общественность къ изученiю своей церковной старины, однако же общерусское оживленіе интереса къ па-

мятникамъ древности въ концѣ концовъ захватило съ половины XIX в. и нашъ Харьковскій край. Наша мѣстная старина вообще, и въ частности церковная, начинаетъ обращать на себя вниманіе съ этого времени. Создается необходимость изученія и увѣковѣченія ея, приступаютъ къ ея обзору на мѣстахъ, появляются первые научные труды изъ этой области. Въ самое послѣднее время уже выступаютъ на это поприще ревностные дѣятели, привлекаются къ этому дѣлу кружки и общества, возникаютъ учрежденія по изученію церковной старины,—настаетъ время, несомнѣнно, обезпечивающее уже цѣлость нашей церковной старины и успѣхи ея научнаго дальнѣйшаго обслѣдованія.

Поистинѣ отцомъ нашей Харьковской археографіи мы должны назвать Преосвященнаго Филарета (Гумилевскаго), Архіепископа Харьковского (1848—1859), положившаго дѣйствительное начало изученію Харьковской церковной старины своимъ замѣчательнымъ, научнымъ трудомъ, изданнымъ имъ подъ названіемъ: „Историко-Статистическое описаніе Харьковской епархіи. Въ V томахъ. Харьковъ. 1859“¹⁾. Преосвященный авторъ съ поразительнымъ трудолюбіемъ собралъ здѣсь все, доступныя ему, историко-статистическія свѣдѣнія о городахъ, селеніяхъ, монастыряхъ, храмахъ и населеніи Харьковской епархіи, а также и о всѣхъ вещественныхъ памятникахъ древнѣйшаго прошлаго нашей страны: городищахъ, развалинахъ, могилахъ, остаткахъ крѣпостей, находкахъ древнихъ монетъ, оружія и т. п. Не ограничиваясь упоминаніемъ о нихъ, онъ пытается разгадать значеніе этихъ памятниковъ при помощи интереснѣйшихъ историческихъ сближеній, предположеній и лѣтописныхъ данныхъ. Эта часть его труда невольно возбуждала къ серьезнѣйшимъ и тщательнымъ изслѣдованіямъ этихъ памятниковъ нашей стороны. Въ своемъ трудѣ авторъ публикуетъ массу драгоценнѣйшихъ и древнѣйшихъ документовъ по исторіи нашей страны и церкви, которые онъ только могъ добыть и подлинники большинства которыхъ уже теперь не существуютъ. Добытый имъ и здѣсь собранный матеріалъ чрезвычайно важенъ въ научномъ отношеніи, какъ фундаментальный и основной для изученія нашей старины.

¹⁾ Это изданіе было разослано по всѣмъ церквамъ Харьковской епархіи. Въ настоящее же время оно имѣется только въ немногихъ изъ нихъ. Изданіе сдѣлалось библиографическою рѣдкостью.

Самое важное значеніе этого труда въ томъ, что въ немъ впервые указаны, названы и документированы со стороны своей давности всѣ важнѣйшія древности нашего края, которыми дотолѣ не интересовались и о существованіи которыхъ не подозрѣвали. Здѣсь открыта завѣса, за которою скрывалась мѣстная старина. Здѣсь показана перспектива многовѣковаго прошлаго нашего края, богатая для научнаго изслѣдованія и важная для правильнаго уясненія бытового уклада Слободской Украины.

Преосвященный авторъ безспорно привлекъ огромное вниманіе образованнаго общества къ нашей старинѣ. Указавъ на важность вещественныхъ памятниковъ церковной древности нашего края, онъ не занялся подробнымъ изслѣдованіемъ ихъ, но предоставилъ это будущимъ поколѣніямъ. Поэтому трудъ Преосвященнаго Филарета легъ въ основу и сдѣлался отправною точкою почти всѣхъ послѣдующихъ изслѣдованій старины нашего края.

По пути Преосвящ. Филарета дальнѣйшіе шаги были сдѣланы профессорами Харьковскаго Университета Д. И. Багалѣмъ и Е. К. Рѣдинымъ, замѣчательными и ревностными изслѣдователями мѣстной старины.

Проф. Д. И. Багалѣй въ 1887 году издалъ свое огромное ученое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Москва“. Хотя здѣсь главное вниманіе свое авторъ посвящаетъ вопросу колонизаціи нашего края, но мимоходомъ, какъ бы въ дополненіе къ труду Преосвящ. Филарета, сообщаетъ массу новыхъ найденныхъ имъ документовъ и свѣдѣній по церковной исторіи нашего края и о разныхъ памятникахъ церковной древности. Со свойственною ему научною эрудиціей онъ разъясняетъ нѣкоторые важнѣйшіе вопросы касательно исторіи Св. Горъ, устройства и характера первыхъ монастырей и церквей и быта духовенства нашего края. Въ недавно законченномъ имъ (въ 1912 г.) и изданномъ Харьковскимъ Городскимъ Управленіемъ двухтомномъ историко-бытовомъ описаніи г. Харькова онъ, между прочимъ, даетъ богатѣйшій матеріалъ и по бытовой исторіи Харьковскаго городского духовенства и археографіи церковныхъ древностей г. Харькова. Въ тоже время въ многочисленныхъ своихъ мелкихъ историко-археологическихъ статьяхъ,

рефератахъ и замѣткахъ проф. Д. И. Багал'ѣй сообщаетъ немало вообще научныхъ данныхъ, способствующихъ уясненію разнообразныхъ вопросовъ нашей церковной старины.

Но за послѣднее время никто не оказалъ такихъ крупныхъ заслугъ для изученія нашихъ церковныхъ древностей какъ недавно умершій проф. Е. К. Рѣдинъ¹⁾.

Будучи профессоромъ искусства въ Харьковскомъ Университетѣ, Е. К. Рѣдинъ съ самаго начала своей научной дѣятельности проявлялъ особенное тяготѣніе къ древне-христіанскому искусству. Ученныя степени онъ получилъ сперва за сочиненіе; „Кіево-Софійскій соборъ, изслѣдованіе его мозаичной и фресковой живописи“ (1888 г.), а потомъ за диссертацию: „Мозаика Равенскихъ церквей“ (1896 г.) и былъ командированъ для ученыхъ занятій въ монастыри Аѳона. вмѣстѣ съ этимъ онъ чрезвычайно интересовался мѣстной стариной и въ этой области заявилъ себя необыкновенными трудами. Какъ неутомимый, ревностный, незнавшій устали и не щадившій себя собиратель и изслѣдователь памятниковъ мѣстной старины, онъ не зналъ себѣ равнаго. Благодаря ему Университетскій Музей изящныхъ искусствъ обогатился нѣсколькими новыми обширными отдѣлами. Въ это время былъ подготовленъ и устроенъ въ г. Харьковѣ XII Археологическій Сѣздъ. Душою этого Сѣзда былъ Е. К. Рѣдинъ. При своей гигантской работоспособности онъ смогъ организовать при Сѣздѣ обширнѣйшую выставку древностей, размѣстить и научно каталогизировать ее. Для насъ въ особенности здѣсь должны остаться незабвенны его труды по собранію и организации при Сѣздѣ, а послѣ Сѣзда при Университетѣ обширнѣйшаго отдѣла церковныхъ древностей Харьковскаго края. Предварительно онъ предпринималъ обширныя поѣздки по губерніи для собиранія по монастырямъ и церквямъ памятниковъ церковной старины. Трудъ, настойчивость, горячая любовь къ своему дѣлу, обширныя знанія и пониманіе нашей старины, проявленная имъ въ это время, были изумительны. Созданная имъ выставка церковныхъ древностей оказалась необыкновенно богатою, интересною, поучительною, съ любовію и ученостію составленною: она имѣла особый успѣхъ на Сѣздѣ. По окончаніи Сѣзда

¹⁾ См. Памяти проф. Е. К. Рѣдина. Харьковъ. 1909 г.

онъ настоялъ на оставленіи большинства церковныхъ экспонатѣвъ въ Музеѣ Университета и устроилъ здѣсь великолѣпный отдѣлъ этихъ древностей: съ любовью, бережливостію и художественною красотою размѣстилъ, научно съ глубокимъ знаніемъ дѣла описалъ и каталогизировалъ ихъ. Отдѣлъ этотъ былъ истиннымъ его дѣтищемъ, и нынѣ составляетъ украшеніе Университетскаго Музея. При массѣ матеріала отдѣлъ этотъ поражаетъ цѣнностію собранныхъ предметовъ. Здѣсь имѣются рѣдкія по художественности и древности: украинская иконостасная рѣзба, иконопись, церковное шитье, утварь, деревянная скульптура и т. п. Интереснѣйшую часть отдѣла составляетъ обширная коллекція фотографій церквей и церковныхъ древностей, сдѣланныхъ самимъ Е. К. Рѣдинымъ и собранныхъ имъ отъ другихъ.

Объ оригинальнѣйшей находящейся здѣсь украинской иконѣ „Недреманное око“ онъ издалъ свое ученое изслѣдованіе (Харьковъ 1908 г.). О церквахъ же города Харькова онъ составилъ прекраснѣйшее историко-археологическое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Матеріалы къ изученію церковныхъ древностей Украины. Церкви г. Харькова. Харьковъ 1905 г.“. Несомнѣнно, что въ дальнѣйшемъ онъ могъ бы и еще многое сдѣлать, можетъ быть, не столько для собиранія церковныхъ древностей, сколько для ихъ обстоятельнаго научнаго изслѣдованія. Къ сожалѣнію смерть рано подкосила его, отнявъ у науки самоотверженнаго работника, а у мѣстной церкви ревностнаго охранителя ея старины...

Въ области мѣстной церковной археологіи громадную роль сыгралъ и вышеупомянутый нами XII Археологическій Сѣздъ въ Харьковѣ 1902 года. До Сѣзда археологія въ районѣ нашего края поработала еще немного. Обширныя же и планомѣрныя археологическія изысканія здѣсь поведены были только въ связи съ означеннымъ Сѣздомъ. И то, что было добыто Сѣздомъ, даетъ богатый и интереснѣйшій вкладъ, между прочимъ, и въ церковную археографію нашего края древнѣйшаго, домонгольскаго періода¹⁾.

Съ этимъ временемъ оживленія интереса къ нашимъ церковнымъ древностямъ совпадаетъ появленіе въ мѣстной

¹⁾ Научные труды этого Сѣзда были изданы подъ заглавіемъ: „Труды XII Археологическаго Сѣзда въ г. Харьковѣ 1902 г. т. I и II. Москва 1905 г.“.

духовной литературѣ разнообразныхъ историко-статистическихъ описаній монастырей и церквей епархіи, во главѣ которыхъ надобно поставить ученый и обширный трудъ проф. Т. И. Буткевича: „Историко-статистическое описаніе Харьковскаго Каѳедрального Собора. Харьковъ 1894 г.“¹⁾.

Значительную общественную роль въ возбужденіи вниманія къ украинской церковной старинѣ играютъ появившіеся въ наше время въ Харьковѣ художественные кружки, задавшіеся цѣлію собиранія, изученія и популяризаціи образцовъ древне-украинскаго искусства, въ томъ числѣ и главнымъ образомъ церковнаго. Во главѣ ихъ надобно поставить художника С. Васильковскаго, специалиста въ художественномъ воспроизведеніи Малороссіи въ ея настоящемъ и прошломъ. Глубокую любовь онъ имѣетъ къ мѣстной церковной старинѣ. Путешествуя по разнымъ концамъ юга Россіи и нашей губерніи, онъ всюду пишетъ этюды со старинныхъ церквей и монастырей, часто воспроизводя особенно примѣчательное въ этой области въ разныхъ видахъ и моментахъ. Высокохудожественныя картины его этого рода несомнѣнно воспитываютъ въ обществѣ хорошій и глубокій вкусъ къ мѣстной церковной старинѣ и интересъ къ ея памятникамъ. Прекрасная коллекція его картинъ съ изображеніемъ старинныхъ церквей нашего края имѣется въ Харьковскомъ Городскомъ Музеѣ, отдѣльныя же его работы этого рода во множествѣ разсѣяны у любителей художественной старины изъ мѣстнаго общества. Нерѣдко его изображенія старинныхъ церквей оказываются цѣнными помимо художественныхъ достоинствъ еще и потому, что эти церкви теперь уже не существуютъ. Таковы его картины: церкви въ Сватовой Лучкѣ, Куп. у., XVIII в. бывшей на берегу р. Свахи, „Рождество-Богородичной въ сл. Мерефѣ, Харьк. у., сгорѣвшей въ 1878 г.

¹⁾ Извѣстны обстоятельныя описанія монастырей: Еп. Стефана: „Курияжскій Преображ. монастырь. Харьковъ 1902 г.“; Гр. Ковалевскаго „Святогорская Общежительная пустынь (Одесса 1902 г.)“; Свящ. І. Попова „Верхо-Харьковскій Стрѣлечій женскій монастырь (Харьк. 1913 г.)“; „Св.-Дмитріевскій Ряснянскій монастырь (Харьковъ 1911 г.)“; Свящ. Н. Стеллецкаго „Вознесенскій Хорошевскій монастырь (Русскій Паломникъ 1890 г.)“; Историко-Статистич. описанія церквей: Троицкой г. Бѣловодска, Староб. у.; Крестовоздвиженской, Благовѣщенской и Воскресенской г. Харькова, и др.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ послѣднее время для памятниковъ церковной древности Харьковскаго края наступила вполне благоприятная пора. Недоставало только объединенія заботъ о нихъ въ одномъ компетентномъ для этого учрежденіи. Эту послѣднюю и самую важную задачу въ области мѣстной церковной археографіи и рѣшилъ осуществить Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій. Съ самаго начала своего святительства на Харьковской кафедрѣ (съ 1903 г.) онъ былъ озабоченъ вопросомъ мѣстныхъ церковныхъ древностей не только въ смыслѣ ихъ собиранія и храненія, но и въ смыслѣ обезпеченія дальнѣйшаго ихъ изученія въ епархіи научными силами. Уже въ 1903 году имъ было задумано учредить церковный Музей и Церковно-Археологическое Общество при немъ. Церковныя древности, подлежащія послѣ XII Археологическаго Съѣзда возвращенію церквамъ и монастырямъ, по его распоряженію были препровождены въ Духовную Семинарію для временнаго образованія здѣсь Музея. Въ то же время по его указаніямъ былъ выработанъ и Уставъ Епархіальнаго Музея. Намѣчены были тогда же и положенія объ учрежденіи Археологическаго Общества. Но для дальнѣйшаго осуществленія этихъ начинаній во всей ихъ желаемой широтѣ возникло препятствіе въ отсутствіи надлежащаго мѣста для Музея и Общества. Высокопреосвященный Владыка намѣчалъ это послѣднее въ проэктированномъ имъ Епархіальномъ Домѣ. Прошли годы, прежде чѣмъ создались условія благоприятныя для устройства этого давно необходимаго епархіи и духовенству Епархіальнаго Дома. Наконецъ, въ истекшемъ 1912 г. давно желѣнная мысль Владыки была осуществлена. Епархіальный Домъ былъ устроенъ и въ немъ приготовлено прекрасное помѣщеніе и для Музея. 11 Мая того же года Высокопреосвященный Владыка утверждаетъ вновь выработанный Уставъ Епархіальнаго Церковно-Археологическаго Общества и Музея при немъ и открываетъ мѣсто для нихъ въ новоустроенномъ Епархіальномъ Домѣ. Главными задачами новоучрежденному Обществу были указаны: а) объединеніе мѣстныхъ научныхъ силъ для заботъ о церковныхъ древностяхъ Харьковской епархіи, б) храненіе и изученіе церковныхъ древностей на мѣстахъ ихъ нахожденія въ епар-

хія и в) собраніе, храненіе и изученіе ихъ въ Епархіальномъ Музеѣ.

То, что уже сдѣлано всѣми этими усиліями послѣдняго времени въ области мѣстной церковной археографіи, представляется и теперь настолько богатымъ, поучительнымъ и интереснымъ, что возникаетъ возможность научно классифицировать установленныя памятники церковной древности и сдѣлать изъ нихъ нѣкоторые важные выводы для уясненія характера нашей мѣстной церковной старины. Первую попытку въ этомъ отношеніи и составляетъ этотъ нашъ трудъ. Мы будемъ держаться строго фактической почвы, имѣя въ виду добытое доселѣ и уясненное.

I.

Славяно-Русская колонизація края въ перво-христіанскую эпоху русской исторіи XI—XII в.в.

Историческая жизнь мѣстностей, входящихъ въ настоящее время въ составъ Харьковской губерніи, повидимому, началась такъ недавно, а именно: съ конца XVI и начала XVII в.в.,—со времени построенія здѣсь Московскими Государями пограничныхъ сторожевыхъ городовъ и массоваго переселенія сюда выходцевъ изъ приднѣпровской Малороссіи, такъ называемыхъ „черкасъ“. Съ этого времени начинаются и дошли до насъ многочисленные и разнообразные историческіе документы, рисующіе въ очень подробныхъ чертахъ постепенную культуру этого края съ умножавшимся и укрѣплявшимся здѣсь поселеніемъ „черкасъ“ и великороссовъ. Древнѣйшія же судьбы края отъ времени болѣе ранняго представляются обыкновенно въ туманномъ видѣ. При томъ же и историческихъ данныхъ объ этомъ древнѣйшемъ періодѣ сохранилось весьма мало и очень краткихъ, отрывочныхъ, неясныхъ и даже загадочныхъ. Всѣ вопросы о томъ, кто въ то отдаленное время, въ домонгольскую, русско-славянскую эпоху, обиталъ здѣсь, было ли здѣсь осѣдлое населеніе, простирались ли сюда древнеславянскія колоніи, проникало ли сюда христіанство,—всѣ эти вопросы, столь важные для исторіи края, оставались безъ положительнаго рѣшенія. Въ перспек-

тивѣ древнѣйшаго прошлаго Харьковскій край казался странною безъ осѣдлаго населенія, безъ городовъ и поселеній, свободною и пустынною окраиною первоначальнаго русскаго государства. Здѣсь по временамъ только двигались, да и то въ южныхъ его границахъ, нынѣшнихъ Старобѣльскомъ и Изюмскомъ уѣздахъ, бродячія толпы и полчища кочевниковъ: скифовъ, сарматовъ, готовъ, гунновъ, половцевъ, печенѣговъ и татаръ, оставившихъ послѣ себя многочисленныя холмы съ таинственными каменными изваяніями, такъ называемыми „бабами“. Такъ дѣло представлялось до тѣхъ поръ, пока на помощь изученію древностей Харьковскаго края не пришла археологія, которая уже по исторіи какъ нашей родины, такъ и другихъ странъ, ознаменовала себя изумительными открытіями, освѣтивъ яркимъ свѣтомъ темныя дотолѣ и загадочныя страницы ихъ далекаго прошлаго.

Добытыя уже археологическія данныя освѣщаютъ одни стороны древнѣйшаго прошлаго нашего края въ совершенно новомъ видѣ съ полною опредѣленностію и точностію, а о другихъ же со всею рѣшительностію подтверждаютъ прежнія догадки и предположенія. Насъ глубоко интересуютъ вопросы христіанскихъ древностей Харьковскаго края. При прежнемъ положеніи научныхъ знаній о древнѣйшемъ прошломъ этого края (до XV в.) самый вопросъ о христіанскихъ древностяхъ того періода не имѣлъ мѣста въ виду совершенной невозможности его разрѣшенія. Древнѣйшее христіанство нашего края совершенно не представлялось. Между тѣмъ, теперь уже имѣются археологическія данныя и для рѣшенія этого вопроса, столь важнаго въ судьбахъ нашего края. Чтобы правильно оцѣнить ихъ значеніе для уясненія этого вопроса, необходимо прежде всего принять во вниманіе тѣ историко-топографическія особенности Харьковскаго края, которыя, несомнѣнно, играли большую роль въ христіанской славяно-русской колонизаціи его уже въ XI—XII в.в.

Харьковская губернія—узкая и продолговатая полоса, простирающаяся съ юго-востока на сѣверо-западъ между 48°31' и 51°16' с. ш., 33°50' и 39°50' в. д., протяженіемъ въ длину на 465 верстъ, въ самой широкой своей части на 150 верстъ и въ самой узкой на 90 верстъ. Сѣверо-западная ея половина представляетъ средоточіе и, какъ бы, узелъ верховьевъ рѣкъ: Сейма, притока Десны, Сулы, Псла, Ворсклы и

ея притока Мерла, которая неизбѣжно и вполнѣ естественно связывали орошаемый ими районъ со двумя обширными сосѣдними странами: Черниговщиной (по р.р. Сейму и Деснѣ) и Полтавщиной (по остальнымъ рѣкамъ). Отъ глубокой древности и до позднѣйшаго времени по равнинѣ Европейской Россіи рѣки были самыми удобными путями сообщенія: торговыми, военными и колонизаціонными. Это необходимо имѣть въ виду для уясненія историческаго хода колонизаціи Харьковскаго края. Черниговщина, древнее Чернигово-Сѣверское княжество, и Полтавщина, древнее Переяславское княжество, — это первоначальная гнѣзда славяно-русской осѣдлости едва ли не съ VI в. по Р. Х. Изъ этихъ центровъ съ трехъ сторонъ: сѣвера, запада и юга шли водные пути въ сѣверо-западную половину Харьковскаго края, вслѣдствіе чего эта послѣдняя неизбѣжно должна была уже въ древнѣйшую эпоху подвергнуться разностороннему вліянію сосѣднихъ культурныхъ славяно-русскихъ княжествъ. При этомъ климатическими своими особенностями, свойствами почвы и растительностію она составляла одно цѣлое съ сосѣдями и въ особенности съ Полтавщиной: тоже богатство мощныхъ лѣсовъ, хотя и не сплошныхъ, какъ въ Черниговщинѣ, въ особенности по берегамъ вышеуказанныхъ рѣкъ, то же плодородіе глино-черноземной почвы, тотъ же мягковолнистый рельефъ поверхности. Проф. И. В. Голубовскій въ своемъ изслѣдованіи „Печенѣги, Торки и Половцы“ доказалъ, что граница Чернигово-Сѣверскаго и Переяславскаго княжествъ, шла гораздо далѣе на югъ и юго-востокъ, чѣмъ это принято думать. Нынѣшняя Харьковская губернія составляла боевую границу древней Руси вообще и Сѣверщины въ частности¹⁾. Юго-западная же половина Харьковщины имѣетъ свои особенности. По объему своему она вдвое больше другой половины и вся она составляетъ одинъ бассейнъ главной водной артеріи края р. Сѣвернаго (въ древности Сѣверскаго) Донца. Начинаясь въ Курской губерніи, онъ своими верховьями и въ особенности верховьемъ своего значительнѣйшаго притока Оскола вступаетъ въ связь съ средне-русскою областію и съ окраинами древнихъ Рязанскаго и Суздальскаго княжествъ. Сѣверный Донецъ протек-

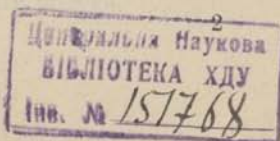
¹⁾ Д. И. Багалъй и Д. П. Миллеръ. Исторія города Харькова. Харьковъ. 1905 г. т. I, стр. 24.

каетъ по нашему краю на протяженіи свыше 400 верстъ. Огибая всю юго-восточную часть края, онъ здѣсь соединяется своими притоками: Удами и Мжою (Можь, Можа, Мжа), извѣстными уже въ XI—XII в.в., съ узломъ вышеозначенныхъ водныхъ путей, идущихъ въ Черниговщину и Полтавщину, при чемъ пункты этой связи совпадаютъ съ нынѣшними селами: Коломакомъ, Перекопомъ (между верховьями Мжи и Коломака—притока Ворсклы) и г. Богодуховымъ (у верховьевъ Мерла и Удѣ).

Особенно же важнымъ обстоятельствомъ здѣсь является то, что Сѣверный Донецъ, вливающийся въ р. Донъ и чрезъ него въ Азовское море, издревле былъ извѣстнымъ путемъ изъ Черниговщины, Полтавщины и Курска въ страны Приазовскія и Черноморскія. Въ этихъ послѣднихъ краяхъ въ IX—X вв. процвѣтало царство Хозарское, съ которымъ славяно-русскія земли вели постоянныя и широкія торговыя сношенія. Въ X—XII вв. здѣсь, приблизительно у устья р. Дона, появляется княжество Тмутараканское, замѣчательное загадочностію своего появленія и исчезновенія въ русской исторіи ¹⁾. Недолговѣчное существованіе его во всѣхъ подробностяхъ еще не выяснено. Однако несомнѣнно, что оно было удѣломъ славяно русскихъ князей Рюриковичей и находилось во все время своего существованія въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ въ особенности съ Чернигово-Сѣверскимъ княжествомъ, каковыя могли производиться только водною дорогой Сѣверскаго Донца. Это былъ извѣстный и хорошо проторенный путь. Сѣверный Донецъ южнѣ впаденія въ него притока Оскола пересѣкалъ сплошное степное пространство, простиравшееся отъ р. Волги и до р. Днѣпра, по которому постоянно проходили цѣлыми племенами азіатскіе кочевники. Это обстоятельство придавало С. Донцу въ предѣлахъ Харьковскаго края чрезвычайно важное стратегическое значеніе въ смыслѣ удобства наблюденія отсюда съ разныхъ его пунктовъ за движеніями враждебныхъ кочевниковъ.

Ближайшее знакомство съ лѣтописными данными убѣждаетъ насъ въ томъ, что вся сѣверо-западная половина

¹⁾ М. С. Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. „Общ. Польза“ кн. I, стр. 142, примѣч. 5, стр. 289, 301, 302 и 304.

Харьковского края въ XI—XII вв. дѣйствительно подвергалась усиленному заселенію славяно-русскими колоніями и притомъ не случайными, но выдвигаемыми сюда по опредѣленному плану Чернигово-сѣверскими и Переяславскими князьями въ качествѣ передовыхъ оборонительныхъ пунктовъ противъ кочевниковъ. Оборонительную линію колоній противъ кочевниковъ устраивали еще князья Кіевскіе Олегъ, Святославъ, Св. Владимиръ, выдвигая ее все дальше и дальше отъ Кіева къ юго-востоку. Съ половины XI в. эта линія выдвигается уже въ предѣлы нынѣшней Харьковской губерніи: здѣсь заселяются и укрѣпляются всѣ подходящіе и выгодные пункты. Медленно, но упорно славяно-русское племя наступало на кочевниковъ. Въ теченіе всего XII в. продолжалась настойчивая борьба съ самымъ упорнымъ и сильнымъ врагомъ—половцами. Тяжесть этой борьбы болѣе всего приходилось выносить сосѣднимъ съ степью Переяславскому и Новгородъ—Сѣверскому княжеству. Со стороны русскихъ по отношенію къ половцамъ проявлялась двоякая политика. Первая, представителемъ которой являлись Сѣверскіе князья, стояла за сближеніе съ половцами, для чего князья часто заключали съ ними браки, призывали ихъ на помощь въ своихъ усобицахъ. Напротивъ, Переяславскіе князья считали борьбу съ „погаными“ своей святою обязанностію. Они нерѣдко предпринимали походы въ глубь половецкихъ степей, а также постоянно смыкали цѣпь укрѣпленій. Кромѣ крѣпостей какъ бы живой стѣной служили вновь поселяемые на окраинахъ инородцы — переяславскіе торки и турпѣи. Здѣсь, на тогдашнихъ окраинахъ, образовалась даже особая помѣсь славянъ съ потомками аланъ и позднѣйшими тюркскими кочевниками. Историки упоминаютъ при этомъ объ интересной общинѣ тогдашнихъ пограничниковъ, организованной вѣроятно упомянутой полуславянской помѣсью, извѣстной подъ именемъ „бродниковъ“. Эта полусѣдлая община представляла собою прототипъ вольнаго казачества, съ которымъ ее сближали общія условія тревожной жизни искателей приключеній въ изобиловавшихъ естественными богатствами окраинахъ. Бродники повидимому считались христіанами, хотя къ кочевникамъ стояли ближе, чѣмъ къ русскимъ. Иногда они участво-

вали въ княжескихъ смутахъ ¹⁾. Душой наступательной политики былъ Владимиръ Мономахъ. Кромѣ укрѣпленія границъ, онъ предпринялъ рядъ удачныхъ походовъ въ глубь половецкихъ степей. Такъ, въ 1111 г. русскіе проникли на Донъ и разбили половцевъ. Къ 1185 году относится неудачный походъ двухъ сѣверскихъ князей Игоря Святославича и брата его Всеволода, высокопоэтическое описаніе котораго оставилъ намъ неизвѣстный авторъ „Слова о полку Игоревѣ“, повидимому дружинникъ сѣверскаго князя. Такіе походы въ половецкіе степи на Донъ невозможны были безъ близкаго и хорошо защищеннаго тыла въ видѣ пограничныхъ укрѣпленій въ районѣ Сѣверскаго Донца, которыя становились опорною базою для дѣйствій русскаго ополченія въ степяхъ. Это подтверждается сказаніемъ „Слова о полку Игоревѣ“, что князь Игорь Святославичъ, бѣжавшій изъ плѣна половецкаго, нашелъ себѣ первый пріютъ въ г. Донцѣ ²⁾.

До какихъ пунктовъ нашего края могла простираться въ то время сѣверская колонизація въ видѣ пограничныхъ укрѣпленій?

Несомнѣнно, эта колонизація шла по прибрежнымъ лѣснымъ пространствамъ. Правда, въ предѣлахъ нашего края не было такихъ сплошныхъ лѣсныхъ пространствъ, какъ въ Черниговской губерніи. Но все же лѣсовъ отдѣльными площадями было не мало, и всѣ они главнымъ образомъ тянулись по верхнему теченію р.р. Псла и Ворсклы, верхнему и отчасти среднему теченію р. С. Донца, а также по притокамъ этихъ рѣкъ. Тутъ, еще въ первой половинѣ XVIII в. располагались лѣса: Гомольшанскій, Теплинскій, Черкасскій, Изюмскій, Турушковскій, Иловскіе бояраки, Коломацкій, Зміевскій, Чугуевскій и др. Лѣса эти занимали площади отъ 10 до 15 и болѣе верстъ въ длину и отъ 2 до 7 верстъ въ ширину и были богаты коробельными деревьями. Теперь

¹⁾ Россія. Подъ редакц. В. П. Семенова. т. VII, СПБ. 1903 г., стр. 71.

²⁾ „И посла Игорь къ Лаврови конюшого своего, река ему: „перѣди на ону сторону Тора (р. Торець у г. Славянска) съ конемъ поводнымъ“; бяшетъ бо съвѣчалъ съ Лавромъ бѣжати въ Русь... Пришедъ ко рѣцѣ и перебрѣдъ, и всѣде на конь: и тако пойдоста сквозѣ вѣжа... И иде пѣшь 11 день до города Донця, и оттолѣ иде во свой Новгородъ“... Лѣтописъ Ипатьевского списка.

они, если гдѣ и сохранились, какъ, напр., лѣса Зміевскій, Изюмскій, Чугуевскій и др., то или занимаютъ значительно меньшую площадь или большею частію порѣдѣли и измельчали. Проф. Докучаеву и А. С. Георгіевскому удалось доказать, что въ нынѣшней Малороссіи въ давно минувшія времена лѣса занимали огромныя пространства, напр. по р. Ворсклѣ отъ 40 до 43 верстъ въ длину и около 15—17 в. въ наибольшемъ поперечникѣ. А проф. Черняевъ въ своихъ описаніяхъ лѣсовъ Украины сообщаетъ, что въ Волчанскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 45 отъ Харькова, при р. Донцѣ, въ началѣ XIX в. берега были покрыты вѣковыми дубравами, а въ половинѣ этого столѣтія бѣдный селянинъ для отданія послѣдняго долга матери съ опасностію жизни погружался на глубину рѣки—добыть ей гробовую дѣску, ибо на днѣ многихъ рѣкъ Украины лежатъ зачастую стволы дубовъ, древесина которыхъ отъ долгаго лежанія въ водѣ принимаетъ черносѣрую окраску¹⁾. Привычный къ лѣсамъ русскій славянинъ находить для себя въ предѣлахъ нашей губерніи удобнѣйшія и безопаснѣйшія мѣста для поселеній и укрѣпленій только среди лѣсовъ по возвышеннымъ и малодоступнымъ пунктамъ у рѣкъ. Такимъ образомъ, древнѣйшія славяно-русскія колоніи здѣсь могли простираться по всей сѣверо-западной части, доходить до предѣловъ распространенія прибрежныхъ лѣсовъ и до границъ начинавшихся черноморскихъ и пріазовскихъ степей, т. е. до сліянія съ Сѣвернымъ Донцомъ притока его Торца, куда доходитъ самый южный въ нашей губерніи Изюмскій лѣсъ, здѣсь заканчивающійся обширнымъ вѣковымъ боромъ.

Таковы выводы относительно славяно-русскаго заселенія Харьковскаго края въ древнѣйшую эпоху XI—XII вв. по историко-топографическимъ даннымъ. И эти выводы начинаютъ все болѣе подтверждаться археологическими изысканіями по территоріи нашего края.

Замѣчательными памятниками древнѣйшаго населенія нашей губерніи являются монетные клады. Важнымъ обстоятельствомъ здѣсь является то, что ихъ было находимо и теперь находятъ весьма много и часто въ такихъ мѣстахъ,

¹⁾ Ф. А. Виноградовъ. Растительный и животный міръ Малороссіи. Россія изд. подъ редакціей В. П. Семенова. Спб. 1903 г. т. VII стр. 42—44.

гдѣ менѣе всего можно было бы предполагать, въ дремучихъ лѣсахъ, при болотахъ, въ пустынныхъ прибрежныхъ пескахъ. Клады эти идутъ отъ древнѣйшихъ временъ. Сдѣлавшись предметомъ изученія, они даютъ возможность опредѣлить линію распространенія поселеній въ нашей губерніи, время ихъ существованія, размѣры и направленіе торговыхъ сношеній съ сосѣдними народами. В. Е. Данилевичъ, специально изучавшій ихъ, далъ наглядную карту кладовъ Харьковской губерніи и представилъ XII Археологическому Съѣзду въ г. Харьковѣ научно составленный докладъ о результатахъ своего изслѣдованія кладовъ Харьковского края. Клады и единичныя монеты во множествѣ были находимы въ сѣверо-западной части края, исключительно по берегамъ рѣкъ, среди лѣсовъ или на мѣстахъ бывшихъ вѣковыхъ лѣсовъ, въ особенности же въ бассейнѣ р. Сѣвернаго Донца. В. Е. Данилевичъ на основаніи изученія ихъ пришелъ къ слѣдующимъ замѣчательнымъ выводамъ. „Донецъ служилъ съ древнѣйшихъ временъ главной торговой артеріей этого края и только для періода со II ст. по Р. Х. и вплоть до V (а можетъ быть и позже) повидимому торговое движеніе направляется по притокамъ р. Днѣпра. Вслѣдствіе указанной причины берега Донца и его притоковъ были гуще населены, чѣмъ берега рѣкъ Днѣпровскаго бассейна. Населенія теперешней Харьковской губерніи вплоть до V—VI в.в. по Р. Х. тяготѣло въ торговомъ отношеніи къ югу, сначала къ греческимъ колоніямъ на югѣ Россіи, потомъ, вѣроятно тоже при посредствѣ греческихъ городовъ на югѣ Россіи къ Византіи. Въ послѣдующее время, вѣроятно же всего, вплоть до XIV в., судя по составу монетныхъ кладовъ и находокъ единичныхъ монетъ, населеніе начинаетъ тяготѣть все болѣе и болѣе къ Востоку“¹⁾.

Другимъ и еще болѣе замѣчательнымъ памятникомъ былого здѣсь населенія являются такъ называемыя „городища“. Въ указанномъ нами выше колонизаціонномъ районѣ Харьковского края, вплоть до впаденія р. Торца въ Сѣверный Донецъ, они встрѣчаются во множествѣ. Но кромѣ уже извѣстныхъ случайно открываются и еще новыя иногда съ

¹⁾ В. Е. Данилевичъ. Карта монетныхъ кладовъ и находокъ единичныхъ монетъ Харьковской губерніи. Труды XII Археологическаго Съѣзда въ г. Харьковѣ 1902 года. Москва, 1905 г., т. I, стр. 384.

едва сохранившимися слѣдами то въ мѣстахъ дотолѣ неизвѣстныхъ, какъ, напр., въ дремучихъ лѣсныхъ дебряхъ, то среди отдѣльных холмовъ-могилъ. На мѣстахъ древнѣйшихъ городищъ въ позднѣйшее время возникли почти всѣ нынѣшніе города края, въ томъ числѣ, несомнѣнно, и г. Харьковъ.

Городища—это безспорно древнія укрѣпленныя селенія, иногда и очень большихъ размѣровъ, которыя служили убѣжищемъ и защитой населенія во время вражескихъ нападений. Вокругъ многихъ изъ нихъ, какъ вокругъ своеобразныхъ акрополей, находились жилища мирнаго и рабочаго населенія, отъ котораго сохранились многочисленные могильные холмы. Чаще всего городище устраивалось на высокомъ холмѣ въ трехъугольникѣ между двумя соединяющимися рѣками, которыя защищали его съ трехъ сторонъ, а съ четвертой защищали или природный глубокой оврагъ съ труднымъ подступомъ или же искусственныя сооруженія. Самый городокъ обносился ровомъ, валомъ въ одну или двѣ линіи и стѣною большею частью изъ массивнаго частокола, а иногда и каменною—массивной кладки, какъ напр., въ городищѣ села Верхняго Салтова, Волч. у. Замѣчательно, что большинство этихъ городищъ съ самыхъ древнихъ временъ были по очереди облюбовываемы народностями, селившимися и укрѣплявшимися и потому оставлявшими здѣсь по очереди культурные слои своего обитанія. Иногда древнѣйшее названіе городища сохранялось и усваивалось устраивавшемуся здѣсь позднѣе городу, какъ, напр., названіе Зміевого городища.

Архiep. Филаретъ въ своемъ „Историко-статистическомъ описаніи Харьковской епархіи“ упоминаетъ свыше чѣмъ о 40 городищахъ во всѣхъ 11 уѣздахъ края, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ подробно описываетъ. Исслѣдователи позднѣйшаго времени понаходили и еще другія городища. Городища буквально усѣваютъ вышеуказанный нами колонизаціонный районъ края. Въ настоящее время, такимъ образомъ, извѣстны слѣдующія городища: бывшее древне-Харьковское (между р.р. Лопанью и Харьковомъ), и въ уѣздахъ Харьковской губерніи: въ Харьковскомъ—Донецкое, Павлово, Хорошево; въ Ахтырскомъ—Ницахское, Котелевское, Журавское, Кукуево, Литовское, Немѣровское и Скаль-

ское; въ Богодуховскомъ—Рублевское, Лихачевское, Старое (у сл. Городное), Солдатское и Торчиново; въ Валковскомъ—Коломакское, Кукулевское, Одринское, Хозарское и Хмѣлево; въ Волчанскомъ—Кочетовское, Волчанское (на Лысой горѣ), Колковское и Салтовское; въ Зміевскомъ—Мѣловое или Сѣверекое (у с. Мѣловой среди густого лѣса Пристѣйка), Гумнина, Черкасско-Бишkinsкое, Коробовское, Старо-Покровское, Зміево, Кабанье, Каменное (или Снетчино), Мохначево и Чугуево; въ Изюмскомъ—Веревкинское, Теплинское (у сл. Богородичной), Камышевахское, Торское и въ Изюмѣ—Кременецъ; въ Купянскомъ—Колодезное и Радьковское; въ Лебединскомъ—Азацкое, Ворожбянское, Каменское, Мало-Исторопское, Михайловское, Недригайловское, Ольшанское, Терновское (прежде Дехановское), городища у с.с. Анниной, Супруновки и Ново-Троицкаго; въ Старобѣльскомъ—Городище и Осиновское и въ Сумскомъ—Вирское, Липецкое, Могрицкое, Юнаковское, Сумское на р. Пселѣ, Шпилевское и Хотѣньское¹⁾. Нельзя не обратить здѣсь вниманія на то, что, гуще всего эти городища располагались въ уѣздахъ Сумскомъ, Лебединскомъ, Ахтырскомъ, Богодуховскомъ, Валковскомъ, Зміевскомъ и Изюмскомъ, и рѣже въ Купянскомъ и Старобѣльскомъ—степныхъ уѣздахъ—бывшихъ обиталищами кочевниковъ. Многія изъ этихъ городищъ еще на памяти нынѣшняго поколѣнія оказывались среди дремучихъ лѣсовъ, теперь уже вырубленныхъ. О степени древности ихъ свидѣлствуетъ то, что на валахъ и холмахъ большинства изъ нихъ еще недавно росли, въ нѣкоторыхъ же и теперь растутъ многолѣтковые дубы. Когда въ ХУП вѣкѣ районъ Харьковской губерніи вновь сталъ заселяться малороссійскими выходцами изъ правобережной Украины—Черкасами, то вездѣ здѣсь ими были находимы эти городища давно заброшенными, успѣвшими къ этому времени зарости вѣковыми деревьями. Замѣчательное въ этомъ отношеніи городище вблизи хутора Кукулевскаго, въ Одринскомъ приходѣ, Валковского у. было описано еще В. Пассекомъ въ 1839 году слѣдующими словами. „Въ окрестности оно приблизительно не менѣе трехъ

¹⁾ См. Труды XII Археологическаго Съѣзда, т. I, стр. 1—92, — объяснительный текстъ къ Археологической картѣ Харьковской губерніи Д. И. Багалѣя, а также Ю. И. Морозова: „О городищахъ Харьковской губерніи“. Харьковъ. 1901 года, стр. 10—11.

версть: валы высокіе, мѣстами тройные, главная боевая сторона обращена на югъ и востокъ. Видѣ—неправильный многоугольникъ. Огромные дубы по 7 или 8 аршинъ въ обхватъ растутъ по вершинѣ вала, и выключаютъ слободскихъ казаковъ XVII в. отъ права на основаніе городища. Мѣдныя оконечности стрѣлъ также указываютъ на его древность¹⁾. Въ описаніи Архіеп. Филарета объ этомъ городищѣ сказано: „глубокая древность укрѣпленій слишкомъ очевидна. По валамъ его выросли огромные дубы; иные изъ нихъ уже срублены, и на пняхъ свободно можетъ лежать человекъ высокаго роста, не занимая, впрочемъ, всей длины поперечника пня. Сколькимъ же годамъ, или вѣрнѣе, вѣкамъ надлежало пройти прежде, чѣмъ начали рости и могло вырасти такіе дубы?“²⁾. Это—явное доказательство домонгольскаго происхожденія этихъ городищъ. Нѣкоторымъ же изъ нихъ надобно приписать и еще болѣе глубокую древность. Это съ очевидностію подтверждается монетами, находимыми въ этихъ городищахъ. Такъ, у с. Знаменскаго, Валков. у., въ пещерахъ стариннаго поселенія были находимы монеты царя Митридата 41—46 г.г. по Р. Х.; у хутора Старыхъ Валокъ—римскія монеты императоровъ Августа, Тиверія, Коммода, Нерона, и греческія монеты IV в. до Р. Х.; въ Сумскомъ уѣздѣ въ Шпилевскомъ городищѣ—монеты арабскія и византійскія X в.; въ г. Купянскѣ—монеты VIII—XIV в. римскія, византійскія и золотоордынскія; въ Зміевскомъ уѣздѣ въ обширномъ городищѣ у хутора Коробова—пантикопейскія и византійскія монеты; въ Богодуховскомъ у. въ городищѣ сл. Лихачевки—монеты II—III в.в. по Р. Х., а въ городищѣ сл. Рублевки—римскія монеты 371—453 г. по Р. Х.

Въ первохристіанскую эпоху русской исторіи нѣкоторые изъ этихъ городищъ въ смыслѣ русско-христіанскихъ городовъ становятся несомнѣнно извѣстными, принимаютъ участіе въ политическихъ движеніяхъ тогдашняго времени и упоминаются въ лѣтописяхъ. Такъ, тамъ, гдѣ въ настоящее время расположенъ заштатный г. Бѣлополье надъ рѣками Выремъ и Крыгою, было старое городище—помятникъ древне-рускаго города Выря, тѣмъ болѣе дорогого для насъ, что вызываетъ

¹⁾ Русскій Историческій Сборникъ изд. Москов. Общества Исторіи и Древности Россіи III. 212.

²⁾ Ibid. т. II. 296 стр.

собою воспоминаніе о другихъ городахъ, бывшихъ въблизи его и о русской жизни до-татарскаго времени. Вырь извѣстенъ еще въ 1111 году по подвигу славнаго Мономаха противъ половцевъ ¹⁾. Поселѣе, Вырь и все пространство за Выремъ до Донца принадлежало Черниговскому княжеству. Во время борьбы Юрія Суздальскаго съ в.-княземъ Изяславомъ въ 1125—1148 г.г. Вырь и сосѣдніе города Въѣханъ и Попашъ съ честью отбивались отъ Юрія Суздальскаго, оставаясь вѣрными великому князю. По убѣжденію Архіеп. Филарета города Въѣханъ и Попашъ находились въблизи Выри, нынѣшняго Бѣлополя,—первый на мѣстѣ городища Терновскаго (иначе Лехановскаго—Дѣхановскаго), а второй на р. Попадья (притокъ р. Сулы) на мѣстѣ Попаснаго городища.

Если эти городища оказываются до-татарскими городами русской народности, то какой народности въ эту эпоху XI—XII в.в. принадлежали остальные городища, выше перечисленные нами? На рѣшеніе этого вопроса начинаютъ проливать свѣтъ археологическія изслѣдованія этихъ городищъ,—изслѣдованія хотя и не поведенныя еще въ обширныхъ размѣрахъ въ цѣляхъ систематическаго изученія всѣхъ ихъ, но уже и теперь, даже частично произведенныя надъ немногими изъ нихъ, дающія возможность сдѣлать несомнѣнные выводы о народности ихъ населявшей въ это время.

Были изучены и археологически изслѣдованы городища Хорошево и Донецкое, Харьков. уѣзда, и Ницахское, Ахтырскаго уѣзда.

Огромное около 3 верстъ въ окружности Хорошево городище было въ подробностяхъ обследовано хотя и безъ раскопокъ извѣстнымъ проф. Ю. И. Морозовымъ ²⁾. По всѣмъ признакамъ это было издавна нажитое мѣсто, сильно укрѣпленное рвами, валами и высокими стѣнами изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ. Для насъ, говоритъ Ю. И. Морозовъ, не существуетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ справедливости зак-

¹⁾ Мономахъ въ завѣщаніи, говоря о походѣ 1111 г. на р. Донъ, пишетъ: „и къ Выреви бяху пришли Аена и Бонякъ, хотѣша взяти и къ Ромну идохъ съ Олегомъ и съ дѣтьми нашь и они очутивше бѣжали“. „Сташа Половцы у Ротъмирѣ дубравы за Выремъ“ (Архіеп. Филаретъ, *ibid.*, III, 407, примѣч. 1, со ссылкой на Лаврент. лѣтопись).

²⁾ *Ibid.*

люченія Архіеп. Филарета, что это городище—памятникъ до-татарской древности. Здѣсь найдены каменные метательныя орудія изъ краснаго очень твердаго песчаника, мѣсто-рожденія котораго нѣтъ здѣсь на сотни верстъ въ окружности. Они занесены сюда издалека. Оказывается, что такія же точно орудія найдены въ курганахъ Кіевской губерніи. Слѣдовательно, населеніе Хорошева городища имѣло родственную связь съ славяно-русскимъ придиѣпровскимъ населеніемъ. Это доказывается и находимыми здѣсь женскими украшеніями—бусами, несомнѣнно, славяно-русскаго типа. Городища Донецкое (въ 6 верстахъ отъ Харькова между селами Филипповымъ и Карачевкою) и Ницахское были обследованы раскопками археологовъ XII Харьковскаго Археологическаго Съѣзда 1902 г., нарочито сюда совершившихъ научныя экскурсіи. Издавна крѣпко держится преданіе, что Харьковско-Донецкое городище есть именно тотъ городъ Донецъ, въ который прибѣжалъ изъ плѣна половецкаго Игорь, князь Сѣверскій, въ 1186 году. Научные результаты раскопокъ, произведенныхъ здѣсь экскурсіей Съѣзда, были изложены извѣстнымъ В. А. Городицевымъ въ его докладѣ Съѣзду¹⁾. Его научные выводы объ этомъ городищѣ, высокоавторитетные и въ высшей степени интересные, мы позволяемъ себѣ здѣсь привести дословно, въ важнѣйшихъ выдержкахъ изъ его доклада.

„Вся масса остатковъ указываетъ на принадлежность культуры къ велико-княжеской эпохѣ до татарскаго нашествія и можетъ быть датирована XI—XII вѣками. Въ это время югъ Россіи оспаривался между двумя народностями: славянской и тюркской. Осѣдлый образъ жизни, земледѣльческій характеръ культуры и ясно выраженная домовитость облегчаютъ рѣшеніе вопроса, требуя признанія въ основателяхъ Донецкаго городища славянъ. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ южныхъ пограничныхъ поселеній, выдвинутыхъ Переяславскимъ или Черниговскимъ княжествами при сыновьяхъ Ярослава Великаго.

Эти пункты удерживались въ рукахъ русскихъ князей до нашествія Батые, когда юго-восточная граница русскихъ владѣній была отодвинута далеко къ сѣверу, къ Пе-

¹⁾ Труды Съѣзда, т. I, стр. 120—124, 130.

реяславлѣ, Глухову и Курску, пограничныя же укрѣпленныя пункты запусѣли. Интересно, что Донецкое городище представляетъ множество ясныхъ доказательствъ насильственнаго разоренія въ послѣдній моментъ его существованія: сгорѣвшія стѣны землянокъ, обильно разсыпанные повсюду уголь и зола говорятъ о сильномъ пожарѣ, сопровождавшемся даже человѣческими жертвами, краснорѣчивыми остатками которыхъ являются обугленные куски человѣческаго черепа, найденные въ землянкѣ № 2-й. Оставалось ли славянское населеніе на старомъ пепелищѣ, послѣ запусѣнія городища, или это мѣсто служило поприщемъ свободныхъ кочевій побѣдоносной татарской орды, при имѣющихся данныхъ трудно сказать что либо положительное. Несомнѣннымъ представляется лишь то, что мѣстность не осталась совершенно безлюдною: это доказываютъ сравнительно частыя находки татарскихъ монетъ. Покоривъ и разрушивъ сотни древнихъ русскихъ городовъ, татары противились возобновленію ихъ укрѣпленій, но позволяли жителямъ селиться на насиженныхъ мѣстахъ. Это особенно хорошо можно видѣть въ исторіи Старой Рязани, бывшей столицей Рязанскаго великокняжества. Послѣ погрома Батыею мощныя укрѣпленія города запусѣли навсегда, но жители поселились на берегу р. Оки, у самой подошвы крѣпости и не прекратили своего существованія до настоящаго времени. Весьма возможно, что и Донецкіе жители оставались послѣ погрома близъ городища и, можетъ быть, „селище“, раскинутое рядомъ съ послѣднимъ, составляетъ памятникъ ихъ позднѣйшей жизни“.

Почти такими же выводами сопровождались и археологическія изысканія, произведенныя въ городищѣ у р. Ворсклицы, Ахтырскаго уѣзда, близъ сл. Ницахи. Найденныя здѣсь вещи характеризуются присутствіемъ среди нихъ серебрянныхъ и бронзовыхъ височныхъ колецъ, согнутыхъ изъ гладкой проволоки, височныхъ колецъ съ тремя шариками кievскаго типа, серебрянныхъ и бронзовыхъ лобныхъ вѣшечковъ, продолговатыхъ граненныхъ сердоликовыхъ бусинъ, бусинъ изъ раковинъ, серебрянныхъ и бронзовыхъ привѣсокъ сердцевидной формы, съ орнаментомъ въ видѣ пальметъ Черниговскаго типа, стеклянныхъ браслетъ, бронзовыхъ крестиковъ, бронзовыхъ витыхъ браслетъ и руч-

ныхъ колець, бронзовыхъ и спиральныхъ перстней, медальоновъ съ изображеніями христіанскихъ святыхъ, обломковъ разбитыхъ сосудовъ съ прямолинейнымъ и волнообразнымъ орнаментомъ. Все это указываетъ, по убѣжденію В. А. Городцева, на тѣсную связь культуры Ницахскихъ кургановъ съ культурой славянскихъ, въ особенности сѣверскихъ кургановъ XI в., когда начало повсюду на Руси вводиться христіанство.

Очевидно, такимъ образомъ, что Ницахское и Донецкое городища должны относиться къ одному времени и одной народности. По всей вѣроятности и исторія ихъ жизни была также одинаковою, т. е. эти и подобныя городища являлись на окраинѣ древней Руси и служили мѣстомъ жительства пограничныхъ славянскихъ колонистовъ; затѣмъ были уничтожены однимъ и тѣмъ же непріятелемъ, и жителямъ ихъ, повидимому, позволено было селиться поблизости, но уже не въ укрѣпленіяхъ, а на открытыхъ мѣстахъ „селищахъ“.

Интересно, что линія, проведенная отъ Ницахскихъ городищъ къ Донецкому городищу, почти совпадаетъ съ линіей юго-восточной границы Переяславскаго княжества времени Ярослава Великаго, какъ ее возстановляетъ Русская исторія. Позже, въ четверти XIII в. эта граница подвинулась значительно къ югу и изслѣдуемая городища теряли значеніе пограничныхъ пунктовъ, вмѣсто ихъ была основана цѣлая цѣпь новыхъ укрѣпленныхъ городовъ и поселковъ, расположенныхъ по р. р. Коломаку, Мжѣ и верхнему Донцу. Съ нашествіемъ татаръ эта граница оказалась во владѣніи Золотой Орды, въ составѣ которой оставалась до XV в., когда верховья и средній районъ р. Сѣверскаго Дона занимаются съ одной стороны рязанскими, съ другой—украинскими дѣпровскими казаками.

Указанныя данныя касательно славяно-русской колонизаціи Харьковскаго края въ XI—XII вв. уже предрѣшаютъ вопросъ и о слѣдахъ перворусскаго христіанства здѣсь. Если нельзя сказать, что здѣсь были города съ монументальными христіанскими памятниками, зато представляется несомнѣннымъ существованіе здѣсь населенія исповѣдующаго христіанство и обставляющаго свою бытовую жизнь христіанскими символами. Къ обозрѣнію дошедшихъ до

насъ памятниковъ этого первобытнаго христіанства въ нашемъ краѣ мы и перейдемъ. Немногочисленны они. Но мы увѣрены, что ихъ мало только пока: дальнѣйшія изысканія въ эти области обнаружатъ большее и значительнѣйшее. При всемъ этомъ и то, что уже добыто, знаменательно и дорого для нашего края, такъ какъ убѣдительно свидѣтельствуєтъ, что уже въ то отдаленнѣйшее время заря вѣры Христовой занималась и здѣсь у насъ, на боевой окраинѣ тогдашней юной Россіи.

II

Памятники христіанства въ до-монгольскій періодъ.

Въ до-монгольскую эпоху, въ XI—XII вв., христіанство проникало въ районъ нынѣшней Харьковской губерніи вмѣстѣ съ славяно-русской колонизаціей. Это было тогда явленіемъ неизбѣжнымъ. Колонизація шла, какъ мы уже говорили, съ сѣверо-запада изъ сосѣднихъ княжествъ Черниговскаго и Переяславскаго, а они въ это время были цвѣтущими центрами христіанства. Города Переяславъ и Черниговъ были епископскими кафедрами, а близкій къ нашему краю Курскъ, родина Преп. Θεодосія Печерекаго, въ то время былъ совершенно христіанскимъ городомъ съ многими храмами. Съ сѣверо-востока же направлялось на нашъ край культурное вліяніе Суздальскаго и Рязанскаго княжествъ. Въ началѣ XI в. отсюда христіанство близко подходитъ къ Придонскому краю также вмѣстѣ съ славяно-русской его колонизаціей. Здѣсь городъ Воронежъ является древнѣйшимъ русскимъ городомъ: въ русскихъ лѣтописяхъ онъ упоминается уже подъ 1177 г. по Р. Х. Христіанскія древности X—XII вв., открытыя въ Придонскомъ краѣ и особенно въ Цимлянскомъ городищѣ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что и нижняя часть Дона была просвѣщена христіанствомъ и, повидимому, даже ранѣе того времени, когда произошло знаменательное событіе крещенія русскаго народа при Св. кн. Владимирѣ ¹⁾. Мы выше говорили, что чрезъ районъ Сѣверскаго Донца шель путь сношеній Чернигово-Сѣверскаго княжества и вообще Кіевской Руси съ Тмутараканскимъ княжествомъ также христіанскимъ. Въ

¹⁾ Христіанское Чтеніе 1897 г., Окт., статья свящ. С. Звѣрева: „Слѣды христіанства на Дону въ до-монгольскій періодъ“, стр. 487.

Тмутаракани упоминается, какъ уже существующая, епархія въ послѣдней четверти XI в.: здѣсь были храмы, былъ и монастырь, основанный Преп. Никономъ Кіево-Печерскимъ. Такимъ образомъ, въ XI—XII вв. первобытное славяно-руское населеніе нашего края находилось подъ перекрестными христіанскими влияніями. Существованіе въ эти вѣка христіанства среди населенія нашего края несомнѣнно. Для насъ представляется знаменательнымъ фактъ существованія христіанства здѣсь даже въ городахъ повидимому половецкаго характера со смѣшаннымъ населеніемъ. Подтвержденіемъ этому можетъ служить то обстоятельство, что жители одного изъ этихъ городовъ, Шаруканя, несомнѣнно находившагося въ районѣ Сѣверскаго Донца, во время похода русскихъ князей въ 1111 году оказались христіанами и вышли къ нимъ съ пѣніемъ молитвъ и хоругвями¹⁾.

Мы остановимъ свое вниманіе на вещественныхъ памятникахъ первобытнаго христіанства въ нашемъ краѣ.

Почти во всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ о Харьковской старинѣ до-монгольскаго періода упоминается о замѣчательной находкѣ христіанскаго памятника, сдѣланной въ городѣ Харьковѣ. Исторія этой находки такова.

Въ концѣ іюля 1869 года при планировкѣ земли подъ Харьковскій вокзалъ желѣзной дороги на урочищѣ „Архіерейская левада“ подъ Холодною горою, на глубинѣ одной сажени въ затвердѣломъ суглинкѣ найдено барельефное головное изображеніе, вырѣзанное на плоской глыбѣ самороднаго гипса, не обѣшенное съ задней стороны. Изображеніе явственно представляетъ убрусъ съ трехъ-складчатыми вверху узлами по угламъ. На немъ изрѣченъ ликъ, украшенный сіяніемъ. Въ настоящее время эта находка хранится въ Музеѣ церковныхъ древностей при Харьковскомъ Университетѣ. Н. Д. Борисякъ изслѣдовалъ этотъ памят-

¹⁾ По мнѣнію проф. Н. Я. Аристова городъ Харьковъ возникъ на мѣстѣ древняго Половецкаго города Шаруканя. Проф. Д. И. Багалій предполагаетъ, что Шарукань, который сдался русскимъ князьямъ въ 1111 году, долженъ былъ находиться гдѣ-то въ мѣстности нынѣшнихъ Харькова и Чугуева. Другіе отождествляютъ Шарукань съ г. Чугуевымъ. Въ послѣднее время нѣкоторые, на основаніи археологическихъ изысканій въ сл. Верхнемъ Салтовѣ, считаютъ находящееся здѣсь древнее городище—остатками половецкаго Шаруканя.

никъ и представилъ III-му Археологическому Съѣзду въ Кіевѣ свой докладъ, въ которомъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ касательно его древности. Мы приводимъ ихъ цѣликомъ ¹⁾.

„Изваяніе отличается правильностію рисунка. Ученія духовныя лица и художники, къ которымъ я обращался за помощію въ опредѣленіи найденнаго предмета, подтвердили мою догадку, что изваяніе ближе всего представляетъ изображеніе иконы Спаса Нерукотворнаго, что на уброеѣ. Если остановимся на мысли о христіанскомъ значеніи изваянія, то мы можемъ отнести его или къ времени съ XI по XIII вв., когда въ данной мѣстности жило христіанское населеніе, причислявшееся къ населенію Переяславскаго и Черниговскаго княжествъ, или ко времени половины XVII в., когда Слободская Украина, запустѣвшая послѣ Батыева нашествія, заселилась вновь выходцами изъ западной, правобережной Украины.

Я позволяю себѣ высказать нѣкоторыя догадки и предположенія относительно этого предмета. Я полагаю, что въ новѣйшую эпоху разсматриваемое изваяніе не было сооружено по слѣдующимъ причинамъ: наши мастера каменщики никогда не дѣлали изваяній изъ самороднаго гипса, породы и не существующей въ окрестностяхъ Харькова. Образъ найденъ на глубинѣ сажени подъ слоемъ отвердѣвшаго суглинка, на образованіе котораго потребно значительно продолжительное время. Мнѣ не случалось встрѣчать между уцѣлѣвшими остатками церковной старинной утвари, а также между вынесенными переселенцами изъ-за Днѣпра предметами религіознаго почитанія изображеній святыхъ, изваянныхъ на камнѣ. Трудно предположить, чтобы найденное изображеніе служило барельефомъ наружной части храма или надгробнаго памятника, такія украшенія въ храмахъ нашихъ не употреблялись и трудно допустить, чтобы они придѣлывались къ стѣнамъ церквей, возведенныхъ изъ дерева.

Кладбища въ мѣстности, гдѣ найденъ образъ, не существовало и при планировкѣ слѣдовъ кладбища никакихъ не обнаружено; при томъ же матеріаломъ для мавзолеевъ служили у насъ первоначально: кирпичъ, песчаниковый камень и

¹⁾ Труды III Археологическаго Съѣзда въ Россіи. Кіевъ. 1878, т. II, приложенія, стр. 205—207.

чугунъ. Украшенія памятниковъ вырѣзываются обыкновенно на монолитѣ, изъ котораго сдѣланъ самъ памятникъ, или же подобно какъ въ храмахъ и часовняхъ бываютъ лѣпныя, а не рѣзные. Затѣмъ, значеніе барельефнаго украшенія опровергается и отсутствіемъ на изваяніи малѣйшихъ слѣдовъ прикрѣпленія.

Разсматривавшій описываемое изображеніе художникъ Волошиновъ выразился о немъ слѣдующимъ образомъ; „по контуру и экспрессіи найденное барельефное изображеніе принадлежитъ къ произведеніямъ древне-греческаго стиля, и я не сомнѣваюсь, что оно служило принадлежностью скита пустынножителства“. Нельзя отрицать возможности подобнаго предположенія, тѣмъ болѣе, что по наблюденіямъ надъ характеромъ нашей мѣстности, не подлежитъ сомнѣнію, что прежде въ ней на значительныхъ пространствахъ существовали вѣковые лѣса, представлявшіе требуемыя для пустынножителства условія.

Можетъ быть въ найденномъ предметѣ мы встрѣчаемъ слѣдъ тѣхъ давнихъ, невѣдомыхъ исторіи, подвижниковъ, которые дали названіе „Святой Горѣ“ на Донцѣ (упоминаемой московскими лѣтописями XVI ст.), которые основали Святогорскую обитель (по мнѣнію Преосв. Филарета существовавшую уже до XIV в.) и которые ископали пещеры въ Донецкой скалѣ, можетъ быть подражая преп. Θεοδοсію и Антонію“.

Находка столь древняго изваянія и притомъ въ городѣ Харьковѣ—чрезвычайно удивительна. Н. Д. Борисякъ, въ докладѣ Кіевскому Археологическому Съѣзду не представилъ подробнаго и тщательнаго описанія изваянія, а свои выводы относительно древности его не достаточно обосновалъ, можетъ быть по не имѣнію для этого фактическихъ и документальныхъ данныхъ. А между тѣмъ, исключительно на основаніи его выводовъ, другіе изслѣдователи нашей старины называютъ это изваяніе памятникомъ до-монгольскаго времени и отсюда заключаютъ о существованіи христіанскаго населенія въ городищѣ на мѣстѣ нынѣшняго Харькова еще въ то отдаленное, до-монгольское время. Серьезность такихъ выводовъ и на первый взглядъ загадочность этой находки побуждаетъ насъ дать здѣсь болѣе подробное и всестороннее описаніе этого изваянія.

Найденный памятникъ представляетъ собою доску въ 28 см. высоты, $23\frac{1}{2}$ см. ширины и $4\frac{1}{2}$ см. толщины изъ мраморовиднаго камня бѣлаго цвѣта. Камень опредѣляютъ какъ бѣлый извѣстнякъ—самородный гипсъ. Лицевая поверхность сѣроватая и шереховатая. Задняя сторона грубо обрублена безъ всякихъ слѣдовъ какого либо прикрѣпленія цементомъ или желѣзомъ. Всѣ четыре обрѣза доски по толщинѣ также не имѣютъ никакихъ слѣдовъ прикрѣпленія, причемъ обрѣзы похожи на обѣски, подобно грубому обѣску задней стороны. Нельзя не замѣтить, что ребра нижнихъ краевъ сильно обтерты какъ бы отъ долгаго держанія руками. Во всю плоскость доски сдѣлано изображеніе. Въ двухъ верхнихъ углахъ вытесаны узлы, каждый въ три складки. Изображеніе представляетъ собою ликъ въ отдѣльномъ видѣ безъ шеи и плечъ. Ликъ челомъ и носомъ сильно выдающійся изъ плоскости доски на 3 см. Вокругъ лика сіяніе (нимбъ) въ 2 см. ширины. Ликъ отъ конца бранды до верха головы 22 см., разстояніе между ушами 15 см. Ликъ продолговатый благороднаго и строгаго стиля. Линія бровей—прямая, глаза большіе, открытые (безъ зрачковъ). Въ изваяніи строга и правильно сдѣланы глаза, носъ, усы, губы, уши и брада, хотя безъ мелкихъ детальныхъ линій: все изображеніе—въ видѣ общаго контура. На челѣ и брандѣ имѣются пять поперечныхъ небольшихъ линій, очевидно, случайно сдѣланныхъ заступомъ при откапываніи его, также случайно отбитъ кончикъ носа. Особенно характерны въ этомъ изваяніи носъ и уши. Носъ замѣтно продолговатый въ 5 см. длины, очень прямой, безъ всякой горбинки и средней толщины или скорѣе: тонкій. Ясно сдѣланы ноздри, и между небольшими, какъ бы намѣченными только, усами, продольная ямка по верхней губѣ. Изученіе этого изваянія убѣждаетъ, что сдѣлано оно хорошимъ мастеромъ, отлично и быстро умѣющимъ высѣкать въ общихъ контурахъ лицо человѣческое. Длина бороды отъ нижней губы 8 см., ширина ея 10 см. Борода въ нижней своей части имѣетъ совершенное явственное и ровное раздвоеніе. Вдоль бороды, начиная отъ ушей, идутъ внизъ волосы, причемъ расширяющіеся къ плечамъ локоны высѣчены контуромъ въ видѣ двухъ трехъугольниковъ въ 12 см. длины и 7 см. ширины у основанія, спускающіеся гораздо ниже бранды. Весьма ха-

рактерны волосы на головѣ. Отъ чела они шириной въ 3 см., надъ серединой чела они раздѣлены и, немного расширяясь вокругъ верхней части головы, сильно сѣуживаются къ ушамъ. Уши небольшія, тонкія и нѣсколько выдающіяся своими оконечностями впередъ.

Изваяніе не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что это—изображеніе священнаго убруса, Нерукотвореннаго образа Христа Спасителя. Правильность и благородство очертаній его чрезвычайны. Слѣдовъ какихъ либо надписей и буквъ нѣтъ никакихъ. Судя по шереховатой и сѣрой поверхности это изваяніе очень древнее. Кажется, что поверхность его была долговременно обвѣтриваема, выставленная наружу, тогда какъ задняя его сторона, бѣлая, какъ бы со свѣжими слѣдами обсѣка, была закрыта. По бокамъ и на задней сторонѣ явны слѣды обтески, лицевая же сторона сглажена, и ни въ одной линіи не замѣтно слѣдовъ рѣзца.

Въ опредѣленіи древности и происхожденія этого изваянія характеръ и стиль сдѣланнаго на немъ Нерукотвореннаго Образа должны играть первостепенную роль. Какого же иконописнаго типа это изображеніе? Какъ видно изъ доклада Н. Д. Борисяка, художникъ Волошиновъ опредѣлялъ его общемою фразою: „изображеніе принадлежитъ къ произведеніямъ древне-греческаго стиля“ (перво-христіанскаго или византійскаго?). Мы не находимъ въ немъ элементовъ сходства съ древне-византійскимъ типомъ, а тѣмъ болѣе перво-христіанскимъ.

По словамъ академика Н. Кондакова, древне-христіанское искусство знало мужественный образъ Спасителя, но онъ не былъ Его историческимъ типомъ съ чертами Лица, установленнаго преданіями. Историческій портретный Ликъ Спасителя выработанъ уже иконописью вѣка Константина и мы находимъ этотъ типъ въ живописи римскихъ катакомбъ только во время IV—VI вѣковъ. Такъ, фресковое погрудное изображеніе Спасителя съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и благословляющей десницей, въ катакомбѣ Св. Генерозы, относится къ такимъ историческимъ типамъ: Спаситель имѣетъ длинные назорейскіе волосы, легкую, опускающую овалъ лица, бороду, глубоко-посаженные глаза, покойный и твердый взглядъ, покойно и ровно очерченную дугу бровей, тонкія и правильныя черты лица. Изображеніе отно-

сится къ 680 году. Въ концѣ VI уже остановился типъ Христа, излюбленный восточною мозаикою: фигура широкая, монументальная, даже тяжелая, голова квадратная, густая борода, могучій характеръ въ крупныхъ чертахъ лица, величавый окладъ головы и волосъ ¹⁾).

Въ ближайшее затѣмъ время въ этотъ византійскій типъ Спасителя привносится изображеніе большихъ круглыхъ глазъ, пышныхъ волосъ, спадающихъ за плечи, и съуживающейся браны безъ *раздвоенія*. Еще позднѣе, какъ въ мозаикахъ византійскаго типа въ Римскихъ и Равеннскихъ церквахъ, такъ и въ византійскихъ изображеніяхъ Убруса Христова X—XI вв., къ чертамъ Лица Спасителя присоединяются пышные локоны волосъ, спадающихъ на плечи и раздвоенная браня. Въ близкое къ этому время появляются и въ древне-русской иконописи изображенія „Нерукотвореннаго Лица Спасителя“ этого послѣдняго типа, къ которому очень близко подходитъ найденное въ Харьковѣ каменное изваяніе. Нельзя не принять во вниманіе здѣсь то, что позднѣе, въ XIV—XVII вв., русскіе типы Нерукотвореннаго Спаса претерпѣваютъ значительныя видоизмѣненія, къ которымъ совершенно не подходитъ нашъ памятникъ. Такъ, въ нихъ рѣзко обозначаются по три или по два локоня волосъ, спадающихъ на плечи, отдѣльная космочка волосъ, спадающая на верхъ чела изъ раздвоенія головныхъ волосъ и особенно характерное раздѣленіе браны на нѣсколько прядей въ видѣ „крохотныхъ завитковъ“, какъ это мы видимъ на лучшихъ образцахъ такихъ иконъ: въ Никольскомъ Единовѣрч. монастырѣ въ Москвѣ, въ ризницѣ Св. Троицкой Сергіевой Лавры, въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ XVI в. (безъ завитковъ браны), въ Ново-Спасскомъ монастырѣ въ Москвѣ ²⁾. При сопоставленіи нашего изваянія съ древне-русскими изображеніями Свящ. Убруса мы поражаемся близкимъ его сходствомъ съ подобными изображеніями въ двухъ замѣчательныхъ древне-русскихъ храмахъ: Спаса Нередицы въ окрестности Новгорода (постр. въ XI в.) и Георгіевскаго Собора г. Юрьева Польскаго. Въ Нередицкой ц. на поясѣ купольнаго барабана помѣщены два Нерукотворенныхъ образа:

¹⁾ Лицевой иконописный подлинникъ. Томъ I: иконографія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб. 1905 г., стр. 12.

²⁾ Лицевой иконописный подлинникъ. Т. I, приложенія.

одинъ воспроизводитъ извѣстный образъ Авгаря, бывшій на полотнѣ, другой же воспроизводитъ, повидимому, знамя или лабарумъ, судя по жемчужнымъ окаймленіямъ и надписи ІС. ХС. ПІ. КΑ. Первый имѣетъ слѣдующія черты особенно сходныя съ нашимъ изваяніемъ: продолговатый овальный ликъ, волосы широко окружающіе голову, и къ ушамъ съуживающіеся и ниспадающіе ниже браны двумя длинными расширяющимися локонами, средняго размѣра браны съ явнымъ раздвоеніемъ, продолговатый, тонкій и прямой носъ, линія бровей ровная, глаза большіе, взглядъ спокойный, уши не закрытыя волосами. Это изображеніе въ церкви Спаса-Нередицы сохранилось отъ конца XII в. По своему характеру оно вполне соотвѣтствуетъ устоявшемуся въ то время русско-византійскому типу Образа Христова.

Вообще же наше изваяніе по своей каменной конструкціи представляется схожимъ съ каменными изваяніями, такъ называемыми „прилѣпами“, двухъ замѣчательныхъ древнерусскихъ храмовъ XII и нач. XIII вв.: Георгіевскаго въ Юрьевѣ Польскомъ и Дмитріевскаго во Владимірѣ. Всякій, знакомый съ наружными барельефными украшеніями этихъ двухъ храмовъ, невольно вспомнитъ о нихъ при взглядѣ на наше изваяніе. Самородный гипсъ, годный для барельефныхъ изваяній, въ обиліи находится въ Уральскихъ горахъ. Древніе Булгары, обитавшіе по рр. Камѣ и Волгѣ, пользовались имъ для каменныхъ своихъ построекъ. Отсюда этотъ матеріалъ доставлялся въ Суздальское княжество для сооруженія и украшенія церквей. Дмитріевскій и Юрьевскій соборы сложены изъ бѣлаго извѣстняка, доставленнаго изъ Булгаріи, съ заполненіемъ полостей внутренности, между двухъ сложенныхъ стѣнъ, будто изъ булыжника, щебня и обломковъ того же извѣстняка, и известковаго раствора. Крѣпость этого послѣдняго и отношеніе къ этой сердцевинѣ самой кладки стѣнъ, какъ своего рода облицовки, указываетъ на обычаи греко-восточныхъ построекъ и составляетъ немало-важное обстоятельство для пониманія роли самыхъ скульптурныхъ плитъ или „прилѣповъ“. Владиміръ, въ эпоху этихъ сооруженій (XII и нач. XIII вв.), былъ наполненъ, по лѣтописи, хитрыми купцами, рукодѣльниками (художниками) и разными ремесленниками, и все это пришлое населеніе новыхъ „пригородовъ“ изъ „холопей каменщиковъ“, скоро

смѣшавшееся съ туземнымъ (финскимъ), явилось первыми ремесленниками. Въ сооруженія Владиміро-Суздальскія явственно было внесено этими мастерами западное (романское) вліяніе, но въ рамкахъ византійскихъ традицій и восточныхъ вкусовъ (звѣриная орнаментация Дмитріевскаго и Юрьевскаго Соборовъ). Замѣчательны пути, по которымъ мастера этой эпохи заносили свое вліяніе во Владиміро-Суздальское зодчество. Основнымъ условіемъ культуры Суздальской области въ то время было ея посредничество въ торговлѣ Востока съ Западомъ, тогда покинувшей южныя степи и поднявшейся на сѣверъ. Для Суздальской области уже во времена Боголюбскаго установились связи, естественныя и въ географическомъ отношеніи „съ придиѣпровьемъ, Волиныю и Галичемъ: путь изъ Кіева подымался по Днѣпру и его притокамъ, переходилъ на Москву рѣку или же на верховья Оки и на Клязьму. Такимъ, конечно, путемъ изъ Кіева и родетвеннаго Галича шли мастера и каменщики въ Суздаль¹⁾. Известняковый матеріалъ нашего изваянія и контурность мастерской его обработки, очевидно, рассчитанной на видъ издали, естественно сближаютъ его съ „прилѣпами“ Владиміро-Суздальскихъ храмовъ. Возможность занесенія его въ нашъ край можетъ быть допустима ввиду близости его къ тому пути, по которому шло каменное мастерство изъ Кіево-Волини и Галича въ Суздальскую область. Предположенія этого рода намъ кажутся вполне естественными. И это тѣмъ болѣе, что подобное изваяніе имѣется между „прилѣпами“ Георгіевскаго Собора. Сѣверная стѣна этого храма богата рельефами: здѣсь съ угла сохранился даже пилястръ съ капителю и личинами, по пилястру размѣщены медальоны съ бюстами, затѣмъ отдѣльныя фигуры Святыхъ, образъ Спаса Нерукотвореннаго, опять медальоны со святыми, херувимы, иногда въ кускахъ, и все это наверху, гдѣ стѣна переложена изъ архитектурныхъ элементовъ какого-то другого зданія, тогда какъ низъ представляетъ первобытный остатокъ зданія и украшенъ правильнымъ рисункомъ разводовъ. Въ этой части храма, какъ есть посрединѣ, выше окна, помѣщенъ образъ Нерукотвореннаго Спаса совершенно отдѣльный отъ сосѣднихъ фигуръ, вытесанный на цѣльной известняковой плитѣ.

¹⁾ Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. графа П. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. IV, Спб. 1899 г., стр. 37.

Складокъ Убруса здѣсь не видно. Ликъ окруженъ нимбомъ и такого же типа, какъ на нашемъ изваяніи. Особенно характерную черту этого образа составляютъ весьма длинные волнистые локоны волосъ, спускающіеся ниже браны ¹⁾).

Въ опредѣленіи древности происхожденія нашего изваянія большое значеніе также имѣютъ характеръ и исторія мѣстности, въ районѣ которой оно было найдено. Н. Д. Борисякъ въ своемъ докладѣ о находкѣ не сообщаетъ никакихъ данныхъ объ этой мѣстности. А между тѣмъ здѣсь мы также наталкиваемся на указанія въ пользу глубокой древности находки. Тотъ участокъ земли, гдѣ былъ изъ глубины 1 сажени вырытъ нашъ памятникъ, и гдѣ теперь находится Харьковскій вокзалъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ, представлялъ собою собственность Харьковскаго Покровскаго монастыря (Архіерейскаго Дома) и носилъ названіе „Архіерейской левады“. Раньше это всегда было пустынное мѣсто, луговое и озерное. Такъ, въ XVIII в., ближе къ началу нынѣшней улицы Большой Панасовки эта левада переходила въ нѣсколько мелкихъ озеръ съ кочками и порослями. Левада вплотную подходила къ городской дорогѣ, которая по линіи нынѣшней Екатеринославской улицы шла отъ Триумфальной арки (въ концѣ XVIII в.) у Дмитріевской церкви на Холодную гору и далѣе въ направленіи къ Куряжу на Ахтырку. По другую сторону этой дороги (въ районѣ нынѣшнихъ Большой и Малой Гончаровки) простирались сперва огороды, за ними подгородная сл. Долганевка, а подъ самой Холодной горой кирпичные заводы. Архіерейская Левада поднималась немного вверхъ по склону Холодной горы: здѣсь были монастырскіе огороды, а выше вишневый садъ и два деревянныхъ домика для монастырскихъ служащихъ ²⁾). Холодная гора въ то время была необитаема, покрыта остатками древняго лѣса, переходившаго у нынѣшней Основы въ густой боръ. На самой вершинѣ Холодной горы былъ въ то время курганъ, въ которомъ найдены человѣческія кости, уголь и черепки, представлявшіе, вѣроятно, слѣды языческаго по-

¹⁾ Русскія древности въ памятникахъ искусства, *ibid.*, стр. 46, рисунокъ № 83-й.

²⁾ См. планъ г. Харькова 1787 г. въ „Исторіи г. Харькова“ Д. И. Багалѣя и Д. П. Миллера. Харьковъ 1905 г. т. I, стр. 76-я.

гребенія¹⁾. Архіерейская левада была во владѣніи Покровскаго (ранѣе училищнаго, Коллегіумскаго), монастыря со времени первой половины XVIII в. Ранѣе же она была частною собственностію. Владѣлъ ею подпрапорный Харьковскаго полка Григорій Степановичъ Дробицкій. Въ 1735 году онъ отдалъ Коллегіумскому монастырю свои земли: а) два огорода подъ Холодною горою, б) леваду подъ Холодной горою при большой дорогѣ изъ Харькова и в) луку здѣсь же съ вишневымъ садомъ. Въ фамиліи лѣтописи Г. Квитокъ замѣчено, что Григорій Дробицкій, двоюродный братъ, по матери, полковника Ивана Григорьевича Квитки, постриженъ въ монашество 5 Апр. 1730 года ректоромъ Платономъ Малиновскимъ „въ обитель Новопечерскую Змѣевскую, въ домѣ его въ Харьковѣ“, и что онъ названъ Геннадіемъ²⁾. Слѣдовательно, Архіерейская левада и до 1735 года была такимъ же пустыремъ, какъ и въ 1869 году. Несомнѣнно, что ранѣе 1735 года она попала въ частное владѣніе въ видѣ „заимки“, занятой также, какъ занимались тогда свободно вокругъ Харькова окрестныя урочища, луга, озера и лѣса первыми поселенцами „черкасами“. Нѣтъ никакихъ, поэтому, данныхъ предполагать, что до XVIII в. это левада была кѣмъ либо обитаема, и что здѣсь могли быть какія либо постройки. Эта левада была озернымъ лугомъ подъ Холодногорскимъ лѣсомъ и, конечно, не представляла собою подходящаго мѣста для поселенія и жилищъ. Мы совершенно вправѣ считать ее пустыннымъ и не обитаемымъ мѣстомъ издревле. При нахожденіи каменнаго изваянія не было обнаружено никакихъ слѣдовъ бывшаго здѣсь строенія или погребенія. Изваяніе найдено въ чистомъ и плотномъ суглинкѣ на глубинѣ 1 сажени. Этотъ саженный слой напластованія надъ изваяніемъ образовывался естественно, и поэтому медленно. Слой, на которомъ лежало изваяніе, былъ уровнемъ всей этой левады много столѣтій тому назадъ, въ глубокой древности. Проходившая чрезъ эту леваду дорога на Ахтырку была также очень древнею. Всѣ эти условія мѣстности, въ которой найдено изваяніе, заставляютъ предполагать въ немъ древнѣйшій памятникъ еще въ до-монгольское время по-

¹⁾ Ibid. стр. 25.

²⁾ Преосвящ. Филаретъ: „Историко-Статист. описаніе Харьков. епархіи“, отд. I, стр. 274.

чему либо здѣсь обрѣненный возлѣ дороги изъ Харьковскаго городища. Предположеніе г. Борисяка и г. Волошинова о принадлежности этого изваянія скиту иноковъ, здѣсь нѣкогда подвизавшихся, намъ представляется совершенно проблематичнымъ. Ни въ самомъ изваяніи, ни въ обстановкѣ его нахожденія, ни въ характерѣ данной мѣстности нѣтъ никакихъ данныхъ для этого предположенія.

Всѣ вышеизложенныя соображенія и сопоставленія касательно найденнаго въ Харьковѣ изваянія нами представлены въ дополненіе къ докладу Борисяка въ цѣляхъ болѣе широкаго обоснованія домонгольской древности его происхожденія.

Замѣчательныя христіанскія находки были сдѣланы во время раскопокъ Ницахскаго городища, Ахтырскаго уѣзда. Различные предметы здѣсь были находимы какъ при раскопкахъ древнихъ жилищъ обитавшаго въ городищѣ славяно-русскаго населенія, такъ и въ обширномъ могильникѣ окружавшемъ городище. Въ обнаруженныхъ погребеніяхъ явно славянскаго типа вмѣстѣ съ костяками находилось оружіе, остатки одежды, предметы украшеній, домашняя глиняная посуда, и, наконецъ, многочисленные кресты и иконы. Всѣ эти находки составили богатую коллекцію Ницахскихъ древностей, нынѣ помѣщающихся въ Харьковскомъ Университетскомъ Музеѣ. Коллекція распределѣна группами вещей соответственно отдѣльнымъ раскопкамъ проф. Д. И. Багалѣя и Е. Н. Мельника.

Среди христіанскихъ находокъ въ Ницахѣ первое мѣсто по количеству и ясно выраженному своему типу занимаютъ кресты. Носимы они были обитателями Ницахскаго городища на шеѣ въ ожерельяхъ. Ожерелья составлены изъ мелкихъ разноцвѣтно-стеклянныхъ и глиняныхъ бусъ и раковинокъ. Къ ожерельямъ привѣшены бронзовыя „лунницы“, опрокинутыя внизъ,—это очень распространенное украшеніе у древнихъ славянъ X—XII вв. Посрединѣ этихъ ожерелій привѣшены бронзовые прорѣзные медальоны съ крестами въ срединѣ. На каждомъ ожерельѣ такихъ крестовъ имѣется по одному, по два, по три. Найдены нѣкоторыя ожерелья съ одними крестами безъ „лунницъ“. Всѣ кресты не больше 1,7 см. въ діаметрѣ: они равноконечны, при чемъ концы перекрестій расширяются въ видѣ трилистника. Ободокъ ка-

ждаго медальона имѣть видъ жемчужной нити. Найдены здѣсь также ожерелья съ простыми крестами, не заключенными въ медальоны, напр. въ 15-мъ и 33-мъ курганахъ. Эти крестики также равноконечны, но концы перекрестій расширены въ видъ закруглений, при чемъ крестъ изъ 15-го кургана имѣть сквозныя отверстія въ закругленіяхъ перекрестій. XII Археологическій Съѣздъ призналъ эти крестовидные предметы подлинными христіанскими символами, крестами. Подобные кресты были находимы въ могильникахъ другихъ мѣстъ, особенно Сѣверянскихъ X—XII вв.: относятся они, очевидно, къ эпохѣ первоначальнаго распространенія въ Кіево-Черниговской области православнаго христіанства. По своей формѣ эти кресты извѣстнаго типа—„корсунскаго“. Медальонные кресты Ницахскаго городища несомнѣнно взяты изъ византійскихъ монетъ Льва VI Мудраго (886—912 г.), Романа II (959—963) и Іоанна Цимисхія (969—976 г.), на оборотѣ которыхъ они изображены на подножіи, но съ такими же закругленіями перекрестій, какъ въ Ницахскихъ¹⁾.

Кресты типа Ницахскихъ находокъ 33 кургана изображаются въ миниатюрныхъ размѣрахъ на лицевой сторонѣ монеты Св. Владиміра II, III и IV типовъ, а также на монетахъ Ярослава²⁾. Ницахскіе кресты—не русскаго происхожденія: они по своей формѣ—корсунскія и производства они несомнѣнно корсунскаго. Въ первые вѣка распространенія христіанства на Руси, X—XII ст., разнообразныя предметы христіанскаго культа здѣсь распространялись изъ знаменитаго въ то время Херсонеса Таврическаго, лѣтописнаго Корсуны. Многіе дошедшіе до насъ свящ. предметы корсунскаго происхожденія сохранили за собою техническое названіе „корсунскихъ“, напр. иконы, кресты, металлическія иконостасныя врата и свящ. сосуды. Всѣмъ извѣстны „корсунскіе“ складные кресты—тѣльники, находимые доселѣ въ Херсонесѣ, Феодосіи, Оріандѣ, Судакѣ, Керчи и въ Кіевѣ. По времени можемъ считать всѣ эти кресты издѣліями VIII—XII столѣтій. Множество простыхъ тѣльныхъ крестиковъ этой эпохи, встрѣчаемыхъ въ кладахъ, и въ могильникахъ, ризницахъ и собраніяхъ, изъ различныхъ яшмъ, сер-

¹⁾ А. Орѣшниковъ. Херсоно-Византійскія монеты, Москва, 1905 г., стр. 10—16.

²⁾ Русскія древности, вып. IV, стр. 168—169.

пентина, халцедона, въ золотой сканной оправѣ, также, навѣрно, происходятъ изъ Корсуня, почему мы и можемъ называть ихъ „курсунскими тѣльниками“. Въ самомъ Херсонесѣ встрѣчены также тѣльные кресты обычнаго курсунскаго типа складней съ надписями славяно-русскими: находка эта вызвала предположеніе, что кресты эти должны были принадлежать русскимъ, поселившимся въ Корсуни. Конечно, тамъ были русскіе въ составѣ населенія, однако, подобныя находки говорятъ намъ о другомъ фактѣ, а именно, что кресты изготовлялись для вывоза въ Россію, но такъ какъ Грековъ въ XII—XIII вв. было мало, а русскихъ много, и торговля крестами съ Русью шла шибко, то издѣлій для нея изготовлялось съ излишкомъ, и инныя оставались дома. Вотъ почему между херсонесскими формочками для отливанія (изъ мѣди и бронзы для продажи простому народу) мы встрѣчаемъ съ особеннымъ интересомъ: одну формочку для тѣльнаго крестика типа Ницахскихъ находокъ, другую для серьги съ подвѣсною бусою и третью для серги съ „лунницею“ въ видѣ калачика, окаймленного жемчужною нитью. Въ отдѣльномъ видѣ подобныя „лунницы“ во множествѣ фигурируютъ въ Ницахскихъ ожерельяхъ.

Особенно же важными по своему значенію представляются Ницахскія находки христіанскихъ иконокъ. Одна икона имѣется въ ожерельѣ № 115 (изъ раскопокъ Д. И. Багалѣя). Она круглой формы въ 1,7 сант. въ діаметрѣ, на ней имѣется отчетливо сдѣланное погрудное изображеніе святаго съ сіяніемъ вокругъ лика? Иконка сдѣлана изъ бронзы, надписей или буквъ не обозначено никакихъ. Это изображеніе предназначено для нагрудного ношенія, ибо имѣетъ ушко для привѣшиванія. Къ ожерелью же подъ № 117-мъ подвѣшенъ плоскій бронзовый медальонъ съ рельефнымъ изображеніемъ на немъ всадинка съ замѣтнымъ сіяніемъ вокругъ головы. Подобныя изображенія были находимы при раскопкахъ Мерянскихъ могильниковъ и представляютъ собою иконки Св. Θεодора Тирона. Эти Ницахскія иконки по достоинству своей работы уступаютъ крестамъ здѣсь найденнымъ, что сразу бросается въ глаза. Мы вправѣ смотрѣть на нихъ, какъ на произведенія русскихъ мастеровъ. Употребленіе славяно-рускимъ населеніемъ Ницахскаго городища крестовъ

и иконъ свидѣтельствуешь о соблюденіи имъ православно-христіанскаго культа, и слѣдовательно христіанство здѣсь было не случайностію, но осѣдлымъ бытовымъ явленіемъ. Намъ представляются эти находки достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ существованія православнаго христіанства въ районѣ нашего края XI—XII вв. Осѣдлость христіанства въ Ницахъ можетъ быть допустима при непремѣнномъ условіи естественности и безопасности его исповѣданія во всемъ этомъ районѣ. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ приобрѣтають важное показательное значеніе и всѣ другія находки христіанскихъ памятниковъ въ нашемъ краѣ, хотя бы казущихся случайными, какъ напр. вышеописанное нами каменное изваяніе Спаса - Нерукотвореннаго. Христіанскіе исповѣдники здѣсь были всюду, куда только простиралась въ то время славяно-русская колонизація: христіанскіе символы естественно должны быть находимы по всему району бывшихъ здѣсь поселеній XI—XII вв. Съ этими корнями древнѣйшаго христіанства въ нашемъ краѣ такъ настойчиво на протяженіи вѣковъ связываются преданія о древнѣйшемъ возникновеніи здѣсь христіанскихъ обителей, еще за много вѣковъ до того времени, какъ здѣсь стали селиться и вновь колонизовать нашъ край Украинскіе Черкасы. Мы разумѣемъ здѣсь преданія о знаменитой Святогорской и о близкой къ Харькову Хорошевской обителяхъ. Преданія объ ихъ древности находятъ подтвержденіе во многихъ историческихъ фактахъ и сказаніяхъ. Но мы съ особымъ вниманіемъ остановимся на доступныхъ нашимъ изслѣдованіямъ вещественныхъ памятникахъ ихъ старины. Къ обозрѣнію этихъ послѣднихъ мы и перейдемъ.

III.

Святогорье, Изюмскаго уѣзда.

Святогорскій Успенскій мужской монастырь въ Харьковской губерніи является памятникомъ глубокой древности. Находится онъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, въ 155 верстахъ по грунтовому тракту отъ г. Харькова, въ 35 верстахъ отъ г. Изюма и въ 18—отъ извѣстнаго своими минеральными водами г. Славянска. Мы не будемъ здѣсь распространяться объ удивительной красотѣ мѣстоположенія монастыря. Она

достаточно прославлена, описана путешественниками и воспѣта поэтами. Кто хотя разъ видѣлъ чарующія красоты его, тотъ уже никогда ихъ не забудетъ. Едва ли есть во всей Россіи другой монастырь, который бы поражалъ болѣе восхитительными видами своими, чѣмъ какія мы находимъ здѣсь, въ этомъ поистинѣ благословенномъ уголкѣ Мало-россіи.

Монастырь расположенъ на правомъ берегу рѣки Сѣв. Донца. Въ топографіи монастырской мѣстности играетъ большую роль, не только замѣчательный по своимъ особенностямъ правый берегъ, но и лѣвый. Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ послѣднемъ. Лѣвый берегъ рѣки всюду низменный. Въ настоящее время по этой низинѣ на пространствѣ отъ Бѣлгорода и до устьевъ р. Торца, выпадающаго въ Сѣв. Донецъ, тянутся площади песчаныхъ отложений и очень частыя ольховыя, дубовыя рощи, лозняки, озера, заросли и хвойныя лѣса. Ближайшія наблюденія надъ характеромъ лѣвобережной природы убѣждаютъ въ томъ, что современныя песчаныя пространства позднѣйшаго происхожденія: подъ верхнимъ слоемъ песка находятся богатые торфяники, пни, корни и окаменѣлые стволы исполинскихъ деревьевъ,—это остатки когда-то бывшихъ здѣсь мощныхъ лѣсовъ. Послѣ сплошной вырубки ихъ на большихъ участкахъ образовывались пустыри, которые затѣмъ во время весеннихъ разливовъ заносились песками. Такимъ образомъ, приблизительно до XVII в., весь лѣвый берегъ р. Сѣв. Донца былъ покрытъ сплошными лѣсами и непроходимыми лѣсными зарослями у самыхъ водъ рѣки. И теперь напротивъ Святогорскаго монастыря по низинѣ тянется непрерывный сосновый боръ глубокой давности, перемежающійся рощами вѣковыхъ дубовъ, осинниками и лозняками въ ширину до 15, а въ длину до 70 верстъ. Съ высоты онъ кажется сплошнымъ зеленымъ ковромъ во всю сторону уходящимъ въ синѣющую даль и сливающимся съ горизонтомъ.

Картина этого лѣснаго царства представляется въ своей безподобной красотѣ, когда смотрѣть на нее приходится съ праваго берега рѣки. Этотъ послѣдній вездѣ вдоль рѣки гористъ, а у Святогорскаго монастыря достигаетъ своей наибольшей высоты. Съ горы Преображенія въ этомъ мона-

стырь глазъ охватываетъ безпредѣльное пространство по низинѣ рѣки. Въ разрѣзѣ берега Донца здѣсь наблюдаются известняки юрской системы. Внизу залегаетъ плотный известнякъ сѣраго цвѣта; выше лежитъ мелкій зернистый известнякъ, который въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ можно назвать оолитовымъ. По правую руку обнаженія, смотря съ рѣки, видно продолженіе его вверхъ насчетъ другихъ породъ. На оолитовомъ известнякѣ лежитъ пестрая сланцеватая глина; она, въ свою очередь, прикрыта пластомъ сѣровато-зеленаго песчаника. Эти глинистые и песчаниковые пласты лежатъ согласно съ нижележащими юрскими известняками и, падая къ ю.-ю.-в. подъ угломъ въ 15-18°, уходятъ подъ толщю мѣла, который образуетъ въ этой мѣстности чрезвычайно живописныя высоты. Этотъ гористый берегъ также всюду покрытъ чернымъ и краснымъ лѣсомъ, простирающимся иногда въ ширину до 3—5 верстъ. Береговой кряжъ у мнастыря своеобразной формаци: то онъ спускается къ рѣкѣ пологими откосами, то обрывается отвѣсными скалами, то образуетъ по мѣстамъ поперечныя узкія трещины—ущелья, открытыя съ рѣки, то, отступая отъ рѣки полукругомъ, образуетъ уютныя площади, защищенныя съ трехъ сторонъ мѣловыми отвѣсными утесами, а со стороны рѣки въ узкомъ проходѣ закрытыя вѣковымъ лѣсомъ. Лѣсъ по вершинамъ этого берега, по пологимъ скатамъ и надъ обрывами всюду вѣковой, мощный не менѣе, чѣмъ и на лѣвомъ берегу. Сосны здѣсь достигаютъ громадной высоты; сосредоточиваясь на вершинахъ, онѣ особенно тѣнятся къ самому берегу, цѣпляются своими корнями по самымъ крутымъ скаламъ, сбѣгаютъ къ самымъ водамъ рѣки, у корней совершенно закрытыя мелкою порослью.— Въ глубинѣ же ущелій растутъ исполинскіе вѣковые дубы, клены и ясени съ непроницаемыми кустарниками. Въ противоположную, южную сторону отъ рѣки горный берегъ спускается постепенными террасами; здѣсь лѣсъ растетъ рѣже и исключительно черный, и переходитъ потомъ въ мелкую поросль и отдѣльныя рощи, а далѣе—распростирается уже степное пространство,—это древняя татарская сторона. Сѣверный-Донецъ здѣсь вездѣ одинаковой ширины, полноводенъ, достигаетъ наибольшей глубины до 5 сажень, течетъ въ глубокихъ берегахъ, русло ясно опредѣлившееся; какъ

видно, оно осталось неизмѣннымъ съ самыхъ давнихъ временъ: объ этомъ свидѣлствуютъ вѣковые стволы и корни и окаменѣлыя деревья, находимыя на днѣ и особенно у береговъ его. Всѣ описанныя особенности Святогорья какъ будто нарочито приспособлены для удобства наблюденія здѣсь за громаднымъ въ окружности пространствомъ и для надежной защиты отъ нападений враговъ. Это особенно станетъ для насъ яснымъ при подробномъ обзорѣни самой главной достопримѣчательности монастыря—знаменитыхъ мѣловыхъ скалъ.

Отъ самой возвышенной горы праваго берега, такъ называемой „Оаворъ“, на которой возвышается Преображенскій храмъ, отдѣляется, выступая ближе къ рѣкѣ, величественная мѣловая скала, конусообразной формы, со всѣхъ сторонъ отвѣсно какъ бы обрѣзанная. Надъ уровнемъ воды скала достигаетъ высоты 394¹/₂ футовъ. Своей яркой бѣлизной она рѣзко выдѣляется на темно-зеленомъ фонѣ берегового лѣса и видна на весьма далекое разстояніе. Замѣтельно строеніе скалы. Она состоитъ изъ ряда исполинскихъ мѣловыхъ пластовъ, которые нѣкогда вулканическими силами выдвинуты были изъ нѣдръ земли къ верху въ направленіи съ юга на сѣверъ, и были какъ бы обрѣзаны надъ рѣкой. Пласты неодинаковой ширины: отъ 1 до 3 саженой, спаяны между собой тонкими слоями кремня чрезвычайной твердости: только сильный ударъ кирки разрубаетъ ихъ. Скала имѣетъ пять острыхъ вершинъ, замѣтно отдѣленныхъ одна отъ другой и расположенныхъ вдоль берега по прямой линіи отъ востока къ западу. Первая крайняя вершина самая высокая. Вторая гораздо ниже имѣетъ слѣды обваловъ. На третьей вершинѣ устроена широкая крытая площадка въ видѣ часовни, вокругъ которой обходитъ большой балконъ, выступающій впередъ со скалы и висящій какъ бы въ воздухѣ. Отсюда окрывается самый великолѣпный видъ на всю безпредѣльную низину рѣки Сѣвернаго Донца. На четвертой вершинѣ съ незапамятныхъ временъ высѣченъ въ мѣловой толщѣ храмъ во имя Св. Николая Чудотворца, у котораго только верхній купольный этажъ сдѣланъ изъ кирпича, алтарь же со своимъ куполомъ и первый этажъ храма цѣликомъ мѣловые. Пятая вершина скалы сильно обломленная—ниже всѣхъ первыхъ. Въ настоящее время

скала соединяется съ горой Преображенія искусственной насыпью, подведенною почти къ вершинамъ скалы. Насыпь эта сдѣлана въ пятидесятыхъ годахъ при Архимандритѣ Арсеніи. Въ древнѣйшія времена ея не было. Скала отдѣлялась отъ горы ущельемъ не менѣе какъ въ 10—15 саж. глубины отъ вершины скалы. При ближайшемъ изученіи современнаго устройства скалы можно вполнѣ убѣдиться въ томъ, что и съ восточной стороны скала была нѣкогда недоступна. Вскорѣ по возстановленіи монастыря въ 1844 г. Архимандритъ Арсеній устроилъ крытую лѣстницу о 511 ступеняхъ для восхожденія на вершину скалы съ восточной стороны. Двѣ верхнія площадки, которыми заканчивается эта лѣстница, для перехода къ верхнему храму Св. Николая Чудотворца и къ нижнему—Св. Іоанна Предтечи,—кирпичной кладки, внутри насыпныя. При мысленномъ устраниченіи ихъ, и съ этой стороны открывается еще болѣе глубокой отвѣсъ скалы, чѣмъ съ южной стороны. Обзорѣніе скалы также убѣждаетъ и въ томъ, что даже въ недавнія, а тѣмъ болѣе въ древнѣйшія времена, она была значительно выше, чѣмъ теперь. Имѣются достовѣрныя свѣдѣнія, что въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія съ вершины второго конуса скалы отвалились громадныя глыбы мѣла, отъ чего этотъ конусъ сталъ ниже другихъ. Со стороны рѣки, съ сѣвера, отъ скалы также нерѣдко отваливаются болѣе или менѣе значительныя мѣловыя части, падающія внизъ къ древнему кладбищу у подножія скалы. Это обстоятельство нѣкогда очень тревожило устроителя возстановленнаго монастыря Архимандрита Арсенія. Говорятъ, что онъ даже предполагалъ скалу укрѣпить желѣзными обручами, прикрѣпивъ скалу къ горѣ Преображенія, но послѣ обзорѣнія скалы инженерами, убѣдился въ ея вѣковой непоколебимости несмотря на наружныя обвалы. Съ сѣверной стороны, отъ рѣки, подошва скалы была гораздо ниже чѣмъ теперь. Отъ обваловъ со скалы и особенно отъ массы мѣла и мусора, выброшеннаго сюда во время возстановленія пещеръ, подножіе скалы поднялось сажень до 8. Мысленно устранивъ эту позднѣйшую насыпь подножія, мы увидимъ, что основаніе скалы въ древнія времена доходило почти до уровня самаго берега, отчего она представлялась со стороны рѣки гораздо выше, чѣмъ теперь, во всемъ своемъ грандіоз-

номъ величіи, какъ какое-то исполинское чудесное изваяніе

Замѣчательнымъ памятникомъ глубочайшей древности въ этомъ монастырѣ являются пещеры мѣловой скалы, подземный ходъ отъ мѣловой скалы къ Антоніе-Θеодосіевской церкви на кладбищѣ и пещерѣ этой послѣдней.

Описанія или изображеній этихъ пещеръ, каковы они были въ древнее время, не имѣется. Къ величайшему сожалѣнію древнѣйшее ихъ состояніе не было изслѣдовано и описано при возстановленіи въ 1844 году Св. Николаевской церкви на вершинѣ скалы и при расчисткѣ въ скалѣ пещернаго хода на верхъ къ этой церкви. Возстановленіе въ это время пещеръ, очистка ихъ отъ мусора, расширеніе ихъ, добавленіе новыхъ ходовъ, устройство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ здѣсь новыхъ площадокъ, нишъ, новой церкви преп. Алексія, сглаживаніе при этомъ слѣдовъ первобытнаго прорубанія ходовъ—все это въ значительной степени уничтожило первобытный характеръ этихъ пещеръ. Осталось навсегда неизвѣстнымъ, были ли находимы при этомъ мелкіе предметы—остатки обихода древнѣйшихъ обитателей пещеръ, были ли надписи на стѣнахъ, гдѣ именно и въ какомъ положеніи здѣсь найдены были кости погребенныхъ, были ли какіе либо предметы при костякахъ и т. п. Въ существующемъ теперь наиболѣе обстоятельномъ описаніи монастыря ¹⁾, нѣкогда составленномъ Гр. Ковалевскимъ, имѣется только краткое и поверхностное описаніе пещеръ безъ всякихъ историческихъ справокъ, и приложенъ примитивный планъ ихъ безъ масштаба и обмѣра. А между тѣмъ даже теперь многія сохранившіяся ихъ особенности со всею очевидностію свидѣтельствуютъ объ ихъ древнѣйшемъ происхожденіи и даютъ основаніе отнести ихъ даже къ опредѣленной эпохѣ древности.

Наибольшій интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ пещеры мѣловой скалы, къ подробному обозрѣнію которыхъ мы и приступимъ.

Въ настоящее время подошва скалы съ востока круто обрѣзана, да и весь оврагъ между скалой и слѣдующей къ востоку горой—сильно углубленъ, превращенъ въ площадку, на которой и устроенъ былъ въ 1869 году величествен-

¹⁾ „Святогорская Успенская Общежительная пустыня въ Харьковской епархіи. Изд. 7-е. Одесса. 1902 г.

ный соборный храмъ. Противъ соборной паперти въ обрѣзѣ скалы теперь и находится входъ въ пещеры: онъ представляетъ собою красивый павильонъ, слывущій подѣ названіемъ „пещерникъ“. Въ монастырской описи говорится: „въ семь пещерникѣхъ пріемлютъ начало пещеры, ископанныя въ каменно-мѣловой скалѣ, на протяженіи 239 саж. Въ пещерахъ ступеней нѣтъ, а одна возвышенность, съ косвенными переходами и поворотами до самого верха скалы“. Нынѣшній ходъ въ пещеры начинается небольшимъ притворомъ, съ однимъ окномъ подѣ дверью. Отсюда за желѣзною рѣшеточную дверь идетъ узкій, длинный и темный корридоръ пещеръ, извиваясь зигзагами до самой скалистой вершины горы, гдѣ и сообщается съ наружною лѣстницею. Этотъ начальный пещерный корридоръ въ два колѣна устроенъ одновременно съ соборнымъ храмомъ Архим. Арсеніемъ. Старый пещерный ходъ, который теперь начинается со вторымъ поворотомъ на верхъ къ югу, выходитъ изъ скалы внизъ къ сѣверо-востоку и, до устройства площадки нынѣшняго собора, совсѣмъ не выступалъ наружу изъ скалы, но опускаясь глубоко внизъ, подѣ поверхностію оврага, шелъ къ другой монастырской горѣ, входилъ въ него тамъ, гдѣ теперь пещера керосинового склада, за коимъ и теперь имѣется дальнѣйшій пещерный ходъ, мѣстами обвалившійся, направляющійся къ Антоніе-Теодосіевской церкви. Такимъ образомъ, нынѣшнее начало пещеръ не есть древній входъ въ нихъ. Начало и входъ въ нихъ были на вершинѣ скалы.

Обозрѣвая устройство пещеръ скалы, мы убѣждаемся въ томъ, что онѣ изначала были искусно выведены внутри скалы спиралью въ три этажа: въ первомъ снизу были устроены ниши-усыпальницы, возлѣ коихъ Архим. Арсеній устроилъ церковь преп. Алексія, во второмъ—церковь Св. пр. Іоанна Предтечи и въ третьемъ, выходящемъ на самую вершину скалы,—церковь Св. Николая Чудотворца.

Когда мы, идя снизу вверхъ, вступаемъ со второго поворота въ область первобытныхъ ходовъ, то не можемъ не поражаться удивительною сухостью воздуха и умѣренностію температуры пещеръ: лѣтомъ и зимою здѣсь всегда бываетъ 8° тепла. Ходы имѣютъ всюду форму корридоровъ въ 1½ арш. ширины и въ 3 арш. высоты. Ширина ихъ отъ древнихъ временъ осталась неизмѣнной. Высота же, несом-

нѣнно, теперь значительнѣе, чѣмъ въ древности: такъ какъ въ позднѣйшія времена полъ этихъ корридоровъ, посрединѣ углубляемый отъ хожденія богомольцевъ, былъ выравниваемъ выемками у стѣны. Такимъ образомъ древнѣйшая высота этихъ ходовъ должна быть опредѣляема около $2\frac{1}{2}$ аршинъ.

Потолокъ ходовъ разнообразный. Кое гдѣ по стѣнамъ, а въ особенности на потолкѣ видны слѣды первобытной работы. Рубка мѣловой толщи производилась плоскимъ и узкимъ орудіемъ: отрѣзы мѣла были глубокіе и короткіе. Намъ интересовалъ вопросъ, откуда и въ какомъ направленіи велась первобытная работа по прорубанію этихъ ходовъ: сверху скалы внизъ или наоборотъ. Казалось бы, естественнѣе было ходы вести снизу скалы вверхъ, по удобству и легкости выбрасыванія при работѣ мусора. Однакоже, къ нашему удивленію, направленіе рубки мѣла указываетъ на первобытный ходъ работъ сверху внизъ. Первоначально корридоръ круто поднимается вверхъ. Къ четвертому повороту его примыкаетъ съ сѣверной стороны ходъ, идущій глубоко внизъ къ рѣкѣ, и представляющій прямую линію съ корридоромъ, идущимъ далѣе вверхъ. Въ настоящее время этотъ рѣчной ходъ заложенъ. Внутри онъ почти засыпанъ мѣломъ отъ расчистки пещеръ Арх. Арсеніемъ. Но всетаки вдоль его подъ мусоромъ имѣется отверстіе въ $\frac{1}{2}$ аршина: изъ него чувствуется тяга воздуха въ верхніе ходы. Рѣчной ходъ спускался подъ подошву скалы и выходилъ къ рѣкѣ подъ садиками крайнихъ монастырскихъ келій въ сѣверо-западномъ углу кончавшей монастырской стѣны. Здѣсь происходятъ иногда провалы въ этотъ подземный ходъ. Ходъ этотъ былъ очень крутъ и узокъ. Очевидно, что онъ не назначался для постоянного обслуживанія, а былъ ходомъ весьма скрытымъ—запаснымъ на случай опасности.

Въ уровень съ началомъ рѣчного хода, расположены системы корридоровъ почти на горизонтальной площади. Отъ нихъ отдѣляется и углубляется въ гору Фаворъ особая система корридоровъ, которая возвращаясь въ мѣловую скалу и загибаясь въ ней спиралью, проходятъ подъ упомянутою площадью верхнихъ корридоровъ и составляетъ такъ называемый 1-й погребальный этажъ усыпальницъ, выходящій наружу скалы къ рѣкѣ первымъ и самымъ нижнимъ

этажемъ. Спускъ въ этотъ погребальный этажъ начинается угловою часовнею, которая приходится въ горѣ Фаворъ почти подъ самымъ храмомъ Преображенія. Часовня квадратной формы въ 4 арш. высоты, потолокъ въ ней куполообразный, утверждающійся на аркахъ стѣнъ. Стѣны выровнены и выглажены, слѣдовъ первобытной работы не имѣется. Конечно, такой замѣчательный видъ она приняла въ позднѣйшее время, но первоначальное ея происхожденіе современно происхожденію самыхъ первобытныхъ ходовъ этой скалы; это съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ ея центральнаго положенія между нижними пещерами погребальными и верхними: она являлась связующимъ звеномъ между ними. Преданіе говоритъ, что въ древнія времена, когда велись въ пещерахъ работы, иноки именно здѣсь собирались и прочитывали часы. Отъ этой часовни вдоль горы Фавора, съ востока на западъ, постепенно спускается корридоръ, который потомъ рѣзко углубляется влѣво въ самую толщу горы и оканчивается пещерою—усыпальницею. Эта послѣдняя имѣетъ видъ глубокой аркообразной ниши шириною въ 3 арш., глубиною въ 2, и высотой въ 4 арш. Въ нишѣ имѣется каменная гробница, подъ которою въ глубинѣ собраны кости древнихъ иноковъ. По преданію здѣсь были погребены кости 17 иноковъ. Эта усыпальница весьма древняго происхожденія. Въ позднѣйшее время Архим. Арсеній укрѣпилъ арку кирпичной кладкой. Въ глубокой давности уже были здѣсь собраны кости многихъ иноковъ. Такъ какъ усыпальница сдѣлана съ отдѣльнымъ собственнымъ ходомъ и притомъ въ самомъ сокровищномъ, глубоко запрятанномъ мѣстѣ, то несомнѣнно она въ древности была назначена или для погребенія особо чтимаго лица, можетъ быть основателя обители, или же для совмѣстнаго храненія здѣсь останковъ нѣсколькихъ и притомъ самыхъ первобытныхъ насельниковъ обители. Усыпальница была уже въ древности памятникомъ начальнымъ временъ обители. Это придаетъ ей особливо-священное значеніе.

Отъ этой усыпальницы корридоръ выходитъ перпендикулярно къ линіи горы Фавора—въ направленіи къ рѣкѣ и вступаетъ въ скалу, а здѣсь вновь поворачиваетъ назадъ къ востоку и идетъ вдоль скалы, при чемъ при самомъ вступленіи въ скалу изъ корридора выходитъ дверь наружу скалы для выбрасыванія внизъ мусора отъ работъ. Такъ, по

крайней мѣрѣ, дѣлалось при Архим. Арсеніи и дѣлается теперь. Мы полагаемъ, что этотъ выходъ старинный. Въ позднѣйшее время имъ пользовались только съ другими цѣлями. Въ первобытныя же времена онъ былъ единственный наружный выходъ для всякихъ бытовыхъ потребностей. Онъ совершенно недоступенъ сверху отъ горы Преображенія, хорошо закрытъ, незамѣтенъ и трудно доступенъ снизу, притомъ же онъ во всякую минуту могъ быть совершенно закрытъ и быть неприступнымъ. Этотъ выходъ былъ близокъ къ древней трапезѣ второго этажа и былъ вполне удобенъ для хозяйственныхъ нуждъ.

Отъ этого выхода корридоръ въ два поворота доводитъ до замѣчательныхъ памятниковъ древности—гробницъ. Возлѣ нихъ Архимандритъ Арсеній сдѣлалъ церковь препод. Алексія и усыпальницу для себя. На нихъ мы не будемъ останавливаться. Обратимъ вниманіе на гробницы. Ихъ 12. Сдѣланы онѣ въ видѣ аркообразныхъ нишъ. Каждая въ 3 аршина длины, въ 10 вершковъ высоты и въ 12 вершковъ глубины. Всѣ онѣ были вырублены грубо, неровно, видимо назначались не для гробовъ, а для положенія тѣлъ, при чемъ въ такомъ случаѣ снаружи ниша закладывалась мѣловою плитою. Для вставки плиты въ нишѣ отъ края сдѣланъ гладко вырубленный порожекъ. По своей величинѣ, формѣ и способу положенія тѣлъ онѣ представляютъ собою точную копію погребальныхъ нишъ въ пещерахъ Кіево-Печерской лавры. Самый способъ вырубанія ихъ совпадаетъ съ характеромъ первобытнаго прорубанія пещерныхъ корридоровъ: тотъ же глубокий и узкій ударъ орудія, похожаго на кирку или широкій ломъ. 4 ниши издревле заложены. Сохранилось преданіе, что здѣсь, по единственному, кажется, въ христіанскомъ мірѣ Аѳонскому обычаю, первые иноки пещеръ складывали кости усопшихъ своихъ братій, откопавъ ихъ по истеченіи трехъ лѣтъ по ихъ погребеніи въ могилахъ. Остальныя 8 нишъ открыты. Въ настоящее время въ корридорѣ этихъ гробницъ сдѣланъ ходъ снаружи для доступа богомольцевъ въ церковь преп. Алексія: въ древности его не было и доступъ къ гробницамъ возможенъ былъ только изнутри. Это новое доказательство того, что тогда жизнь здѣсь сосредоточивалась на верху скалы, а не внѣ ея у подножія.

Отъ вышеописаннаго нами древняго наружнаго выхода идетъ высокій и просторный корридоръ внутрь, въ верхнюю часть скалы во второй ея этажъ, подъ серединой котораго и расположена нижняя церковь Преп. Алексія. Этотъ корридоръ, такимъ образомъ, является связующимъ звеномъ между этими площадями. Корридоръ этотъ въ древности, очевидно, былъ особенно необходимъ для прохожденія по нему: поэтому-то онъ имѣетъ $1\frac{1}{2}$ аршина ширины и 4 аршина высоты. Такая значительная высота его образовалась отъ углубленія пола, т. е. отъ усиленнаго и постояннаго здѣсь движенія, а это еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что наружный выходъ противъ него былъ главнымъ и единственнымъ для сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Этимъ корридоромъ мы вступаемъ въ самое сердце древняго жилья насельниковъ этой скалы. Идя по этому корридору и незамѣтно огибая находящуюся въ срединѣ трапезу и церковь, мы чрезъ три поворота приходимъ въ замѣчательныя помѣщенія, которыя при тщательномъ обзорѣни ясно открываютъ свое первобытное назначеніе. Это—три комнаты—келіи—насельниковъ скалы. Келія первая имѣетъ 5 арш. длины, 3 арш. ширины и $3\frac{1}{2}$ арш. высоты; потолокъ выведенъ аркою по длинѣ келіи. Въ западной стѣнѣ ея, около входа, сдѣлана аркообразная и глубокая ниша съ возвышеніемъ надъ поломъ въ видѣ лежанки, и съ двумя какъ бы столбами по угламъ ниши: это, несомнѣнно, было ложе. Въ келіи имѣются два окна, выходящія на рѣку. Въ сѣверо-восточномъ углу келіи вверху ясно видно отверстіе, теперь задѣланное, съ поперечными деревянными перекладинами, совершенно непохожее на обычное окно. Оно не могло быть простымъ окномъ потому, что въ небольшой келіи при двухъ окнахъ третье было лишнее. Не могло оно быть и печною дымовою трубою, потому что эта послѣдняя, какъ увидимъ ниже, проходила чрезъ всѣ другія келіи. О немъ иноки сообщаютъ преданіе, что это было въ древности слуховое окно, по которому извнутри келіи приставлялась лѣстница, по ней поднимались вверхъ къ отверстию и по перекладинамъ выходили наружу для наблюденія за окрестностями. Намъ представляется это вполне вѣроятнымъ. Это сторожевое окно выходитъ наружу не на плоскій отвѣсъ скалы, а въ узкую и глубокую расщелину между двумя мѣловыми конусами,

между которыми легко можно было устроить нѣчто въ родѣ закрытаго сторожевого балкона на деревянныхъ перекладинахъ, упирающихся въ бока расщелины и отсюда какъ изъ своеобразнаго, снаружи совершенно незамѣтнаго гнѣзда, свободно обозрѣвать окрестности на пространствѣ чуть ли не 100 квадратныхъ верстѣ. Въ восточной стѣнѣ келіи сдѣлано квадратное дверное отверстіе—въ слѣдующую келію со слѣдами дверныхъ косяковъ, указывающихъ, что въ этомъ отверстіи была деревянная дверь. Возлѣ же двери имѣется маленькая въ 1 арш. высоты сквозная арка, явно приспособленная когда то для очага, отоплявшаго, такимъ образомъ, двѣ келіи.

Рядомъ съ описанной келіей въ направленіи къ востоку расположена другая—подобная-же. Она совершенно квадратной формы, всѣ стороны и высота ея по 4 аршина. Потолокъ здѣсь плоскій. Келія имѣетъ одно небольшое окно, выходящее на рѣку и дверь въ слѣдующую, третью, келію въ $2\frac{1}{2}$ арш. высоты и также со слѣдами дверныхъ косяковъ. Надъ дверью круглое отверстіе для гончарной трубы отъ очага первой келіи. Возлѣ стѣнъ сдѣланы уступы для скамей или для ложъ. Третья келія—въ $3\frac{1}{2}$ аршина длины и высоты и въ 3 арш. ширины. По стѣнамъ имѣются лежанки. Освѣщается келія однимъ окномъ, въ которое выводилась дымовая труба отъ очага. Такимъ образомъ отоплялись всѣ три келіи однимъ очагомъ. По своимъ размѣрамъ эти келіи могли вмѣщать въ себѣ по 3 или 4 человѣка. Устройство и расположеніе ихъ явно убѣждаютъ въ томъ, что изначала онѣ имѣли исключительно монашеское назначеніе. Такъ, онѣ устроены вблизи тутъ же рядомъ находящагося храма, приспособлены каждая для самаго ограниченаго числа насельниковъ, расположены рядомъ, но и отдѣлены одна отъ другой, очагъ въ нихъ исключительно для отопленія, трапезная не могла быть здѣсь за отсутствіемъ просторнаго для общаго собранія помѣщенія,—все это указываетъ на то, что устроены эти келіи для иноковъ и приспособлены были для долговременнаго и совершеннаго затвора здѣсь отъ внѣшняго міра.

Возвращаясь назадъ изъ келій, мы можемъ проникнуть въ сосѣдній пещерный храмъ или ближайшимъ и узкимъ ходомъ съ востока или же широкимъ и самымъ

древнимъ съ запада. Этотъ храмъ, нынѣ посвященный Св. Іоанну Предтечѣ, представляетъ собою самое обширное помѣщеніе въ скалѣ. Это—зала квадратной формы, въ $8\frac{1}{2}$ аршинъ ширины и длины. Полъ здѣсь въ настоящее время деревянный, если принять этотъ настилъ, и открыть полъ материковый, то высота помѣщенія будетъ почти въ 5 аршинъ. Форма этого помѣщенія какъ будто не приспособлена для храма: въ немъ по срединѣ имѣется мѣловой столпъ въ 1 кв. ар. толщины, подпирающій потолокъ, который отъ него во все стороны расходится арками; особаго отдѣленія здѣсь для алтаря какъ будто не предназначалось при первоначальномъ устройствѣ этой пещеры. Эта особенность даннаго помѣщенія сразу бросается въ глаза. Сопоставляя устройство этой пещеры съ древними у насъ пещерными храмами Черниговскими и Кіевскими XI—XII в.в. и съ еще болѣе древнѣйшими—Крымской Инкерманской скалы II—VI в.в., мы не можемъ не видѣть, что въ этихъ послѣднихъ всегда особо выдѣлялась алтарная абсида: она дѣлалась возвышеннѣе остальной части помѣщенія, весьма часто закруглялась и отдѣлялась отъ храма каменной алтарной стѣной съ дверями и сквозными нишами ¹⁾. Между тѣмъ храмовая пещера Святогорской скалы алтарнаго приспособленія не имѣетъ. Изученіе ея устройства приводитъ къ заключенію, что первоначально она не назначалась для храма и что она по своему происхожденію древнѣе устроеннаго въ ней храма. Однако храмъ здѣсь былъ уже въ глубокой древности. По преданію на столпѣ этого храма явилась чудотворная икона Свят. Николая Чудотворца, и усердіе народное изгрызло столпъ ради исцѣленій, такъ что позднѣе принуждены были обложить его камнемъ. Съ устройствомъ въ XVIII в. Николаевского храма на самой вершинѣ скалы, пещерный храмъ былъ оставленъ и запущенъ вмѣстѣ съ остальными пещерами: возстановленъ же былъ въ XIX в. Архим. Арсеніемъ. Съ помѣщеніемъ здѣсь въ древнѣйшія времена храма алтарь былъ устроенъ въ сѣверо-восточномъ углу пещеры между столпомъ и наружной стѣной. Съ двухъ сторонъ алтаря, противъ него и сбоку, оставалось свободное пространство для молящихся. Въ настоящее время въ ал-

¹⁾ Это ясно можно усмотрѣть на моделяхъ пещерныхъ храмовъ Инкерманской скалы въ Церк.-Арх. Музеѣ Кіевской Дух. Академіи.

тарѣ имѣются ниши: въ срединѣ стѣны, и по бокамъ ея—одна для жертвенника, а другая превращена въ дверь для выхода къ келіямъ. Въ храмѣ сдѣланы два глубокихъ въ видѣ небольшихъ арокъ окна въ сторону рѣки: одно въ алтарѣ, а другое въ предалтарной части. Окна имѣютъ $1\frac{1}{2}$ арш. высоты. Въ южной стѣнѣ храма сдѣлана ниша въ 3 арш. высоты, 2 арш. ширины, и полуниша въ 1 арш. высоты и $1\frac{1}{2}$ арш. ширины. Трудно угадать храмовое назначеніе этихъ нишъ. Они, несомнѣнно, имѣли значеніе для древнѣйшаго помѣщенія, когда здѣсь еще не было храма; тогда они могли быть ложами или скамейками.

Къ этой храмовой пещерѣ съ запада примыкаетъ рядомъ съ корридормъ помѣщеніе нынѣ называемое „притворъ“. Это—комната въ 6 арш. длины, 4 арш. ширины и $3\frac{1}{2}$ арш. высоты. По характеру обработки и по размѣрамъ—притворъ этотъ позднѣйшаго происхожденія.

Изъ притвора короткій корридоръ входитъ въ другой, идущій также изъ храма. Этотъ послѣдній представляетъ собою отдѣльный ходъ, исключительно связывающій храмъ съ другимъ замѣчательнымъ сооруженіемъ скалы, такъ называемой трапезой. Это—обширная зала квадратной формы по 7 арш. въ длину и ширину и высотой въ $4\frac{1}{2}$ аршина. Потолокъ имѣетъ видъ арки. Въ западной стѣнѣ устроены два окна въ 1 арш. высоты и 12 верш. ширины. По всѣмъ четыремъ сторонамъ имѣются углубленія для скамей или ложъ. Эта пещера съ перваго взгляда производитъ впечатлѣніе первобытнѣйшаго сооруженія. Форма ея, хотя въ общемъ квадратная, но съ грубыми неровностями линий и плоскостей. Стѣны и потолокъ не обтесаны сколько нибудь гладко, а грубо и съ крупными неровностями выбиты какъ будто тупымъ орудіемъ. Несомнѣнно, что архаическая ея обдѣлка въ послѣдствіи нѣсколько не подвергалась измѣненіямъ. Сѣрый и заплѣснѣвъшій цвѣтъ стѣнъ и потолка указываетъ на глубочайшую давность происхожденія ихъ. Кажется, что рука человѣческая мало участвовала въ устройствѣ этой пещеры. Изъ всѣхъ сооружений внутри скалы эта трапеза производитъ неотразимое впечатлѣніе самой глубокой и первобытной древности. Она находится въ той части четвертаго конуса, которая обращена назадъ отъ рѣки, въ провалъ, отдѣляющій скалу отъ горы,—слѣдовательно, въ

самомъ сокровенномъ и защищенномъ мѣстѣ. Окна ея обращены въ сторону вышеописаннаго нами наружнаго выхода изъ нижняго этажа усыпальницъ. Необходимо при этомъ имѣть въ виду то обстоятельство, что трапезная находится на одной площади съ пещернымъ храмомъ и соединяется съ нимъ почти прямолинейнымъ ходомъ. Подлѣ трапезной сбоку были устроены двѣ небольшія комнаты, теперь заложены кирпичемъ. Здѣсь при возстановленіи пещеръ Архим. Арсеній нашелъ слѣды русской печи и прочіе признаки, указывавшіе на приспособленность этихъ комнатъ подъ кухню для первобытныхъ насельниковъ пещеръ. Они выходили наружу скалы, и въ позднѣйшее время стали подвергаться опасности обвала, почему и были заложены.

Выходъ на верхъ скалы и св. Николаевская церковь, наполовину сдѣланная въ мѣловой пещерѣ, были устроены не ранѣе первой половины XVIII в. и потому не представляютъ собою памятниковъ древнѣйшаго періода монастыря.

Бывшій подземный ходъ отъ скалы къ Антоніе-Теодосіевской церкви на разстояніи 250 сажень въ цѣломъ своемъ видѣ не сохранился: первая его половина отъ скалы до нынѣшняго монастырскаго керосинового склада скрыта при устройствѣ площади подъ соборную церковь, а вторая,—пропавшая въ глинистомъ грунтѣ, мѣстами совершенно завалилась и никѣмъ никогда не была изслѣдована. Нынѣшній кладбищный храмъ преп. Антонія и Теодосія Печерскихъ устроенъ въ пещерѣ въ 1846 г. на мѣстѣ бывшаго здѣсь когда то древнѣйшаго храма. Къ сожалѣнію, при открытіи этой пещеры найденные здѣсь слѣды древнѣйшаго періода не были изучены и описаны. Нельзя въ точности опредѣлить, что изъ существующаго здѣсь—древнѣйшее. Извѣстный путешественникъ по святымъ мѣстамъ А. Н. Муравьевъ въ своемъ описаніи этой пещеры говоритъ: „нельзя опредѣлить времени ископанія сей пещеры; во всякомъ случаѣ, оно гораздо позднѣе келій мѣлового утеса, потому что самая правильность внутренняго расположенія церкви и отдѣлка сводовъ показываютъ, что надъ ними трудились люди, искавшіе не только пріюта, но и благолѣпія въ катакомбахъ... Обновители Святогорскіе ископали еще съ правой стороны церкви келіи для братіи, прочее же (что именно?) осталось не-

прикосновеннымъ и, кажется, не восходить далѣе XV или XIV вѣка ¹⁾).

Что касается пещеръ, существующихъ въ настоящее время въ Святогорскомъ Скитѣ, въ такъ называемомъ Святомъ мѣстѣ, то онѣ ископаны въ 1860 году.

Кромѣ пещеръ, вырытыхъ иноками Святогорской обители послѣ ея возстановленія, какъ въ обители, такъ и въ ея окрестностяхъ оказывается, къ нашему удивленію, масса другихъ замѣчательныхъ пещеръ съ несомнѣнными слѣдами глубочайшей древности, такъ что по справедливости Святогорье можно назвать пещерскимъ Святогорьемъ.

Надъ монастырскимъ кладбищемъ и Антоніе-Беоудосіевской церковью на вершинѣ обнаженной горы, не такъ давно еще покрытой вѣковымъ лѣсомъ, существуетъ мѣловой скалистый выступъ небольшихъ размѣровъ въ видѣ горба. Въ немъ со стороны р. С.-Донца имѣется пещера съ обвалившимся выходомъ на рѣку. Это—искусственно сдѣланная въ мѣловой толщѣ квадратная комната, имѣющая во все стороны по 5 арш., съ аркообразнымъ потолкомъ. Слѣды первобытной обрубки стѣнъ такіе же, какъ и въ древнѣйшихъ пещерахъ мѣловой скалы. Если мысленно возстановить обвалившуюся часть мѣлового горба, то описываемая нами пещера окажется удаленной въ глубь скалы на 10—15 арш. Въ такомъ случаѣ выходъ изъ нея могъ быть въ видѣ или короткаго корридора или другой пещеры въ сторону рѣки. Отсюда свободно открывается обширнѣйшій видъ на окрестности и особенно на юго-восточную сторону, куда уходилъ загибомъ Донецъ, каковая часть горизонта не могла быть видна съ мѣловой скалы. Въ самомъ монастырѣ, выше соборной церкви въ лѣсномъ оврагѣ находится монастырскій кузнечный дворъ: въ задней части его, недалеко отъ теперешнихъ построекъ, имѣются древнія пещеры въ видѣ комнатъ съ входнымъ корридоромъ, теперь засыпанныя. Такія же пещеры находятся у вершинъ мѣловыхъ горъ выше Святого мѣста къ западу. Еще выше по рѣкѣ за Святымъ мѣстомъ возвышается скалистая гора съ памятникомъ на вершинѣ: это—граница монастырской земли. Гора къ рѣкѣ имѣетъ чрезвычайно крутой, обрывистый скатъ. Въ 4-хъ саженьяхъ ниже памятника лицомъ къ рѣкѣ расположены пе-

¹⁾ „Святые Горы“. Харьковъ, 1860, стр. 54—55.

щеры. Первая изъ нихъ, открытая на рѣку, имѣетъ 4 арш. въ ширину и 3—въ глубину: стѣны ея носятъ слѣды грубой обдѣлки, потолокъ плоскій, по сторонамъ лежанки для сидѣнья. Съ правой ея стороны имѣется узкій, круглый какъ дыра, ходъ въ слѣдующую пещеру весьма значительныхъ размѣровъ, какъ по характеру вырубанія ея такъ и по архаическому своему виду совершенно напоминающую трапезу мѣловой скалы. Пещеры мы находимъ и еще выше по теченію р. Донца въ границахъ сосѣдняго съ Святогорьемъ села Богородичнаго, Изюм. у. Здѣсь памятникомъ глубочайшей древности является Теплинское городище надъ крутымъ берегомъ р. Донца, въ громадномъ Теплинскомъ лѣсу. Это городище имѣетъ выходъ на западъ, по гребню его идетъ валь, обросшій дубовыми деревьями. Тутъ же у самаго городища находится „Гостра могила“ надъ обрывистымъ берегомъ р. Донца. Это—высокій земляной шпиль съ широкимъ основаніемъ. Внизу надъ самымъ Донцомъ возвышаются мѣловые утесы, совершенно напоминающіе скалы Святогорья. Въ одномъ изъ этихъ утесовъ выдолблена пещера. Снаружи ведетъ въ нее корридоръ въ 1½ аршина длины и въ 1 арш. ширины. Самая пещера представляетъ собою комнату въ 2 аршина длины и въ 3—ширины. Входъ въ нее находится довольно высоко отъ земли и для того, чтобы взойти туда, нужно подставлять лѣстницу. Если спускаться изъ городища къ этой пещерѣ, то на дорогѣ указываются еще остатки земляныхъ пещеръ,

Когда, кѣмъ и съ какою цѣлью были ископаны пещеры Святогорья? Съ рѣшеніемъ этого вопроса стоитъ въ связи и степень древности монастыря Святогорскаго.

Изъ представленнаго нами описанія этихъ пещеръ видно, что нѣкоторыя изъ нихъ сдѣланы въ недавнее время, напр., пещеры такъ называемаго Святого мѣста, другія вырыты при возобновленіи монастыря, третьи же были ископаны задолго до возобновленія по извѣстному плану одновременно въ цѣляхъ исключительно иноческихъ. Наконецъ, имѣется между ними особая категорія со всѣми признаками самыхъ архаическихъ временъ. Остановимся на этихъ послѣднихъ. Къ этой категоріи относятся: въ мѣловой скалѣ—трапезная и храмовая пещеры, въ береговыхъ скалахъ—пещеры подъ Антоніе-Бѣодосіевскимъ храмомъ, возлѣ кузнечнаго двора,

надъ Святымъ мѣстомъ, у пограничнаго памятника и у Теплинскаго городища. Ближайшее изученіе двухъ указанныхъ пещеръ въ мѣловой скалѣ убѣждаетъ насъ въ томъ, что онѣ существовали задолго до поселенія здѣсь иноковъ. Храмовая пещера по первоначальному своему устройству не предназначалась для храма: этого доказывается отсутствіемъ здѣсь алтарной абсиды и устройствомъ столпа посрединѣ пещеры, т. е. въ томъ пунктѣ помѣщенія, которое должно быть открытымъ и свободнымъ для доступа молящихся. Столпъ этотъ по возобновленіи монастыря былъ обложенъ кирпичемъ и получилъ форму правильнаго четырехъугольнаго устоя, первоначально же онъ былъ, какъ говоритъ въ своемъ описаніи А. Н. Муравьевъ, изгрызенъ благочестіемъ богомольцевъ, т. е. неправильной и грубой формы. Если простая и первобытная форма этой пещеры сохранилась и послѣ устройства здѣсь системы иноческихъ жилищъ и переходовъ, то, очевидно, потому, что первые иноки нашли ее здѣсь уже въ готовомъ видѣ, случайно приспособивъ ее въ виду большихъ ея размѣровъ къ помѣщенію храма. Въ тѣ первобытныя времена она назначалась для наблюденія за окрестностями, для каковой цѣли и прорублены здѣсь окна на рѣку. Пещера эта одинаковой древности съ трапезной, съ которой она связана прямымъ и удобнымъ переходомъ. Это вторая пещера, сохранившая вполнѣ свой первобытный видъ, не была вырублена или высѣчена металлическимъ орудіемъ, напр., киркой, топоромъ, заступомъ, ломомъ, а была выдолблена деревяннымъ или кремневымъ орудіемъ, если не была случайнымъ, и вполнѣ вѣроятнымъ, произведеніемъ природы. Слѣды долбленія мы усматриваемъ и во всѣхъ остальныхъ пещерахъ этой категоріи, доступнымъ наблюденію въ настоящее время. Существуя въ настоящее время въ мѣловой скалѣ переходы, келіи и пещеры ведутъ свое начало отъ описанныхъ нами двухъ арханческихъ пещеръ. Несомнѣнно, жилье человѣческое прежде всего создано въ этихъ послѣднихъ и при томъ задолго до прибытія сюда христіанскихъ иноковъ. Поселившись въ этомъ первобытномъ гнѣздѣ, иноки потомъ отсюда стали прорубать ходы и пещеры въглубь скалы въ направленіи къ р. С.-Донцу и къ Антоніе-Феодосіевской горѣ, что доказывается направленіемъ рубки и об-

сѣковъ пещерныхъ корридоровъ. Въ первобытныя, до—иноческія времена, эти пещеры не были временными и случайными обиталищами. Значительные ихъ размѣры, входные корридоры, устройство въ нихъ нѣсколькихъ комнатъ, положеніе ихъ въ мѣстахъ недоступныхъ, откуда, однако, легко было наблюдать за окрестностями,—все это указываетъ на осѣдлое обитаніе въ нихъ группъ людей. Надобно при этомъ принять во вниманіе то, что всѣ эти пещеры составляютъ вдоль р. С.-Донца какъ бы улицу или городокъ пещеръ. Въ глубочайшей древности въ этомъ районѣ С.-Донца обиталъ доисторическій человѣкъ. Археологическими изысканіями обнаружена обширная стоянка бронзоваго періода у сл. Стратилатовки, Изюмскаго уѣзда, немного сѣвернѣе Святогорья. Обширное поселеніе древнѣйшихъ эпохъ, начиная съ каменнаго періода, находилось южнѣе Святогорья у сл. Райгородка. Все это приводитъ насъ къ выводу, что описываемыя нами древнѣйшія пещеры Святогорья представляютъ собою жилища доисторическаго человѣка—каменнаго и бронзоваго періода. Въ древнѣйшія историческія эпохи онѣ были брошены и можетъ быть случайно становились извѣстными охотникамъ и кочевникамъ, находившимъ здѣсь пріютъ въ непогоду и защиту отъ звѣрей во время короткихъ остановокъ. Въ эти эпохи пещеры были непригодны для обиталища людей, научившихся уже устраивать для себя обширныя и защищенныя становища и городища. И пещеры Святогорья не даютъ никакихъ указаній на обитаніе въ нихъ одного какого либо племени или народа въ начальныя историческія времена.

Первыми историческими насельниками Святогорья, несомнѣнно, были христіанскіе иноки, давшіе этимъ скаламъ съ пещерами названіе Святыхъ Горъ уже въ начальную эпоху русской исторіи. Здѣсь мы подходимъ къ вопросу о возможности опредѣленнаго указанія времени или періода иноческаго заселенія этихъ горъ. Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, мы остановимъ свое вниманіе на существовавшихъ предположеніяхъ на этотъ счетъ и на фактическомъ, археологическомъ и топографическомъ матеріалѣ, какой могъ быть добытъ и имѣется у насъ въ настоящее время по данному вопросу.

III.

Святогорье, Изюмского уѣзда.

Относительно времени иноческаго заселенія Святогорья существуютъ различныя предположенія въ виду того, что опредѣленныхъ указаній на это въ сохранившихся историческихъ документахъ не имѣется. Въ дошедшемъ до насъ древнѣйшемъ синодикѣ Святогорской пустыни 1710 года говорится: „Начало сей Святогорской обители, кто оное святое пустынное жителство изобрѣлъ и въ горѣ сей св. церковь и келіи устроилъ и началъ жителствовать, за многими татарскими нахожденіи и разореніи, особенно же за частыми перемѣнами прежде бывшихъ строителей, потомъ игуменовъ и архимандритовъ, здѣ въ святой обители писанія не обрѣтохомъ¹⁾).

При возстановленіи монастыря въ сороковыхъ годахъ XIX в. и при расчисткѣ древнихъ пещеръ мѣловой скалы Архим. Арсеній съ удивленіемъ обратилъ вниманіе на то, что въ пещерныхъ погребальныхъ нишахъ были найдены кости усопшихъ иноковъ, но ни одного черепа. Эти кости потомъ были собраны и погребены въ древней усыпальницѣ возлѣ Іоанно-Предтеченскаго храма. Это обстоятельство напомнило замѣчательный обычай, сохраняющійся исключительно только на Аѳонѣ, по которому ровно черезъ три года послѣ смерти инока откапываютъ его могилу, кости собираютъ въ отдѣльное помѣщеніе, а черепа разбираются иноками къ себѣ въ келіи или складываются особо. Такое тождественное явленіе и въ нѣдрахъ Святогорскихъ пещеръ подало мысль, что будто-бы первыми насельниками Святогорья были выходцы съ Аѳона, занесшіе отсюда свой обычай погребенія усопшихъ иноковъ. Но когда это могло быть? Архим. Арсеній высказывалъ А. Н. Муравьеву свое предположеніе, что это могло быть въ XV в. Предпоследній греческій императоръ Михаилъ Палеологъ, ища защиты отъ натиска турокъ—мусульманъ, рассчитывалъ получить помощь отъ римскаго папы цѣною подчиненія Восточной церкви власти римскаго первосвященника и принялъ унію Флорентійскаго собора 1439 года. Въ угодность папѣ онъ вознамѣрился обратить въ унію аѳонскихъ иноковъ, а въ случаѣ со-

¹⁾ Архивъ Святогорской пустыни. № 1-й.

противленія ихъ, принудить силою и даже мученіями. Спасаясь отъ уніатства, вѣрные православію иноки стали уходить съ Аѳона въ другія страны. Нѣкоторые изъ нихъ удалились въ сѣверныя страны, дошли до устья р. Дона, перешли въ р. Донецъ и, доплывъ къ Донецкимъ скаламъ, плѣнились красотою природы, сошли на берегъ и поселились здѣсь, укрываясь въ мѣловыхъ скалахъ отъ набѣговъ крымскихъ татаръ.

Какъ ни вѣроятно такое предположеніе, однако оно основывается только на одномъ нахожденіи въ мѣловой скалѣ костей усопшихъ безъ череповъ. Другихъ свидѣтельствъ связи мѣловой скалы съ Аѳономъ не усмотрѣно ни въ сохранившихся здѣсь вещественныхъ остаткахъ старины, ни въ преданіяхъ, ни въ историческихъ документахъ. Всѣ имѣющіеся по этому вопросу данныя говорятъ въ пользу изначальнаго заселенія мѣловой скалы русскими, а не иными какими либо иноками.

По другому предположенію Святогорская обитель основана кіевскими иноками, оставившими лавру послѣ татарскаго погрома Кіева и ихъ обители въ первой половинѣ XIII в. и разошедшимися по окрестнымъ странамъ, чему способствовали водныя сообщенія по рѣкамъ Днѣпру, Дону и Сѣверскому Донцу. Очень возможно допустить, что они или вымерли, или побиты крымцами и другими дикими народами, кочевавшими близъ Св. Горъ и что въ XV в. аѳонскіе выходцы поселились здѣсь. Во всякомъ случаѣ Святогорская обитель есть иноческая вѣтвь Кіево-Печерской лавры и Святогорье есть духовная дочь Кіева. Объ этомъ свидѣлствуютъ, кромѣ ископанныхъ пещеръ, храмовые праздники Святогорья, сходные съ Печерскими, и память Свят. Николая, особенно чествуемая въ Кіевѣ и, вѣроятно отсюда перенесенная сюда. А. Н. Муравьевъ совершенно быть убѣжденъ въ заселеніи Святогорья выходцами Кіево-Печерской Лавры, плѣненными поразительнымъ сходствомъ Донецкихъ мѣловыхъ горъ съ Кіево-Печерскими. „Не мудрено, говоритъ онъ, что иноки кіевскіе, разбѣжавшіеся послѣ погрома монгольскаго изъ своей Лавры, здѣсь пріютились, обрѣтши нѣчто подобное не только ихъ пещерамъ, но и самой мѣстности. Удивительно, что и на берегу Десны въ Брянскѣ, куда была перенесена Чудотворная икона Печерская въ Свѣнскую оби-

тель, есть также подобіе мѣстности Кіевской. Иноки печерскіе какъ будто-бы во всемъ искали незабвенный для ихъ сердца образъ ихъ завітной Святыни и старались основаться тамъ, гдѣ только могли найти что-либо ей подобное ¹⁾. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ о послѣ-монгольскомъ основаніи Святогорскаго монастыря кіевскими иноками. Что послѣ разрушенія Кіева и Лавры татарами иноки лаврскіе разошлись по сосѣднимъ странамъ и стали основывать тамъ монастыри,—это несомнѣнно. Но удаленіе ихъ отъ татарскаго разгрома Кіева въ области, ставшіе обиталищемъ татаръ, мы находимъ совершенно невѣроятнымъ. Вся нынѣшняя Харьковская губернія послѣ татарскаго нашествія и опустошенія всѣхъ здѣсь бывшихъ сторожевыхъ славяно-русскихъ городковъ и поселеній вошла въ область постоянныхъ кочевій и наѣздовъ татаръ, иногда предпринимавшихъ даже устройство здѣсь осѣдлыхъ своихъ становищъ. Такой же участи подверглись сосѣднія Переяславская и Курская области: Курскъ, напр. совсѣмъ исчезаетъ на время монгольскаго ига и опять появляется въ качествѣ вновь построеннаго города только уже въ XVI в. Въ Рыльскомъ княжествѣ появляются даже двѣ татарскія слободы, построенныя татарскимъ откупщикомъ Ахматомъ въ концѣ XIII в. ²⁾. Въ послѣ-монгольскія времена здѣсь свободно разгуливали татарскія орды, грабя и убивая заходившихъ сюда русскихъ людей. Проф. Д. И. Багалъй въ своихъ очеркахъ по исторіи колонизаціи нашего края приводитъ рядъ фактовъ разбойничьяго хозяйничанья здѣсь татаръ. Въ 1495 году на московскихъ людей, шедшихъ въ количествѣ 45 чел. къ Азову, напали азовскіе татары на Сѣверскомъ Донцѣ и убили у нихъ 22 чел., а остальныхъ оставили замертво. Въ 1486 году люди ордынскаго царя Муртазы подстерегли московскихъ пословъ въ трехъ мѣстахъ на Осколѣ, Донцѣ и Мерлѣ и затѣмъ пограбили людей вел. кн. на Мерлѣ вблизи Коломака. Въ 1501 году азовскіе татары схватили и ограбили на рѣкѣ Орелѣ велико-княжескаго посла Ѳед. Ромодановскаго, крымцы ограбили русскихъ купцовъ на устьѣ р. Оскола у Донца;

¹⁾ „Святыя Горы“, изд. 1866 г., стр. 23—27.

²⁾ Д. И. Багалъй. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Томъ I, Москва, 1887 г. стр. 65.

они же напали на русских людей на р. Пселѣ. Въ 1503 году русское посольство разогнали на р. Осколѣ ногайскіе мурзы. Такимъ образомъ, мѣстами татарскихъ засадъ оказываются рѣки, протекающія въ предѣлахъ нынѣшнихъ Харьковской и Полтавской губерній: это были въ то время опасныя мѣста на „польскихъ“ дорогахъ, какъ выражается одинъ документъ ¹⁾. А Герберштейнъ въ своихъ запискахъ о Московіи отмѣчаетъ: „Между Казанью и Астраханью далеко по Волгѣ до самаго Борисоена (Днѣпра) находятся степи, въ которыхъ живутъ татары, не имѣя никакой осѣдлости, кромѣ Азова и города Ахаза, который стоитъ на Танаисѣ (Донѣ) 12 милями выше Азова; сверхъ того татары, живущіе по Донцу, обрабатываютъ землю и имѣютъ постоянныя жилища ²⁾. Это послѣднее указаніе для насъ особенно важно. Принявъ во вниманіе, говоритъ Д. И. Багалъй, что центральными пунктами этихъ татаръ пахарей были Азовъ и Ахазъ, находившіеся въ низовьяхъ Дона, придется признать, что и пашни ихъ были въ нижнемъ теченіи Донца и едва-ли переходили даже въ среднее, туда могли достигать только ихъ кочевья; и дѣйствительно мы ихъ видимъ между Валужемъ и Донцомъ. Однако такое заключеніе проф. Д. И. Багалъя надобно теперь принимать въ болѣе широкомъ смыслѣ. На основаніи археологическихъ раскопокъ послѣдняго времени въ Изюмскомъ уѣздѣ В. А. Городцевъ приходитъ къ выводу, что съ половины XIII вѣка область р. С. Донца, въ предѣлахъ Изюмскаго уѣзда, была основательно занята татарами, устроившими недалеко отъ г. Славянска у с. Райгородка постоянную свою стоянку, по всеѣмъ признакамъ пользовавшуюся большимъ административнымъ и религіознымъ магометанскимъ значеніемъ. ³⁾ Здѣсь было найдено много Золотоордынскихъ монетъ XIV в. ⁴⁾ Правда, какъ мы указывали выше, находятся слѣды проживанія въ полуразрушенныхъ городищахъ нашего края—остатковъ Славянскаго населенія вмѣстѣ съ татарскимъ. Но такіе обломки

¹⁾ Ibid., стр. 72.

²⁾ „Записки о Московіи“. Перев. И. Анонимова. Спб. 1866 г., стр. 153.

³⁾ Труды XII Арх. Съѣзда въ Харьковѣ. 1902. Москва 1905 г. т. I, стр. 214.

⁴⁾ Ibid., стр. 397.

бывшаго населенія могли быть терпимы татарами только въ качествѣ подневольныхъ рабовъ и плѣнниковъ, вѣчно дрожавшихъ за свое существованіе. По всѣмъ этимъ даннымъ мы съ полнымъ основаніемъ должны отнести нашъ край въ XIII—XV в.в. къ области той „Татаріи“, куда проникать русскимъ людямъ, даже облеченнымъ мирными посольскими полномочіями, было чрезвычайно опасно, а тѣмъ болѣе съ цѣлями поселенія здѣсь хотя бы и въ хорошо укрытыхъ и защищенныхъ мѣстахъ. Невѣроятно, чтобы кіевскіе иноки, осиротѣвшіе послѣ разгрома Лавры, направились искать себѣ новыхъ тихихъ убѣжищъ на берегахъ Сѣверскаго Донца и притомъ же въ мѣловыхъ скалахъ Святогорья, находившагося, такъ сказать, у порога Райгородскаго татарскаго становища. Такимъ образомъ приходится отодвинуть основаніе Святогорской обители или къ болѣе позднѣйшему или же къ еще болѣе раннему времени—домонгольскому. Здѣсь остановимъ свое вниманіе на слѣдующихъ выводахъ по данному вопросу проф. Д. И. Багалѣя, которое приведемъ здѣсь цѣликомъ. „Когда получилъ начало свое монастырь на Святыхъ горахъ, въ точности не извѣстно. Кѣмъ былъ основанъ онъ—не извѣстно. Приходится, такимъ образомъ, дѣлать догадку. Онъ могъ быть основанъ или московскими, или южно-русскими монахами, вышедшими изъ Польши. Второе предположеніе гораздо вѣроятнѣе: трудно допустить, чтобы московскіе монахи добровольно отправились въ татарскую степь и вдали отъ русскихъ украинскихъ городовъ основали себѣ обитель. Это могли сдѣлать или монахи южно-русскихъ монастырей, или, что еще вѣроятнѣе, какіе нибудь отшельники-выходцы изъ Малороссіи, желавшіе найти себѣ полное уединеніе для религиозныхъ созерцаній. Быть можетъ ихъ привлекла святость этого мѣста, потому что названіе „Святія Горы“, какъ намъ кажется, древнѣе XVI в. Московскіе станичники въ началѣ этого столѣтія рассказывали о нихъ Герберштейну¹⁾ (бывшему

¹⁾ Въ своихъ запискахъ о Московіи Герберштейнъ по поводу легенды о языческихъ жертвенникахъ по Черному морю у Азова говоритъ: „Также воины, которыхъ князь каждый годъ посылаетъ туда для развѣдыванія и отраженія татарскихъ набѣговъ, когда я спрашивалъ ихъ объ этомъ, отвѣчали, что они никогда не видали и не слышали ничего такого. Однако они не отрицали, что около устьевъ малаго Танаиса (Донца), въ четырехъ дняхъ отъ Азова, близъ

въ Москвитинъ въ 1517 и 1526 г.г.), что около устьевъ Малаго Танаиса (Донца) въ 4 дняхъ отъ Азова близъ мѣста Великій Перевозъ, у Святыхъ горъ они видѣли статуи и какія-то каменные и мраморныя изображенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь дѣло идетъ о 5 мѣловыхъ конусахъ, которые могли показаться ѣдущимъ по Донцу какими-то изваяніями. Но изъ разсказа ихъ видно, что они никогда не всходили на вершину этихъ мѣловыхъ конусовъ, не видѣли тамъ ни церкви, ни пещеръ, ни келій. Это значитъ, что ихъ тамъ еще не было, ибо въ противоположномъ случаѣ они не преминули бы сообщить о нихъ интересовавшемуся этимъ дѣломъ иностранцу. Очевидно, названіе „Святая Горы“ осталось еще отъ прежняго домонгольскаго періода. И въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Такихъ названій сохранилось не мало: Вырское городище, Донецкое городище, имена рѣкъ Донца, Оскола и др. Поселеніе отшельниковъ-выходцевъ изъ Польши можно отнести къ концу XVI или началу XVII в. в.,—правдоподобіе всего, къ тому времени, когда въ Западной Россіи была введена уже церковная унія. По всей вѣроятности, первыхъ поселенцевъ было очень мало, и они сами выбрали себѣ жилищемъ Святая Горы. Понятно, слѣдовательно, почему о первыхъ временахъ существованія монастыря не сохранилось никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ. Но вотъ, съ теченіемъ времени количество монаховъ стало увеличиваться,—тогда правительство обратило вниманіе на эту новую обитель, которая давала у себя пріютъ его станичникамъ, и стало давать ей хлѣбное жалованье, потомъ земли и всякія угодья. Первые же свѣдѣнія письменныхъ русскихъ источниковъ о Святыхъ горахъ относятся къ 1541 и 1555 годамъ¹⁾. Въ приведенныхъ разсужденіяхъ почтеннаго профессора является чрезвычайно важнымъ указаніе на происхожденіе названія „Святая Горы“ отъ домонгольскаго періода. Повидимому съ этимъ не согласуется христіанское освященіе этихъ горъ иночествомъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII в. в. Если мѣста Великій Перевозъ, у Святыхъ горъ, они видѣли статуи и какія-то мраморныя и каменные изображенія. А Малый Танаисъ беретъ начало въ Сѣверскомъ княжествѣ, отъ чего называется Вѣверскимъ Донцомъ, и въ трехъ дняхъ выше Азова впадаетъ въ Танаисъ“ *ibid*, стр. 103.

¹⁾ *Ibid*, стр. 510—512.

иночество основано было здѣсь только въ это позднее время, то почему же знаменательное названіе горъ „Святыми“ усвоено имъ было гораздо раньше? Вѣдь наименованіе „Святыхъ горы“ указываетъ на христіанское ихъ освященіе или храмомъ или подвижничествомъ. Мы иначе никакъ не можемъ объяснить смыслъ такого названія. Мы естественно приходимъ къ тому логическому и неизбѣжному выводу, не договоренному, такъ сказать, профессоромъ Багалѣемъ, что въ концѣ XVI или въ началѣ XVII в.в. обитель была не основана здѣсь, а возстановлена на останкахъ древнѣйшаго прошлаго и что первоначально основана она была въ домонгольскій періодъ, на каковое обстоятельство и указываетъ домонгольское усвоеніе горамъ наименованія „Святыхъ“. Къ этому выводу приводятъ и археологическія наблюденія надъ типомъ пещеръ мѣловой скалы Святогорья и историческія данныя о насажденіи иночества внѣ Кіева кіево-печерскими иноками.

Родство пещеръ мѣловой скалы Святогорья съ пещерами Кіево-Печерской Лавры и Черниговскими въ томъ видѣ, какъ эти послѣднія были ископаны во второй половинѣ XI вѣка, несомнѣнно. Въ Кіевѣ и Черниговѣ онѣ были дѣломъ рукъ преп. Антонія и Θεодосія Печерскихъ и первыхъ учениковъ ихъ. Подъ 1069-мъ годомъ въ лѣтописи Нестора читаемъ: „Нача гнѣватися Изяславъ на Антонія изъ Всеслава и присла Святославъ въ ночь поя Антонія Чернигову. Антоній же, пришедъ Чернигову, возлюбилъ Болдины горы, ископавъ пещеру, ту ся всели“. Преп. Антоній здѣсь основалъ монастырь, а Святославъ построилъ каменную церковь во имя св. прор. Іліи, отчего и Антоніевскій монастырь въ Черниговѣ сталъ называться Ильинскимъ. И донныя Ильинскія пещеры сохранились почти въ первобытномъ своемъ видѣ. Въ пещерахъ три церкви: всѣ онѣ обращены алтаремъ къ востоку, не имѣя ни куполовъ, ни оконъ. Чтобы обозрѣть пещеры, надо спуститься внизъ въ подземный склепъ, откуда ходъ налѣво ведетъ въ пещеру съ церковью во имя преп. Антонія. Длинный ходъ, постепенно углубляясь, ведетъ къ другой церкви преп. Θεодосія. Она углублена ниже Антоніевской церкви на два аршина. По своимъ обширнымъ размѣрамъ это единственная въ Россіи пещерная церковь, подобной которой нѣтъ даже и въ

Кіевскихъ пещерахъ. Круглая по формѣ, эта церковь имѣетъ въ длину отъ алтаря до западной стѣны 6 арш., въ ширину 6 арш., вверху она заканчивается не обычнымъ для пещерныхъ храмовъ сводчатымъ потолкомъ, а правильно вырытымъ куполомъ. Высота храма съ куполомъ болѣе 11 аршинъ. Алтарь возвышенъ на три ступени, престолъ кирпичный; съ правой и лѣвой сторонъ алтаря устроены узкіе проходы, замѣняющіе собою южныя и сѣверныя двери. Съ западной стороны къ церкви примыкаетъ круглая пещера, довольно высокая, съ нишами по сторонамъ, которыя служили мѣстами стоянія монашествующихъ во время богослуженія. Недалеко отъ этой церкви находится небольшая круглая съ куполообразнымъ потолкомъ пещера, къ сѣверной сторонѣ которой примыкаетъ каменная гробница въ видѣ стола: въ ней, по преданію, похоронены кости иноковъ, избѣженныхъ татарами въ 1239 году. Третья пещерная церковь, очень маленькая, помѣщается въ глубинѣ пещеръ; престолъ ея въ честь преп. Николы Святоши, князя Черниговскаго. Близъ этой церкви находится малая пещера съ углубленіями въ стѣнахъ для стола и постели съ узкимъ корридормъ, который оканчивается очагомъ, гдѣ приготовлялась пища. Характерныя особенности этихъ пещеръ заключаются въ устройствѣ притвора при храмѣ, боковыхъ нишъ для стоянія, ложъ и стола, общей усыпальницы для иноковъ и жилыхъ приспособленій съ очагомъ. Эти особенности усматриваются также и въ пещерахъ Кіево-Печерской лавры. Последнія сближаются съ святогорскими еще и въ томъ отношеніи, что къ потребностямъ подвижническимъ приспособлялись первобытнѣйшія пещеры до-историческаго происхожденія. Таковыхъ пещеръ не мало было въ кіевскихъ приднѣпровскихъ горахъ. Здѣсь, у Кирилловскаго монастыря, въ началѣ девяностыхъ годовъ XIX в. были найдены пещеры съ остатками культуры доисторическаго человѣка каменнаго періода, обслѣдованныя и описанныя проф. Антоновичемъ. Быть можетъ существованіе этихъ пещеръ въ Кіевѣ поддало мысль кіевскимъ подвижникамъ особенно насадить и организовать здѣсь не какое либо, а именно пещерное затворническое иночество по образцу авонскаго и египетскаго. Главная сѣтъ ближнихъ и дальнихъ пещеръ кіевской лавры была изрыта въ XI в.: это сдѣлалось излюбленнымъ трудомъ бли-

жайшихъ послѣдователей преп. Антонія и Θεодосія Печерскихъ. Мы имѣемъ свидѣтельства, что одинъ изъ нихъ совершалъ подвижническія путешествія проторенною дорогою чрезъ нашъ край въ древнюю Тмутаракань, насаждая въ ней иночество въ духѣ кіево-печерской обители. Это былъ преп. Никонъ Печерскій. Намъ представляется, что никто другой, какъ именно онъ по удобству современныхъ ему историческихъ обстоятельствъ и по духу своего подвижничества могъ быть изначальнымъ основателемъ Святогорской обители. На протяжении трехъ вѣковъ, отъ X по XIII, единственнымъ періодомъ для усиленной славяно-русской колонизаціи въ направленіи къ южнымъ степямъ былъ XI-й вѣкъ, а именно промежутокъ между разгромомъ Ярославомъ Мудрымъ печенѣговъ и нашествіемъ половцевъ въ самомъ концѣ этого вѣка. Въ это время славяно-русскія колоніи клиномъ продвинулись далеко на югъ по территоріи нашего края, направляясь съ одной стороны изъ Черниговщины, а съ другой—изъ Переяславщины. Цѣлый рядъ городищъ, дошедшихъ до насъ отъ того времени, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ съ явно обнаруженными славяно-рускими слѣдами,—свидѣтельствуетъ объ этомъ. Именно въ это время лѣтописи отмѣчаютъ усиленное политико-торговое движеніе изъ Чернигово-Сѣверскаго княжества въ Тмутараканское: причемъ и самый разцвѣтъ существованія этого послѣдняго относится именно ко второй половинѣ XI вѣка. Въ это же время преп. Никонъ, ближайшій сподвижникъ преп. Антонія Печерскаго, подвергшись вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ опалѣ великаго князя Изяслава (1054—1068), вынужденъ былъ оставить Кіевъ и отправился въ далекую Тмутаракань. Объ этомъ лѣтопись повѣствуетъ въ такихъ словахъ: „Великій же Никонъ отъиде въ островъ Тмутароканскій, и ту обрѣте мѣсто чисто близъ города, и сѣде на немъ и Божією благодатію возрастѣ мѣсто то, и церковь святая Богородицы въгради на немъ. И бысть монастырь славенъ, иже и донинѣ есть, прикладъ же имый въ сій печерскій монастырь“¹⁾. По смерти Ростислава Владиміровича, князя Тмутаракани, преп. Никонъ былъ уполномоченъ жителями той страны идти къ Свято-

¹⁾ Митр. Макарій. Исторія Русской Церкви. Спб. 1857 г., т. II, стр. 290. Е. Голубинскій. Исторія Русской Церкви. Москва, 1880 г., т. I, стр. 563—564.

славу Ярославичу, князю Черниговскому и просить его, чтобы онъ отпустилъ имъ на престолъ Тмутараканскій сына своего Глѣба. Дойдя до города Чернигова и исполнивъ благополучно возложенное на него порученіе, преподобный отправился въ г. Кіевъ и пришелъ въ монастырь Печерскій къ преп. игумену Θεодосію для братскаго свиданія послѣ долгой разлуки. Давъ обѣщаніе по возвращеніи въ Тмутаракань вновь и навсегда уже вернуться въ кіевскій монастырь, преп. Никонъ отбылъ въ Тмутаракань. Сюда онъ прибылъ съ княземъ Глѣбомъ Святославичемъ, занявшимъ престолъ. Управивъ монастырь, онъ возвратился опять въ Кіевъ, гдѣ послѣ преп. Θεодосія былъ игуменомъ обители до самой смерти въ 1088 году. По ходу этого повѣствованія изъ наиболѣе точной редакціи житія его видно, что первое его возвращеніе изъ Тмутаракани въ Черниговъ было не чрезъ Днѣпръ и Кіевъ, а другимъ путемъ, по которому велись тогда сношенія между этими двумя пунктами, т. е. по Сѣверному Донцу ¹⁾. Этимъ же путемъ совершалось безъ сомнѣнія и его вторичное путешествіе въ Тмутаракань съ новымъ княземъ Глѣбомъ Святославичемъ. Основатель и насадитель иночества въ Тмутаракани, онъ не могъ не обратить вниманія на дивное Святогорье Сѣверскаго Донца, такъ напоминающее кіево-печерскій монастырь и стоящее какъ бы на перепутьи между Черниговщиной и Тмутараканью. Самое прочное звено на этомъ пути онъ и заложилъ здѣсь въ дивной мѣловой скалѣ, зажегши свѣточъ христіанскаго подвижничества и облекши мѣсто это на всѣ грядущіе вѣка наименованіемъ „Святая Горы“. Къ этому времени можетъ быть отнесено устройство въ мѣловой скалѣ пещернаго храма (нынѣ Іоанно-Предтеченскаго), келій при немъ и усыпальницы, а также приспособленіе трапезной пещеры съ очагомъ для нуждъ новосозданной обители, первобытное устройство которыхъ по своимъ характернымъ признакамъ такъ совпадаетъ съ пещерами кіевскими и черниговскими XI в.

Замѣчательными вещественными памятниками древнѣйшаго прошлаго Святогорья является, кромѣ описанныхъ нами пещеръ мѣловой скалы, сохранившіеся и дошедшіе до насъ

¹⁾ См. Е. К. Замысловскій „Пути сообщенія въ Россіи“ изд. подъ редакцію В. П. Семенова, т. VII, стр. 219.

оловяный потиръ и монастырскій Синодикъ. Здѣсь мы должны сдѣлать слѣдующую оговорку.

Изъ сохранившихся до нашихъ дней иконъ прежняго монастыря до его возстановленія мы ни одной не можемъ отнести ко времени ранѣе конца XVI и нач. XVII в. Древнѣйшими изъ нихъ почитаются—чудотворная икона Св. Христова Николая и Святогорская икона Божіей Матери.

Мы уже выше указывали, что первая изъ нихъ была обрѣтена когда-то иноками на мѣловомъ столбѣ въ той пещерѣ, гдѣ былъ первый самый древній храмъ обители. Въ настоящее время эта икона отъ Св. Пасхи до 1 октября помѣщается въ Успенскомъ соборѣ съ лѣвой стороны отъ средняго престола, подъ сѣнью, а съ 1 октября и до Св. Пасхи—въ Покровскомъ храмѣ, въ отдѣльномъ кіотѣ, близъ праваго клироса. На ней ликъ св. Николая написанъ безъ митры, а по сторонамъ изображены Спаситель и Божія Матерь. Живопись потемнѣвшая, но довольно явственная. Фонъ живописный. Она небольшихъ размѣровъ: 25×30 см., написана масляными красками на липовой доскѣ и на легкой грунтовкѣ. При тщательномъ изученіи живописнаго стиля ясно открывается южно-русское происхожденіе иконы: въ ней отсутствуютъ типическія черты аѳонской и тѣмъ болѣе древне-византійской иконописи. Живописная, красочная отдѣлка лика и одѣянія съ художественнымъ пошибомъ—исбличаютъ работу не ранѣе XVII в. То же надобно сказать и о второй иконѣ. Она одна изъ тѣхъ немногихъ, которыя уцѣлѣли отъ общаго разграбленія монастыря во время его закрытія 1 сентября 1787 года. Она значительныхъ размѣровъ, была „намѣстною“ иконою въ главной церкви прежняго монастыря. Рисункомъ своимъ напоминаетъ икону Божіей Матери „Одигитріи“. Въ художественномъ стилѣ ея еще рѣзче выступаетъ работа малороссійскаго мастера XVII в.

Отъ лѣтъ древнихъ въ Святогорскомъ монастырѣ сохранилось два оловянныхъ потира: одинъ изъ нихъ носитъ на себѣ слѣды глубочайшей древности¹⁾.

Потиръ имѣетъ 17 см. высоты, 11¹/₂ см. въ діаметрѣ, подножіе его въ 10¹/₂ см. діаметра. Подножіе—высокой конусообразной формы, соединяется съ чашей ма-

¹⁾ Епарх. Церк.-Арх. Музей, № 224.

ленькимъ шаромъ: высота подножія 11 сантим. Низъ чаши не имѣтъ никакихъ изображеній. Самая же чаша кругомъ украшена изображеніями. Эти послѣднія сдѣланы гравировкой рѣзцомъ вглубь. Каждая фигура обведена глубокой пунктирной линіей въ видѣ бордюра—подобія жемчужной обниси. Всѣ изображенія находятся въ медальонахъ. Посрединѣ—поясное изображеніе Спасителя благословляющаго и съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ, раскрытымъ на словахъ: „придите...“ Благословляющая десница Спасителя—со сложенными по архіерейски перстами. Вокругъ лика Спасителя—нимбъ, крестообразно раздѣленный съ буквами о—ш—н. Типъ лика—строго византійскій съ выдержаніемъ его основныхъ чертъ—продолговатаго овала лица, волнистыхъ волосъ на двое раздѣленныхъ, браны безъ раздвоенія. Съ правой стороны такое же изображеніе Божіей Матери—въ одѣяннн съ звѣздами на плечахъ и со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, на свиткѣ начало слова: „Влады...“ Съ лѣвой стороны отъ Спасителя—изображеніе Св. Іоанна Крестителя со свиткомъ въ правой рукѣ: на свиткѣ надпись: „Се агнецъ.“ Типъ лика Крестителя—строго византійскій. Около лика надпись: „Іоанъ“. По обѣимъ сторонамъ этихъ изображеній—два медальонныя изображенія ангеловъ съ руками простертыми ко Спасителю и съ надписью: „Ангели Господни“. Между ангелами въ медальонѣ Крестъ на Голгоѣ съ копіемъ и тростію и съ Адамовой головою у подножія и съ надписями: ІС. ХС. КО. ТР. НН. ІІІ. Р. Б. Г. А. подъ титлами. Всѣ медальоны вокругъ чаши соединены крупнымъ листовнымъ орнаментомъ. Несмотря на простоту и элементарность работы, эти изображенія, однако, въ общихъ контурныхъ своихъ формахъ производятъ впечатлѣнія хорошей, привычной работы. Весь потиръ представляетъ собою сосудъ простой, но въ высшей степени изящной формы. Въ ряду сохранившихся въ Харьковской епархіи отъ древнихъ временъ оловяныхъ потировъ разныхъ формъ, работы и величины, собранныхъ въ Университетскомъ и Епархіальномъ музеяхъ, Святогорскій потиръ рѣзко выдѣляется формой и работой своей какъ единственной, почему взоръ наблюдателя не можетъ не остановиться на немъ съ вопросомъ: что за форма его и отъ какихъ временъ происходитъ онъ. Самое замѣчательное въ немъ—малая высота его (онъ—ниже всѣхъ дру-

гихъ потировъ) и чрезвычайная широта чаши сравнительно съ высотой. Самая чаша правильной полукруглой формы, а не въ видѣ лиліи съ отгибающимися краями. Теперь научно установлено, что позднѣйшая форма потировъ—высокая лиліеобразная съ особеннымъ развитіемъ подножія по его массивности, широтѣ и нарядности. Чѣмъ потиръ древнѣе, тѣмъ онъ ниже, круглѣе и ширѣ въ верхней своей части. тѣмъ болѣе онъ приближается къ формѣ греческихъ кра-тировъ. Образцы потировъ такого типа, относящихся къ XI—XII вв. и похищенныхъ изъ Константинополя во время Латинской имперіи венеціанцами, нынѣ имѣются въ сокровищницѣ Венеціанской церкви святого Марка. Нашъ потиръ по характеру своему весьма близко подходитъ къ серебряному потиру XII в. ризницы собора Переяславля Залѣскаго и къ серебряному потиру этого же времени изъ Кіевскогоклада 1824 года, хотя въ подлинникѣ исчезнувшемъ, но сохранившемся въ довольно точномъ изображеніи ¹⁾. Переяславскій потиръ, вся его общая форма, его широкая, низкая чаша,—характернаго византійскаго типа потировъ Венеціанской сокровищницы, поддонъ, а главное, стиль медальоновъ съ поясными фигурами и надписей надъ ними,—достаточно подтверждаютъ то, что онъ относится несомнѣнно къ періоду XII—XIII вв. или точнѣе ко времени до монгольскаго завоеванія и не ранѣе второй половины XII в. Эта чаша гладкая, работана рѣзцомъ вглубь. И въ Кіевскомъ потирѣ мы видимъ тѣ же медальоны, но ихъ широкіе бордюры намѣчены точками—тоже подобіе жемчужной обнизи. И тамъ рѣзцомъ вглубь начерчены погрудныя фигуры Спасителя, Богоматери, Іоанна Предтечи, Іоанна Златоуста; всѣ приемы рѣзбы, штриховка складокъ, раздѣлка волосъ и пр.,—все указываетъ на однородную технику, которая обнаруживала въ общемъ характеръ ликовъ и во всѣхъ подробностяхъ изображенія несомнѣнно древне-русскую работу. Сравнительно съ художественной работой Переяславскаго потира, Святогорскій представляетъ элементарную, ремесленную работу, но съ очевиднымъ соблюденіемъ древняго типа. И въ нашемъ потирѣ, какъ и въ Переяславскомъ, конусообразный поддонъ соединяется съ чашей яблокомъ, хотя весьма

¹⁾ Русскія древности изд. граф. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, вып. VI, Спб. 1899 г., стр. 83—85, и вып. V, Спб. 1897 г., стр. 106—107.

малыхъ размѣровъ, самый верхъ чаши—круглый и широкій, сильно развитой сравнительно съ подножіемъ,—и въ общемъ своемъ видѣ онъ такъ же широкъ и низокъ, какъ и Переяславскій. Все это даетъ намъ основаніе относить его къ древнѣйшимъ временамъ Святогорья, близкимъ къ XIII в.

Монастырскій Синодикъ представляетъ собою рукописную книгу въ листъ малаго формата въ 215 листовъ. Значится въ главной описи монастыря подъ № 1-мъ. Онъ весь писанъ полууставомъ, со многими красными начальными буквами и словами и съ различными священными изображеніями, превосходно сдѣланными перомъ. Къ сожалѣнію, нынѣшній видъ Синодика очень ветхій, переплетъ его уже значительно устарѣвшій. Видно, что во время послѣдняго переплетанія его, края его значительно обрѣзали. Замѣчательенъ первый заглавный листъ Синодика, представляющій собою чрезвычайно тщательно, искусно и содержательно написанную картину виньетки. Вверху изображенъ „Ветхій деньми“. Въ ликѣ его собственно три лика Пресвятыя Троицы, искусно расположенные въ одной главѣ. Ветхій деньми въ рукахъ держитъ предъ собою треугольникъ, углы коего представляютъ собою круги съ буквами „О“, „С“ и „Д“, т. е. Отецъ, Сынъ и Духъ. Эти угловые круги соединены лентами со словами: О (отецъ) не есть С (сынъ), С (сынъ) не есть Д (Духъ), Д (Духъ) не есть О (Отецъ). Отъ угловыхъ же круговъ идутъ слова „есть“ къ центру треугольника, въ кругѣ коего—слово „Богъ“. Въ среднемъ отдѣленіи виньетки изображены: Цари Давидъ, Езекия, Манасія и Іосія въ вѣнцахъ. Въ срединѣ нижней части этой виньетки находится изображеніе Успенія Пресвятыя Богородицы со Спасителемъ и Ангелами по сторонамъ. Между изображеніями царей на виньеткѣ помѣщена слѣдующая надпись: „Синодикъ или поминовеніе всякаго чина отъ вѣка преставившихся отецъ и братій родители и сродникъ. Списася въ монастыри Святогорскомъ тщаніемъ В. Г. А. В. В. въ року 1710 мѣсяца Іюля 29 дня“. Искусство переписчика или писателя этого Синодика приводитъ въ удивленіе каждого разсматривающаго изображеніе „Ветхаго деньми“ и способомъ исполненія рисунка, и въ виду того, что этотъ послѣдній сдѣланъ обыкновеннымъ гусинымъ перомъ и простыми чернилами. На оборотѣ этого листа нарисованъ гербъ

съ короной, съ двумя крестами и съ вѣтвью надъ ними съ неясными буквами. На другихъ листахъ этого Синодика тоже перомъ и простыми чернилами изображены Крещеніе Господне, Распятіе на осьмиконечномъ крестѣ съ предстоящими, Воскресеніе, Знаменіе Божіей Матери и какого-то архіерея безъ митры, съ омофоромъ, держащаго осьмиконечный крестъ: архіерейская митра помѣщена тутъ же на столікѣ. Кромѣ этихъ изображеній въ Синодикѣ много рисунковъ, изображающихъ разныя овальныя фигуры съ ангелами, держащими архимандритскія митры, жезлы и посохи, и все это украшено изображеніями листьевъ, цвѣтовъ и раковинъ. Посреди каждой овальной фигуры имѣется, такъ называемый по старинному, „упись“ именъ цѣлыхъ родовъ и фамилій.

Этотъ Синодикъ снабженъ нравоучительнымъ предисловіемъ и весьма богатыми замѣтками, относящимися къ разнымъ эпохамъ изъ исторіи этого монастыря.

Въ самомъ началѣ его находится пространное объясненіе православнаго поминовенія усопшихъ ¹⁾: „Начало книги сея глаголемыя синодика сложено вкратцѣ святыми славными отъ двунадесяти Апостолъ, како достоить усопшихъ души поминати во святой Божіей церкви по вселенной, идѣже утвердися православная истинная христіанская вѣра въ поминаніяхъ, чтобы молитвы и милостыня възидоша на память предъ Богомъ. Вже отъ... Божія руки созданнаго чловѣка прадѣда нашего Адама и его сунруги прабабы нашея Евы, отъ нихъ же народившихся и познавшихъ Тебе Творца и Зиждителя истиннаго Бога Господа нашего Иисуса Христа и по воли Твоея и взаконѣ и прежде закона и по благодати святаго крещенія вѣрно послужившихъ въ животѣ своемъ и прославившихъ пречестное и великолѣпное имя Твое Отца и Сына и Святаго Духа Троицу единосущную и нераздѣльную и вся яже въ православной вѣрѣ иже отъ вѣка умершая“.

Для насъ имѣетъ особое значеніе замѣчательная лѣтописная запись, помѣщенная здѣсь послѣ изложеннаго предисловія. Мы выше уже привели начало ея, гласящее, что въ обители не обрѣтено писанія о первоначальномъ основаніи монастыря и устроеніи церкви и келіи въ горѣ. По-

¹⁾ Орфографія подлинника.

томъ излагается въ записи царская грамота, заключающая въ себѣ двѣ другія въ извлеченіи, относящіяся къ Святогорскому монастырю: „ибо изъ Царскія Казны во оную святогорскую обитель опредѣлено даваніе монахомъ на пропитаніе прежде 7132 (1624) лѣта, а именно о томъ въ грамотѣ царской 7172 (1664) лѣта на Валуйску къ воеводѣ Леонтію Кобякову писано сиче. Били челомъ Сѣверскаго Донца строитель черной попъ Гавріиль съ братією и по надписной челобитной за помѣтою думнаго дяка Дементія Башмакова въ прежней грамотѣ, которая у него святогорскаго монастыря строителя въ разрядъ и велено оную грамоту держать въ разрядѣ, а въ ней пишется: во 7159 (1651) году на Валуйки къ стольнику и воеводѣ къ Михаилу Дмитрѣву за прописью дяка Ивана Севѣрова написано: въ прошломъ во 7132 (1624) году по Указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи велено Успеніе Пресвятыя Богородицы Святогорскаго монастыря черному попу Семену съ братією или кто по немъ въ томъ монастырь игумены будутъ давать годовые руги въ Бѣлгородѣ, ржи по двѣнадцати четвертей, овса потомужъ, денегъ по десяти рублевъ, изъ бѣлгородскихъ и съ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ, и въ прошломъ во 7148 (1640) году по челобитію Святогорскаго монастыря строителя чернаго попа Кирилла съ братією велено то денежное и хлѣбное жалованіе годовую ругу для дальнаго проѣзда давать на Валуйкѣ, и дана де имъ была о томъ грамота, и съ той грамоты на Валуйкѣ въ приказную избу взять былъ у нихъ списокъ и въ пожарное де время на Валуйкѣ въ приказной избѣ сгорѣла, а подлинную Великаго Государя грамоту на дорогѣ взяли у нихъ воровскіе черкасы и на Валуйкѣ де имъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, годовыя руги имать не почему, и Великій Государь пожаловалъ Святогорскаго монастыря чернаго попа Игнатія съ братією или хто въ томъ монастырѣ по немъ будетъ велено имъ по прежнему указу годовую ругу давать на Валуйкѣ хлѣба по двѣнадцать четвертей ржи, овса потомужъ, да съ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ по десяти рублевъ денегъ. И по свидѣтельству оными Царскими Грамотами сія Святогорская Успенская пустынная обитель благоволеніемъ Божиимъ начася прежде или сначала царствованія Царя

и Великаго Князя Михаила Феодоровича отъ сего прежде сто лѣтъ быти“. Вся эта запись цѣликомъ приведена въ „Историко-Статистическомъ описаніи Харьковской Епархіи“ Арх. Филаретомъ¹⁾, но безъ послѣдняго добавленія, чрезвычайно драгоцѣннаго въ историческомъ смыслѣ. Въ послѣднихъ словахъ записи указывается на начало обители „прежде или сначала царствованія Царя Михаила Феодоровича отъ сего (1710 г.—времени написанія Синодика) прежде ста лѣтъ быти“, т. е. около 1610 года. Болѣе раннія свѣдѣнія русскихъ источниковъ о Святогорьѣ относятся къ 1541, 1555 и 1571 годамъ²⁾, но въ нихъ говорится только о Святыхъ Горахъ безъ упоминанія или какого-либо намека объ обитаніи въ нихъ иноковъ, очевидно, потому, что въ это время здѣсь иноческаго жительства не было: Святогорье послѣ монгольскаго розоренія оставалось запустѣвшимъ. Новое заселеніе его добровольцами иноками, выходцами изъ-за Днѣпровья, начинается, такимъ образомъ, съ конца XVI и въ началѣ XVII в., на каковое время и указываютъ послѣднія слова лѣтописной записи Святогорскаго Синодика. Къ этому времени можетъ быть относимо принесеніе сюда древнѣйшей святыни Святогорья Чудотворнаго образа Св. Николая и возстановленіе древнѣйшаго пещернаго храма въ мѣловой скалѣ съ нахожденіемъ здѣсь столь древняго потира.

За лѣтописною записью въ Синодикѣ слѣдуетъ текстъ молитвеннаго поминовенія всѣхъ вообще усопшихъ православныхъ христіанъ: вселенскихъ патріарховъ, святѣйшихъ патріарховъ Московскихъ, митрополитовъ Кіевскихъ и Московскихъ, великихъ царей Московскихъ начиная съ царя

¹⁾ Отдѣленіе I, Харьковъ, 1859 г., стр. 147—149.

²⁾ Кн. Кашинъ въ 1541 году послалъ станичника Толмача Гаврилова къ Святыхъ Горамъ, но тотъ встрѣтилъ большое количество татаръ у верховьевъ Сѣверскаго Донца. Подъ 1555 годомъ говорится, что къ воеводамъ, отправленнымъ царемъ противъ крымцевъ и подошедшимъ къ верховьямъ Мжи и Коломака, прибѣжали изъ Святыхъ Горъ сторожъ съ однимъ станичникомъ и сообщить, что Крымскій ханъ переправился уже чрезъ Донецъ и идетъ къ Рязанскимъ или Тульскимъ украинамъ“. Львов. лѣтопись, IV, 144; V, 87. Росписаніе Донецкихъ сторожей кн. Воротынскаго 1571 года говоритъ о сторожѣ Святогорской, находившейся по росписи кн. Тюфякина того же 1571 г. на лѣвой сторонѣ противъ Святыхъ Горъ. Арх. Филаретъ, Ист.-Ст. описи Харьк. епархіи отд. I, 146—147.

³⁾ Отдѣленіе I, Харьковъ, 1859 г., стр. 147—149.

Іоанна IV Васильевича во иноцѣхъ Іоны, затѣмъ Θεодора Іоанновича и т. д., кончая Петромъ I и Екатериною I съ позднѣйшею припискою Петра II и Анны Іоанновны. Къ этому прибавлено поминовеніе дѣтей Царя и Великаго князя Іоанна Васильевича..., дѣтей Царя и Великаго князя Михаила Θεодоровича и дѣтей Царя и в. кн. Алексѣя Михайловича.

Въ текстѣ общаго поминовенія заключаются строки, чрезвычайно трогательныя по воспоминаніямъ тѣхъ опасностей, тревогъ и тѣхъ несчастій, среди которыхъ проходила древняя жизнь этой замѣчательной обители: „Помяни, Господи, пустынныхъ жителей скончавшихся уединяся во особныхъ мѣстахъ въ горахъ и вертепахъ, въ столпѣ и въ затворахъ и пещерахъ и разсѣлинахъ каменныхъ и въ пропастяхъ земныхъ и во всякомъ вѣдомомъ и невѣдомомъ мѣстѣ скончавшихся великою скорбію и тѣсною и всякими различными напастьми преставившихся отъ сего свѣта земнаго къ Тебѣ Милосердому Богу и Отцу... Помяни, Господи, души иже въ лѣсѣхъ и въ болотѣхъ и въ горахъ непроходныхъ и въ дебряхъ заблужающихъ и вертепахъ и въ пещерахъ и въ кладезяхъ и въ ровѣ впадшихъ умершихъ и въ пропастяхъ земныхъ и во всякихъ мѣстѣхъ вѣдомо и невѣдомо скончавшихся и безъ покаянія умершихъ... Помяни, Господи, души иже въ плѣнѣ поганымъ заведены быша въ невѣрныя иноплемennыя и безбожныя языки православныхъ христіанъ и осквернены быша и превращены нуждею и поневолѣ на инувѣріе и скончавшихся въ невѣрныхъ языцѣхъ изомроша безъ покаянія... Помяни, Господи, души иже отъ поганыхъ странъ избѣгшихъ православныя вся и на пути всячески нуждею смерть пріемшихъ...

Въ дальнѣйшихъ, помѣщенныхъ здѣсь, описаніяхъ съ именами цѣлыхъ родовъ и фамилій открывается тѣсная связь, установившаяся съ древнѣйшихъ временъ между этою обителью и слободско-украинскимъ населеніемъ. Видно, что обитель Святогорская была дорогою святынею для всѣхъ въ этомъ краѣ, начиная отъ Бѣлградскихъ митрополитовъ, слободскихъ полковниковъ, сановныхъ людей Украйны и кончая простыми слобожанами. Непрерывнымъ рядомъ слѣдуютъ здѣсь поминанія „Бѣлградскихъ Архіереевъ отъ митрополита Θεодосія († 1671 г.) и до епископа Аггея, Архіереевъ Казанскихъ въ томъ числѣ Лаврентія митрополита, Астра-

ханскихъ архіереевъ во главѣ съ Іосифомъ митрополитомъ убіеннымъ, Архіереевъ Сибирскихъ и въ томъ числѣ Корнилія митрополита...

Здѣсь же вписанъ „родъ боярина Петра Матвѣевича Апраксина, бывшаго съ полками во охраненіи Украины въ лѣто отъ Рождества Христова 1713 и 1714 г.г. Наоборотъ этого „уписа“ вкладная грамота собственноручно подписанная Петромъ Апраксинымъ: „Въ святую Святогорскую обитель отъ боярина Петра Матвѣевича Апраксина дано въ поминовленіе и на пропитаніе братіи изъ Украинской маестности ево, изъ слободы Салтовой, по десяти рублей денегъ да по десяти четвертей московской мѣры ржи, овса потомъ же и съ сего 1714 году тѣ деньги и хлѣбъ въ Салтовѣ имать у приказныхъ людей, по сему даванію при немъ Бояринѣ и у наслѣдниковъ ево по вся годы вѣчно кто тою маестностію Салтовымъ будетъ владѣть. Бояринѣ Петръ Апраксинѣ рукою власною подписался“.

За этою записью слѣдуютъ: „родъ преподобнаго Архимандрита Іоіля Озерянского, преподобнаго Архимандрита Вассіана Василювскаго монастыря Святогорскаго, родъ Господина Полковника Савы Алексіевича Тимашова, 1722 году родъ Салтовскаго Коменданта Василя Гаврилова сына Сулаева и жены его Екатерины..., родъ его милости Пана Полковника Ахтырскаго Ивана Ивановича, родъ его милости господина поручика Никиты Каминина 1738 г., родъ Григорія Михайловича Любисткова дому Ея Императорскаго Величества служителя, даваго потиръ съ финифтями и прочія сосуды церковныя..., родъ благороднаго господина Полковника и Бѣлоградской провинціи Воеводы Петра Ивановича Лачинова, родъ Преосвященнаго Мисаила Митрополита Бѣлоградскаго и Обоянскаго (1672-1684), родъ Боярина Бориса Петровича Шереметева, родъ Боярина Алексея Семеновича Шеина, родъ Боярина Князя Григорія Афанасьевича Козловскаго, родъ Семена Семенова Сотника Бишпинскаго, родъ купцовъ Бѣлгородскихъ Крашенинниковыхъ, родъ Архимандритовъ Святогорскихъ Θεодосія, Севастіана Юхновскаго 1714 г., родство Ивана Гудимова Двора Ея Импер. Величества Церемоніймейстера Полтавскаго Округа въ мѣстѣ Рѣшетилковѣ живущаго 1790 г., родъ пана Данила Быстрицкаго Сотника Гороховацкаго, родъ монаха Генадія полоннаго

святогорскаго монастыря, родъ Флора Минаевича Атамана Великаго войска Донскаго, родъ всѣхъ монаховъ монастыря 1766 года при Архимандритѣ Севастіанѣ, родъ Іеродіакона Іакова пороховника, родъ Славяносербскаго Гусара Комменды Генерала Майора Шевича 1756 г. Петра Войчина, сей нижеписанный родъ Всечестнаго Архимандрита Митрофана Шейнкова и съ нимъ присланный укладу отъ Его Высокопреподобія тысяща рублей 1752 г., родъ господина Войска Донскаго старшины Василия Иванова сына Первикова—за поминовленіе дана лошадь меренъ бурой цѣной 4 р., родъ Харьковскаго полку Господина Сотника Константина Ивановича Ковалевскаго, 1765 г. города Черкасска родъ полковницы Анны Кодратовой Туровѣровой, родъ Изюмскаго полку Ротмистра Корнилія Ивановна Капустянскаго, 1783 г. родъ войска Донскаго полковника Дмитрія Мартынова, родъ Столника и полковника Андрея Герасимова Сумскаго 1742 г., родъ пана сотника Максима Торскаго, родъ его милости Столника и полковника Харьковскаго Феодора Володимировича Шидловскаго, родъ его милости пана полковника Григорія Ерофѣевича Захаревскаго Харьковскаго, родъ его милости пана полковника Изюмскаго Михаила Константиновича Захаревскаго. Наконецъ, въ Синодикѣ помѣщены малочисленные мелкіе „уписы“ казаковъ жителей Каменской станицы, Луганскихъ, станицы Краснянской, Кременной слободы 1758 г., станицы Торской, жителей Бахмутскихъ, Гундоровскихъ казаковъ, Маяцкихъ, Боровской станицы, Донскихъ и Запорожскихъ казаковъ, Балаклеевскихъ, Изюмскихъ, Кабаньскихъ, Радьковскихъ, Печенѣжскихъ, Дуванскихъ, Славяносербскихъ 1755 г., Сватолуцкихъ, Мурафанскихъ, Нежегольскихъ, Хотомлянскихъ, Уразовскихъ, полку Азовскаго (крѣпости Св. Анны) и Курскихъ купцовъ.

Между „уписами“ помѣщены замѣчательныя лѣтописныя замѣтки о морахъ, постигавшихъ Святогорье и окружныя страны: „лѣта отъ Рождества Христова 1718 въ сей странѣ грѣховъ ради нашихъ попущеніемъ Божіимъ моръ великъ начася первѣе въ Бахмутѣ и въ Тору, потомъ и въ Изюмѣ. Тоже и во окрестныхъ градахъ и селѣхъ. Во время же онаго страшнаго гнѣва Божія мнози правовѣрніи христіане ихже имена въ сей синодикѣ вписашася желающіи получити отъ Создателя своего спасеніе душамъ своимъ дадоша

отъ имѣній своихъ елико кто возможе во святую обитель сію святогорскую, дабы поминовеніе творили по чину яко-
вый содержитъ церковь..... (слѣдуютъ имена)“.

„1738 г. въ сей странѣ грѣхъ ради нашихъ попуще-
ніемъ Божіимъ морь начася перві въ Изюмѣ отъ іюня и въ
прочіихъ градѣхъ и селѣхъ, а въ нашей Святогорской Ус-
пенской обители отъ августа, безъ знаковъ, до мѣсяца ок-
тября 28 числа. А отъ октября 28 числа изъ опасныхъ бо-
лѣзней много братій монашескаго чина и бѣлцевъ померло
до мѣсяца Ноемврія 10-го. Отъ Ноемврія Божіимъ милосер-
діемъ и Ея Богоматере престало. И мы обще по благосло-
венію всечесного Отца нашего Ѡаддея Архимандрита Свято-
горскаго Успенскаго уписали братію и послушниковъ труж-
дающихся не точію тѣхъ, что чрезъ многіе лѣта, но и тѣхъ,
что приходомъ и въ единъ день сподобились Божіею благо-
датію во святѣй обители сей отъ сего временнаго житія
погребены и во вѣчное поминовеніе въ синодикъ вписаны
въ прибытіе пречестного отца нашего Архимандрита выше-
именнаго“.....

Не представляя здѣсь послѣдовательной исторіи Свято-
горской обители, которая довольно обстоятельно изображена
въ историко-статистическомъ очеркѣ Архіеп. Филарета ¹⁾,
мы остановили свое вниманіе исключительно на веществен-
ныхъ памятникахъ старины Святогорья. Мы усматриваемъ
въ нихъ съ одной стороны убѣдительное доказательство до-
монгольскаго происхожденія обители, о чемъ Архіеп. Фила-
реть высказываетъ только догадку, а съ другой—свидѣтель-
ство о возстановленіи этой обители иконами Кіевского За-
днѣпровья въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ. Съ
этого именно времени и до половины XVIII в. Святогорская
обитель принимаетъ характеръ сторожевой крѣпости Рус-
скаго Государства, выдвинувшейся противъ крымскихъ та-
таръ на самый южный пунктъ слободско-украинской крѣ-
постной линіи. Пещерные корридоры ея выводятся далеко
въ сторону къ Антоніе-Ѡеодосіевской церкви, прорубается
тайный выходъ къ рѣкѣ, у жилыхъ келій перваго этажа
устраивается наружный сторожевой балконъ, на такъ назы-
ваемомъ Святомъ мѣстѣ возводятся укрѣпленія: рвы и валы

¹⁾ Ibid., отд. I, стр. 144—190.

съ бойницами и пушками, а внутри мѣловой скалы жилия келіи, трапезная, усыпальницы и рѣчной тайный выходъ приспособляются для долговременнаго и обезпеченнаго укрытельства здѣсь во время нападеній хищныхъ и жестокихъ крымцевъ. Святымъ подвижничествомъ, горячими молитвами и беззавѣтною самоотверженною любовью съ мужествомъ и терпѣніемъ насельники этого Святогорья отстаивали Русскую землю противъ „звѣроправныхъ и буихъ“ татаръ. Въ этомъ вѣчная заслуга предъ родиною этой древнѣйшей въ нашемъ краѣ обители.

IV.

Великороссійская колонизація края и церковно-архитектурныя вліянія XVI—XVIII в. в.

Харьковскій край въ послѣ—монгольскій періодъ не былъ пустынею. Населеніе обитало, хотя изрѣдка, въ мѣстностяхъ, прилегавшихъ къ Полтавщинѣ и Черниговщинѣ, составляя неразрывныя части ихъ. По крайней мѣрѣ имѣются положительныя данныя въ пользу того, что нынѣшняя огромнѣйшая въ нашемъ краѣ слобода Котельва, Ахтырскаго уѣзда, была обитаема задолго до XVII в.: это—одно изъ древнѣйшихъ поселеній. По остальной территоріи края уже съ XIV в. существовала сѣтъ московскихъ сторожевыхъ пунктовъ. Сторожевая линія въ разные періоды видоизмѣнялась, то вдвигаясь далеко вглубь татарскихъ степей, то отодвигаясь назадъ, то сплетаясь съ густою сѣтью сторожей, то рѣдѣя.

Съ конца же XVI в. нашъ край начинаетъ подвергаться усиленной колонизаціи: эта послѣдняя шла изъ двухъ противоположныхъ сторонъ: съ сѣвера изъ Московскаго государства и съ юго-запада изъ правобережной придиѣпровской Малороссіи. Сперва на древнихъ городищахъ, занимавшихъ обыкновенно самыя лучшія стратегическія мѣста, а потомъ и по богатымъ природою берегамъ большихъ рѣкъ устраивались крѣпости, городки, селенія, хутора и одиночныя заимки—пасѣки, мельницы, рыболовни и т. д.

Осѣдавшее въ нашемъ краѣ населеніе, не смотря на всѣ опасности и тревоги отъ постоянныхъ нашествій сюда татаръ всетаки упорно держалось занятыхъ мѣстъ и постепенно

превращало край въ культурную область русскаго государства, прививая здѣсь общія культурно-русскія формы быта и создавая—мѣстныя, оригинальныя.

Въ нашу задачу не входитъ подробное изображеніе этой исторіи колонизаціи нашего края. Объ этомъ имѣются спеціальныя научныя изслѣдованія во главѣ съ трудами проф. Багалѣя. Мы здѣсь остановимъ свое вниманіе главнымъ образомъ на тѣхъ культурно-бытовыхъ теченіяхъ, которыя вмѣстѣ съ колонизаціоннымъ движеніемъ, начиная съ конца XVI в., вліяли на церковное строительство въ краѣ и на характеръ дошедшихъ до насъ церковныхъ памятниковъ. Московское правительство съ цѣлью укрѣпить окраинную сторожу противъ татаръ строить здѣсь цѣлый рядъ городковъ—крѣпостей, а потомъ создаетъ и сѣтъ поселеній, которыя колонизуетъ своими „боярскими дѣтьми“, посадскими, крестьянами и разными „сведенцами“.

Однимъ изъ древнѣйшихъ московскихъ городовъ былъ Можескій острогъ или Валки: упоминанія о немъ, какъ о сторожевомъ укрѣпленіи, относятся къ очень раннему времени,—еще къ 1571 году. Первымъ же крѣпостнымъ городомъ, далеко выдвинутымъ въ степь противъ татаръ, былъ Цареборисовъ, устроенный царемъ Борисомъ Годуновымъ въ 1599 году почти при впаденіи рѣки Оскола въ рѣку С.-Донецъ. Московское правительство особенно усердно устраиваетъ здѣсь свои городки съ половины XVII вѣка, то создавая ихъ вновь на древнихъ городищахъ по своей инициативѣ, то занимая своими гарнизонами города, перешедшіе къ Москвѣ отъ Польши, то, наконецъ, устраивая ихъ совместно съ пришлыми черкасами. Таковыми были кромѣ упомянутыхъ, Лосицкій острожекъ, Колонтаевъ, Бобрикъ, Ахтырка, Алешня, Каменный, Вольный, Недрыгайловъ, Чугуевъ, Торъ или Славянскъ, Маяцкъ, а также Харьковъ, Салтовъ, Зміевъ, Сумы, Краснополье и Бѣлополье. Самымъ обширнымъ великорусскимъ округомъ сталъ Чугуевскій уѣздъ, о которомъ еще въ царствованіе Михаила Теодоровича говорили какъ объ исконной принадлежности Московскаго государя. Здѣсь въ 1710 году мы находимъ великорусскія селенія: Каменную Яругу, Кочетокъ или Бабку, Песчаное, Введенское, Терновое, Пятницкое, Васищево, Тетлѣгу, Зарожное и Шубино. Первоначальное заселеніе этихъ

мѣсть относится къ очень давнимъ временамъ: земли здѣшнимъ великорусскимъ поселенцамъ были отведены большею частію въ 1647 году. Не всѣ вышеуказанные города были колонизованы сплошнымъ великорусскимъ населеніемъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ это послѣднее представлялось только служилымъ классомъ, который въ послѣдствіи или исчезалъ въ волнахъ новыхъ черкасскихъ поселенцевъ, или же переводился на другія мѣста. Но за то тѣмъ интереснѣе для насъ города съ наиболѣе долго державшимся великорусскимъ населеніемъ, передавшимъ потомкамъ оригинальные и цѣнные памятники своего религіознаго быта. Наиболѣе устойчиво сохранился великорусскій элементъ въ селеніяхъ. Одни изъ этихъ послѣднихъ получили свое начало еще въ XVII в. и расположены вблизи городовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ великорусской колонизаціи—Вольнаго, Чугуева и др.; основаніе остальныхъ относится къ первой половинѣ XVIII в. и стоитъ въ связи съ построеніемъ такъ называемой Украинской линіи и образованіемъ Ландмилицкихъ полковъ. Таковы въ Бѣлгородскомъ, нынѣ Харьковскомъ уѣздѣ, были сел. Русская Лозовая, Проходы, Русскіе Тишки и Борщевое, основанные еще ранѣе половины XVII в. бѣлгородскими служилыми людьми, дѣтьми боярскими, солдатами и т. п. Въ Вольновскомъ, нынѣ Богодуховскомъ уѣздѣ, въ 1711 году были селенія: Славгородокъ, Верхопжия, Пжия, Дерновое, Обротеница, Люджа, Верхолюджа, Тарасовка, Станичная, Порозокъ, Поляная, Печины, Крамская, Солдатская, Ницаха, Каменицкое, Катанская, а также Уды, нынѣ Харьк. у. Большинство изъ нихъ съ великороссійскимъ населеніемъ упоминаются уже во второй половинѣ XVII в. Въ Лебединскомъ уѣздѣ уже въ 1647 году были селенія съ великороссійскимъ элементомъ: Чупаховка, Боровенька, Мартиновицы и Ясеновое. Самое древнее и коренное великороссійское населеніе сохранилось до нашихъ дней главнымъ образомъ въ Чугуевскомъ округѣ, нынѣшнемъ Зміевскомъ уѣздѣ, и Харьковскомъ. Что же касается распространеннаго нынѣ великороссійскаго населенія въ Волчанскомъ, Купянскомъ и Старобѣльскомъ уѣздахъ, то это—размножившіеся потомки крѣпостныхъ крестьянъ, переселенныхъ сюда въ XVIII в. русскими вельможами. Великоруссы же Зміевскаго уѣзда представляютъ изъ себя потом-

ковъ однодворцевъ, т. е. служилыхъ людей древняго Чугуевского уѣзда. Ихъ предки еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ заняли Чугуевскій уѣздъ и съ этого времени составляли въ немъ преобладающую группу населенія.

Московское правительство при устроении здѣсь крѣпостныхъ городовъ и селеній заботилось не только о томъ, чтобы создать изъ нихъ надежные оборонительные пункты противъ татаръ. Оно при этомъ принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы водворяемое здѣсь населеніе обставить возможно лучше со стороны внѣшняго и внутренняго его быта. Для насъ въ этомъ отношеніи особенно важно то, что правительство считало себя обязаннымъ обезпечить вполнѣ это населеніе въ удовлетвореніи его благочестивыхъ церковныхъ потребностей. Въ этомъ дѣлѣ правительство имѣло уже большой и давній опытъ. Въ Москвѣ въ XVI—XVII в. в. широко процвѣтало церковно-строительное ремесло по изготовленію всего потребнаго для устроения на окраинахъ въ новоосновываемыхъ поселеніяхъ церквей и монастырей. Отправляя въ нашу Украину своихъ служилыхъ людей съ воеводами, правительство давало этимъ послѣднимъ такъ называемые „строельные наказы“: какъ, что и въ какомъ размѣрѣ дѣлать при устройствѣ новыхъ городовъ и поселеній, и при этомъ обильно снабжало ихъ военными, крѣпостными припасами, а также массой церковно-богослужебныхъ предметовъ московской работы для церквей. Вмѣстѣ съ служилыми людьми правительство препровождало сюда и наряды духовныхъ лицъ. Вотъ въ этомъ и открывается тотъ источникъ, изъ котораго въ нашъ край были привнесены многочисленные памятники древне-московскаго стиля. Подробности московскаго церковнаго строительства мы находимъ въ „строельных“ книгахъ, касающихся какъ со-сѣднихъ къ намъ окраинъ—курско-воронежскихъ, такъ и нашихъ. Въ строельной книгѣ города Валукъ 1599 года мы читаемъ: „Да съ воеводою со княземъ Володимеромъ с Кольцовымъ с Мосальскимъ да съ головою съ Судакомъ Мясными послано церковное строенье—Образъ Преч. Богородицы Владимирской мѣсной, послѣ того образъ великихъ страстотерпцевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба втуж мѣру на золотѣ, Деисусъ стоячей, Крестъ за престольный, образъ Преч. Богородицы Запрестольной, двери царскія съ столбцы

и съ сѣнными, 30 образовъ Господскихъ праздникова и Пресв. Богородицы и Николы Чудотворца и иныхъ великихъ избранныхъ святыхъ мученицы на золотѣ, двери сѣверныя, крестъ воздвигальной, сосуды церковныя, срачица на престолѣ, 2 литона, сорочка на жертвенникѣ, завѣсы къ церковнымъ дверямъ, сундукъ на церковныя сосуды, 3 блюда дарныхъ, блюдо оловянное, 2 ризы, 2 стихаря подризныя, 2 поручей, 2 пояса, 2 потрахили, дьяконскій стихарь съ уларемъ (sic!), 5 ф. ладону, 10 ф. темьяну, евангеліе, апо-столъ, уставъ, 2 тріоди цвѣтная да посная, октоихъ 8 гла-совъ, трифолой, минея общая, псалтырь, часовникъ, 2 слу-жебника поповскіе, дьяконникъ, свѣчей мѣсныхъ по полу-пуду, пуд свѣчъ восковыхъ мелкихъ, на просвири 3 чети муки пшеничныя, паникадило мѣдное, напой мѣдной, чаша мѣдная в чомъ воду святить да къ церквѣ жъ 2 колокола одинъ въ 3 п., а другой въ 4 п., колоколъ вѣстовой 50 пудъ..., 2 поповъ и дьяконъ, дьячокъ, проскурница, а запасъ имъ давать мѣсячной на мѣсяцъ человѣку по осьминѣ сухарей да на 10 осьмину крупъ да осьмину толочна“...¹⁾. Новыя подробности этого московскаго церковнаго строенія на Ук-раніи мы находимъ въ Строельной книгѣ г. Усерда 1637—1638 г.г.: „А въ городе строенія государево богомолье со-борная церковь Происхожденіе чеснаго и животворящаго креста Господня да в предѣлѣхъ страстотерпецъ Христовъ Георгій, церковь деревянная съ трапезою и съ папертьми и съ лесницы покрыта тесомъ и въ церкви и въ предѣлѣхъ образы и царскіе двери и деисусы и сосуды церковныя и книги и ризы и колокола строенія государево; у соборныя церкви два попа устроены государевымъ жалованьемъ—ругою... Да за городомъ за усердскими ворота внизъ по рекѣ Соснѣ къ устьѣмъ Усерду устроена слобода козацья а въ ней церковь страстотерпецъ Христовъ Георгій, дере-вянная, а въ церквѣ образы и книги и ризы строенія го-сударево, а къ церквѣ дано земли вдоль 30-ть сажень, по-перекъ 20 сажень, а у церкви попъ приходной, а земли ему дано подъ дворъ вдоль 10 сажень, поперекъ 8 сажень“...²⁾.

¹⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. Томъ 2-й. Харь-ковъ. 1890, стр. 2—3.

²⁾ *ibid.*, стр. 23.

Въ Строельной книгѣ г. Хотмыжска 1640 г. указано воеводѣ В. И. Толстому, чтобы онъ „въ острогѣ-жѣ поставилъ соборную церковь Воскресенія Христова и оземную трапеза межъ угловъ 3 сажени съ полусаженью, церковь межъ угловъ 3 сажень, а верхъ церковь подъ крестомъ клѣцки“, и далѣе указанъ цѣлый рядъ церковныхъ принадлежностей, подобныхъ вышеуказаннымъ, присланныхъ изъ Москвы¹⁾. Таковую же заботливость и щедрость московское правительство проявляло въ церковномъ строеніи городовъ и нашего края. Такъ въ наказѣ воеводамъ Богд. Бѣльскому и Сем. Алферову о постройкѣ города Царевъ Борисовъ 1600 года было сказано: „да дать тому городу имя Царевъ Борисовъ городъ да поставить имъ въ городе гдѣ пригожъ церкви Пресв. и Живоначальныя Троицы а другой храмъ святыхъ великихъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба а церковное строеніе образы и книги послано а здѣлавъ тѣ церкви велѣти попамъ и дьяконамъ освятить а попы и дьяконы съ ними посланы и приказать имъ чтобъ въ большой церкви обѣдня была по вся дни а въ другой бы церкви Бориса и Глѣба обѣдня была по субботамъ да по недѣлямъ да по праздникамъ а служилибъ попы въ большой церкви по недѣлямъ перемѣняясъ“...²⁾ Въ 1640 г., въ одно и то же время, какъ воевода Василій Толстой занимался построеніемъ города Хотмыжска, товарищъ его Гаврило Бокинъ строилъ городъ на Вольномъ Курганѣ и вооружилъ его 9-ю пушками. На построеніе города была отпущена огромная сумма по тогдашнему времени. Тогда же въ смыслѣ наказа, данному В. Толстому, „въ г. Вольномъ церковь Соборная Успенія Пр. Богородицы была построена Государевымъ коштомъ. Она были на ругѣ государевой съ 169 (1661 г.) г.; по грамотѣ вел. Государя Царя и Вел. Кн. Алексѣя Михайловича опредѣлено было тоя церкви Священнику Герасиму Андрееву жалованья по 5 р., по 7 четв. ржи, овса тожъ, изъ государевыхъ житницъ“. Послѣ уступки Польшею Россіи въ 1647 г. Недригайлова Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ превратить Недригайловъ въ русскій городъ-крѣпость. Въ утѣшеніе

¹⁾ Ibid., стр. 28.

²⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго Государства. Томъ I. Харьковъ, 1886 г. стр. 9-я.

остававшихся здѣсь казаковъ Царь поспѣшилъ поставить православный Покровскій Соборъ въ крѣпости и къ нему назначилъ попа Алексѣя изъ Брянска. Въ 1648 году Царь обогатилъ этотъ храмъ всѣми священными принадлежностями, необходимыми для богослуженія. Богатыя царскія дары перечисляетъ роспись 1677 года въ слѣдующихъ словахъ:

„Роспись, что въ прошломъ 156 году по указу великаго Государя, послано съ Москвы въ Недригайловъ въ Покровскую церковь образовъ и церковныя утвари всякія: одинадцать иконъ, двери царскія, св. евангелія листы, образъ мѣстной Покрова Пресв. Богородицы на престолѣ, двери сѣверныя, крестъ осѣняльный, хоругвь и образовъ различныхъ праздниковъ святыхъ, двѣ свѣчи поставныя деревянныя съ насвѣчники, писаны золотомъ, сосуды церковныя оловяныя, чаша водосвятная, кадило мѣдное, укропникъ, два колокола вѣсомъ въ два пуда семнадцать гривенокъ, книгъ печатныхъ, евангеліе на престольное обложенное бархатомъ, апостоль, потребникъ, служебникъ, тріоди постная и цвѣтная, шестеродневъ, минея общая, псалтирь слѣдованная и меньшая, часовникъ, ризы миткальныя, стихарь полотняный, поручи, на сосуды церковныя воздухъ, индитія, срачица, литонъ, антиминсъ, на жертвенникъ срачица, царскихъ дверей запона, 5 фунтовъ ладану, ведро вина церковнаго, для муропомазанія масло деревянное“¹⁾.

Драгоценныя и многочисленныя слѣды такого государственнаго церковнаго строенія мы находимъ почти во всѣхъ древнѣйшихъ городахъ нашего края. Въ грамотѣ отъ 9 февраля 1641 года Царь писалъ: „По нашему указу послано на Чугуево въ Соборную церковь Преображенія Господня, да въ придѣлъ Ангела нашего Михаила Малейна книгъ печатныхъ: Уставъ, два Октоиха, Евангеліе толковое, четыре книги Трефолои, Потребникъ, Служебникъ, Псалтирь рядовая“. Въ грамотѣ отъ 28 генваря 1644 года царь писалъ къ воеводѣ Ушакову, что съ боярскимъ сыномъ Быкинымъ послалъ въ Чугуевъ вѣстовой колоколъ въ 22 пуда²⁾. Изъ выписи строенныхъ книгъ 1751 года мы узнаемъ также, что по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича въ 1660 г. былъ

¹⁾ Арх. Филаретъ, *ibid.* III, стр. 512—513.

²⁾ Арх. Филаретъ, Историко-Статист. Описаніе Харьков. епархіи, отд. 4, стр. 9.

основанъ и устроенъ въ г. Чугуевѣ Успенскій монастырь и въ немъ въ 1662 г. 26 Октября была закончена постройка храма Успенія Пресв. Богородицы. На монастырь были отведены обширныя земельныя угодья и къ нему же была приписана по повелѣнію Государеву Аркадіевская Пустыня на р. Донцѣ.

Въ описаніи Харькова 1663 года сказано: „въ городе соборная церковь во імя Успенія Пречистыя Богородицы а в той соборной церкви церковнаго строенія царскаго жалованья образъ Успенія Пресвятыя Богородицы шести листовой на немъ два венца серебряныхъ позлачены на престольная Богородица благословенный крестъ царскія двери из столпцами да книгъ Евангилія на престольная шестодневи апостолъ псалтырь слѣдованьемъ кадило медное“...¹⁾). Московскіе государи XVII в. съ благочестивымъ усердіемъ одаряли цѣнными приношеніями слободско-украинскія святыни и монастыри. Такъ, напр. высокимъ благодѣтелемъ древняго Соборнаго Балаклейскаго храма былъ Царскій домъ Петра Великаго. По описи 1823 года къ царскимъ дарамъ въ Балаклейскомъ Успенскомъ Соборѣ принадлежатъ: а) Евангеліе малаго формата, печатанное по повелѣнію Вел. Государей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича въ 1685 г.; б) Священническая риза золото-серебрянной парчи съ шитымъ по бархату оплечьемъ, на которомъ изображены Спаситель и Апостолы и которое украшено жемчугомъ; в) таковыя же воздухи съ вышитыми серафимами и г) колоколъ съ слѣдующею надписью: 191 (1683) г. Іюля 9 по указу Великихъ Государей изъ разряду вестовой колоколъ, веса 10 пудъ, посланъ въ Балаклею. По свидѣтельству описи Евангеліе и риза подарены Петромъ Великимъ „во время путешествія“ изъ Азова чрезъ Изюмъ и Балаклею въ Полтаву. Этотъ же Великій Государь имѣлъ благоговѣнное усердіе къ прославленной тогда въ нашемъ краѣ Чудотворной Каплуновской иконѣ Божіей Матери. Отправляясь къ Полтавѣ, онъ взялъ съ собою и эту святыню, которая оставалась при немъ въ арміи до совершеннаго окончанія войны съ Карломъ XII. Возвращая св. икону въ Каплуновскую церковь, онъ украсилъ ее сребро-вызлащенною шатою

¹⁾ Д. И. Багалъй, Матеріалы *ibid*, т. I, стр. 40.

съ драгоценными камнями, а для сохраннаго доставленія ея на мѣсто онъ вложилъ ее въ сребровызлащенный ковчегъ. Въ Каплуновскомъ храмѣ имѣется еще, какъ памятникъ благочестиваго усердія Петра Великаго къ мѣстной святынѣ. Евангеліе, имъ пожертвованное въ сребровызлащенной оправѣ и съ надписью: „1705 года Февраля въ 25 день по Указу Великаго Государя построено сіе святое Евангеліе Ингерманландской Канцеляріи на Государевы деньги Ахтырскаго уѣзда въ село Каплуновку въ церковь Пресв. Богородицы, вѣсомъ серебра пятнадцать фунтовъ двадцать четыре золотника, а на позолоту тридцать пять червонцевъ“. Мы имѣемъ свидѣтельство, что московскіе государи XVII в. одаряли слободско-украинскіе монастыри не только священными предметами, но и орудіями защиты отъ непріятельскихъ нашествій. Такъ, въ описной книгѣ Зміевского Никольскаго Козацкаго монастыря 1702 года сказано: „а на колокольникъ государева жалованья колоколь, а въ немъ вѣсу десяти пудъ да два колокола малыхъ въ полтора пуда да подлѣ тѣхъ проѣзжихъ воротъ великаго государя жалованье — пушка желѣзная на станку къ ней 30 ядеръ, зелья пушечнаго 8 п., свинцу 3 п., другая пушка турецкая небольшая государева жалованья...“¹⁾.

Кромѣ царскихъ жалованій въ нашъ край въ XVII вѣкѣ во множествѣ приносились разнообразныя церковно-богослужебныя предметы царскими служилыми людьми и поселяемыми здѣсь великороссійскими посадскими и крестьянами. Отправляясь сюда на станичную службу и для образованія новыхъ поселковъ, они брали съ собою свои родовыя святыни, а также привозили изъ Московскихъ областей дары для новоустроенныхъ здѣсь храмовъ. Несмотря на многочисленные пожары и опустошенія великороссійскихъ поселеній и первыхъ городовъ, когда гибли св. храмы и святыни частныхъ лицъ, тѣмъ не менѣе дошло до насъ не мало церковныхъ памятниковъ отъ XVII в. московскаго мастерства. Здѣсь на первомъ мѣстѣ мы должны поставить многочисленныя родовыя иконы съ изображеніями въ ихъ рамахъ святыхъ, имена коихъ носили главы семействъ. Онѣ—шаблонной московской работы этого вѣка, но для своего времени

¹⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы, т. I. стр. 274—275.

совершенно типичныя, явно носящія на себѣ господствовавшій тогда иконный московскій стиль. Чрезвычайно были распространены также иконы, какъ особенно любимыя, съ изображеніемъ въ срединѣ Воскресенія Христова, а кругомъ всѣхъ двенадцатыхъ праздниковъ. Изъ святинь домашняго и личнаго обихода дошло до насъ множество складней путевого типа и „тѣльниковъ“ съ разнообразными священными изображеніями. Всѣ они московскаго мастерства: большихъ размѣровъ для употребленія въ путешествіяхъ—изъ дерева и рѣже изъ мѣди, тѣльники же—миніатюрныхъ размѣровъ въ большинствѣ въ синей эмали. Московскіе люди слободско-украинскихъ поселеній любили снабжать свои храмы богослужебными книгами и особенно Св. Евангеліями московской печати, изъ коихъ не мало сохранилось до настоящаго времени. Наконецъ, цѣнными и типичными памятниками московскаго благочестія являлись въ нашихъ древнихъ храмахъ св. кресты престольные и молебные.

Усердіе московскихъ служилыхъ людей къ своимъ храмамъ простиралось до того, что драгоценныя фамилыя реликвіи—Царскія пожалованія—послѣ своей смерти передавали въ храмы. Едва ли не самымъ замѣчательнымъ памятникомъ этого рода является серебряный ковшъ XVII в., пожалованный Царемъ Θεодоромъ Алексѣвичемъ арзамасцу Ивану Елисееву Сальникову „за службу царю головою“, и имъ переданный потомъ въ церковь села Старого, Сумскаго уѣзда. Этотъ ковшъ большихъ размѣровъ имѣетъ видъ длинной широкополой ладьи съ дугообразной ручкой, на днѣ которой государственный гербъ, а на носу ладьи изящно сдѣланная голова воина въ шлемѣ; снаружи кругомъ ковша густою искусною вязью сдѣлана надпись: „Божією Милостію Государь и Царь и Великій Князь Θεодоръ Алексѣвичъ всея Великія и Малые и Бѣлыя Руссіи и Самодержецъ... арзамасецъ Иванъ Елисеевъ Сальниковъ пожалованъ симъ ковшомъ за службу и за приборъ что былъ головою“¹⁾.

Такимъ образомъ, московское церковное строительство въ XVII в. въ началѣ колонизаціи нашего края было довольно значительнымъ: оно внесло сюда множество церковныхъ памятниковъ московскаго мастерства. Далеко не все

¹⁾ Епарх. Ц—арх. Музей, № 379.

изъ этого богатства дошло до насъ. Здѣсь прежде всего съ грустью нужно отмѣтить то, что изъ древнихъ московскихъ храмовъ нашего края ни одинъ не сохранился до нашихъ дней: татарскіе погромы сметали ихъ съ лица земли. Но что печальнѣе всего, это—отсутствіе въ сохранившихся письменныхъ документахъ болѣе или менѣе подробнаго описанія ихъ, по коимъ можно было бы воспроизвести образъ первыхъ и самыхъ древнихъ храмовъ нашего края. Одно несомнѣнно, что они были деревянные и небольшихъ размѣровъ, напр. въ Хотмыжскѣ соборная церковь имѣла съ трапезою вдоль „межъ угловъ 6 саженой съ полусаженью“. Въ большинствѣ каждый изъ этихъ храмовъ состоялъ изъ трапезной части и собственно церкви. Эта послѣдняя возвышалась надъ трапезою квадратною клѣткою съ шатровымъ верхомъ и крестомъ. Въ строельной книгѣ г. Усерда 1637—1638 г. указывается, что снаружи къ трапезной части храма пристраивалась крытая паперть съ лѣстницами. Храмъ во всѣхъ своихъ частяхъ покрывался тесомъ. Наружный видъ храма, насколько можно судить по указаннымъ даннымъ, воспроизводитъ самый обычный тогда въ Великороссіи типъ малыхъ церквей, постройка коихъ была крайне незамысловата, могла быть произведена немногими силами и быстро, что вполне соответствовало тогдашней безпокойной и тревожной службѣ московскихъ пограничныхъ людей. Все богатство и красоту этихъ храмовъ составлялъ внутренний храмовой иконостасъ, уставленный иконами „государеваго жалованья“ съ царскими и боковыми вратами искуснаго и наряднаго московскаго мастера. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ документовъ, въ нашихъ первыхъ городахъ московское правительство и служилые люди устраивали по нѣскольку храмовъ, между которыми былъ непременно соборъ о нѣсколькихъ придѣлахъ и съ нѣсколькими священниками, правившими ежедневно службу.

Ко всему сказанному о московскомъ церковномъ строительствѣ у насъ въ XVII в. надобно прибавить, что насажденный здѣсь московскій стиль деревянныхъ храмовъ не оказалъ въ дальнѣйшемъ никакого вліянія на мѣстную архитектуру деревянныхъ храмовъ. Эта послѣдняя, какъ увидимъ ниже, явилась въ нашъ край съ мощнымъ при-

токомъ черкаскаго населенія какъ вполнѣ сложившаяся въ правобережной приднѣпровской Малороссіи и здѣсь такъ широко и настойчиво прививалась, что совершенно заслонила и привела къ забвенію древнюю московскую структуру первыхъ нашихъ храмовъ. Не такъ дѣло обстоило съ столкновеніемъ у насъ этихъ двухъ церковно-архитектурныхъ теченій въ XVIII вѣкѣ.

Въ послѣ-петровскую эпоху, въ XVIII в., въ Харьковскомъ краѣ проводниками европейско-русскихъ церковно-архитектурныхъ теченій были Императрица Елисавета Петровна, лично участвовавшая въ созданіи извѣстнаго Ахтырскаго храма, и служилое и вельможное дворянство, обладавшее здѣсь обширными и богатыми помѣстьями и устраивавшее храмы въ деревняхъ, городахъ и монастыряхъ. Со времени Петра Великаго въ нашъ край начинаетъ проникать изъ Москвы и Петербурга тотъ церковно-архитектурный стиль, который извѣстенъ подъ именемъ „барокко“. До Елисаветинскій, такъ называемый ранній стиль, барокко у насъ отразился въ цѣломъ рядѣ храмовъ городскихъ, монастырскихъ и сельскихъ-помѣщичьихъ, изъ коихъ сохранились до нашего времени лишь немногіе, какъ напр. Успенская церковь г. Ахтырки, устр. въ 1743 г., Успенская церковь сл. Рубежной, Волч. у., устр. въ 1769 г., колокольня церкви с. Кочетка, Зміевского у., устр. въ 1757 г., остатокъ бывшей Владимірекой пустыни и др. Растреллиевскій же стиль барокко у насъ особенно распространяется со времени постройки Ахтырскаго собора.

Участіе Императрицы Елисаветы Петровны въ устройствѣ Соборнаго Ахтырскаго храма связано съ явленіемъ и прославленіемъ св. чудотворной Ахтырской иконы Божіей Матери. 22-го іюня 1751 г. послѣдовалъ Указъ Ея Императорскаго Величества изъ Св. Синода, которымъ повелѣно „святую икону Богоматери, явленную въ г. Ахтыркѣ, имѣть и почитать за Чудотворную“. Съ этого времени и начинается исторія Ахтырскаго Покровскаго Собора. Храмоздательницею Собора изволила наименовать себя Благодѣтельница Государыня Императрица Елисавета Петровна. Несомнѣнно, что она, на возвратномъ пути изъ Кіева въ Петербургъ, была въ г. Ахтыркѣ еще въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1744 года. Въ сказаніи объ Ахтырской иконѣ изложено, что въ концѣ

сентября 1744 г. прибыла въ Ахтырку на поклоненіе ново-явленной иконѣ знаменитая особа подъ именемъ придворной дамы Марфы Егоровны Шуваловой, супруги графа Петра Ивановича Шувалова. Полковое начальство встрѣтило и проводило эту особу съ отличными церемоніалами и пушечной пальбой. На второй день по прибытіи въ Ахтырку эта особа въ сопровожденіи одной дамы и чиновника еще до разсвѣта явилась въ Покровскую церковь, долго молилась предъ Св. иконой, приложила къ ней и вышла изъ храма. Въ сумерки того же дня она осматривала мѣсто явленія иконы, затѣмъ вошла въ церковь и выслушала молебенъ, совершенный предъ св. иконой. По окончаніи молебна, при необычайномъ стеченіи народа, особа эта отправилась въ дальнѣйшій путь. Тогда не только полковое начальство, тайно извѣщенное о высокой посѣтительницѣ, но и простой народъ знали, что Именитая особа, посѣтившая Ахтырку, была сама Государыня Императрица Елисавета Петровна, а съ ней придворная дама—графиня Марфа Егоровна Шувалова. Быть можетъ, осматривая мѣсто явленія Ахтырской иконы, Царственная посѣтительница подала первую мысль о сооруженіи на семъ мѣстѣ храма, достойнаго имени Божіей Матери, но весьма возможно, что мысль эта была высказана Императрицѣ Ахтырскимъ полковникомъ Ѳ. И. Каченовскимъ и Ею была одобрена. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что благочестивая Государыня принимала самое живое участіе въ созиданіи величественнаго Ахтырскаго Собора и инициалы Царственнаго имени Ея, украшающіе внутреннія стѣны храма, служатъ нагляднымъ доказательствомъ близости Ея къ дѣлу созданія храма. Лишь только Св. Синодъ призналъ Ахтырскую икону Чудотворной, Ахтырскій полковникъ Ѳ. И. Каченовскій изготовилъ просительную книгу съ воззваніемъ ко всѣмъ благочестивымъ христіанамъ Россіи и прежде всего явился съ этой книгой къ Императрицѣ ¹⁾. Благочестивая Государыня, радуясь милости Божіей, явленной въ дарованіи въ годы царствованія Ея новой россійской святыни, повелѣла своему зодчему графу В. В. де-Растрелли (род. въ 1700 г. ум. въ 1771 г.) начертать планъ и фасадъ храма

¹⁾ Текстъ воззванія и самая книга хранятся при Соборѣ.

и благоволила пожертвовать на сооруженіе его изъ своихъ личныхъ средствъ 2000 рублей, собственноручно вписавъ эту жертву въ просительную книгу. Завѣдываніе сборомъ доходовъ и сооруженіемъ храма, по желанію Императрицы, было возложено на Ахтырскую Полковую Канцелярію въ лицѣ ея старшинъ Ахтырскихъ полковниковъ .Свят. Іоасафъ Бѣлгородскій благословилъ игумену Ахтырскаго Св.-Троицкаго монастыря совершить закладку храма, каковая и была совершена 25 апр. 1753 года. Въ этомъ же году умеръ полковникъ Каченовскій. Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 5 февр. 1754 г. завѣдываніе и присмотръ за постройкой храма было поручено полковнику Константину Лесевичу. Сначала постройку церкви производилъ подрядчикъ Ярославской губерніи и уѣзда генеральши Стрѣшневой крестьянинъ Григорій Зайцевъ. Но заложенные имъ столбы оказались не соотвѣтствующими высотѣ храма, своды арокъ дали трещины и угрожали паденіемъ, а, по преданію народному, и совсѣмъ обрушились. Когда объ этомъ узнала Государыня, то, по Высочайшему повелѣнію ея, для постройки храма присланъ былъ изъ Москвы „искуснѣйшій“ архитекторъ капитанъ Стефанъ Исаевъ Дудинскій, который въ 1768 году и закончилъ постройку храма. Въ такомъ видѣ дѣло постройки этого храма излагается въ лѣтописи соборной. Мы подробно излагаемъ исторію этого храма въ виду того, что архитектурный стиль его оказалъ громадное вліяніе на характеръ многочисленныхъ другихъ церковныхъ построекъ нашего края, для которыхъ онъ сдѣлался образцомъ: ему начинаютъ подражать при устройствѣ не только каменныхъ монументальныхъ храмовъ, но даже и деревянныхъ, а стиль иконостасовъ и кіотовъ Ахтырскаго собора дѣлается господствующимъ въ нашихъ храмахъ второй половины XVIII вѣка.

Въ самомъ ли дѣлѣ Ахтырскій Соборъ представляетъ собою подлинное архитектурное созданіе знаменитаго зодчаго Елисаветинскаго времени графа В. В. де-Растрелли—сына? Этотъ архитекторъ довелъ у насъ въ Россіи давно уже развивавшійся подъ вліяніемъ Запада стиль „барокко“ до изумительной высоты и совершенства. По силѣ художественнаго вдохновенія, по исключительному дару острой „выдумки“ онъ не уступаетъ никому изъ современниковъ.

Въ области наружной архитектуры онъ единственный мастеръ-властелинъ формъ, не знающій ни одного соперника, самый обаятельный изъ всѣхъ „зодчихъ живописцевъ“. Самыя лучшія и совершенныя его созданія—въ Петербургѣ Смольный Соборъ и въ Кіевѣ Андреевскій Соборъ. Тридцатилѣтняя непрерывная дѣятельность такого огромнаго художника, какимъ былъ Растрелли, не могла не отразиться на всемъ современномъ ему русскомъ зодчествѣ. Яркій выразитель идеаловъ эпохи, онъ наложилъ печать своего личнаго вкуса на все творчество его сверстниковъ и учениковъ. Изъ отдѣльных пріемовъ мастера, часто мѣнявшихся и всегда разнообразныхъ, была создана цѣлая система, вылившаяся въ настоящую „школу Растрелли“. Все, что онъ изобрѣталъ и примѣнялъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, съ необычайной быстротой распространялось по всей Россіи, переходя изъ города въ городъ, перекидываясь съ одного монастыря на другой, съ одной колокольни на десятки другихъ, съ ближайшей усадьбы на сотни отдаленнѣйшихъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ все это было неизмѣримо ниже Петербургскихъ первообразовъ и имѣетъ значеніе развѣ только иллюстраціи къ законамъ отраженія, преломленія и вырожденія художественныхъ формъ ¹⁾. Къ этому надобно прибавить и то, что въ то время первоначальные архитектурные проэктъы большихъ мастеровъ при исполненіи на мѣстахъ искажались до неузнаваемости. Въ періодъ славы знаменитаго Растрелли, не было въ Россіи такого богача, которому не хотѣлось бы построить либо домъ, либо церковь у себя въ помѣстьи по его проэктъу. Удовлетворять всѣхъ желающихъ Растрелли не могъ, и проэктъы составлялись по извѣстному шаблону въ его огромной чертежной, при которой состоялъ многочисленный штатъ помощниковъ и чертежниковъ. Такой, подписанный Растрелли, проэктъ въ случаяхъ болѣе или менѣе официальныхъ, восходившихъ на разсмотрѣніе самой императрицы, отправлялся затѣмъ „въ команду князя Ухтомскаго“ въ Москву, такъ какъ при гигантской строительной работѣ, не прекращавшейся въ Петербургѣ во все время царствованія Императрицы Елисаветы Растрелли не только не могъ

¹⁾ И. Грабарь. Исторія Русскаго искусства. Москва 1912 г., вып. 15, стр. 229.

отпускать въ провинцію своихъ помощниковъ, но самъ то и дѣло забиралъ къ себѣ разныхъ учениковъ Ухтомскаго. Послѣдній велъ переговоры съ заказчикомъ или обыкновенно съ заказчицами, такъ какъ чаще всего это бывали разные общества, дворянскія, купеческія, или прихожане церкви, а иногда и монастыри. Въ зависимости отъ этихъ переговоровъ многое въ проэктѣ мѣнялось, и затѣмъ откомандировывался какой нибудь „архитектурный гезель“ или „команды архитектуріи подполковника князя Ухтомскаго поручика“, который начиналъ постройку и довольно скоро сдавалъ ее мѣстному подрядчику, а самъ снова уѣзжалъ въ Москву по экстренному вызову Ухтомскаго. Когда чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ опять отправлялся на мѣсто для провѣрки работъ, то оказывалось, что все сдѣлано не по чертежамъ, а такъ,—„на глазъ“ и на вкусъ подрядчика.

Къ сожалѣнію именно такъ произошло и съ знаменитымъ соборомъ въ г. Ахтыркѣ, какъ это открывается изъ справокъ по подлиннымъ документамъ. Онъ строился: „для лучшаго порядку подведомствомъ Ахтырской полковой канцеляріи, почему исполненіемъ учиненій існачала тому церковному строенію былъ стараніемъ умершей брегадиръ Федоръ Ивановичъ Коченовскій котораго трудами посочиненнымъ придворѣ Ея Императорскаго Величества абрисамъ та каменная церковь здвумя предѣлы заложена истроеніе подъяго смотрениемъ производилось азоумертвѣемъ его брегадира Коченовскаго пообъявленному въ 1754 году Февраля 25 дня чрезъ нарочно присланнаго отъ двора полковника Якова Алексѣевича Шубскаго ізустному іменному Е. І. В. указу“ и проч... руководство постройкой перешло къ другому лицу (Дѣла архитектора князя Ухтомскаго, вязка 12, дѣло 6, л. 5). Церковь грозила рухнуть и по указу Сената Ухтомскій отправилъ въ 1757 г. въ Ахтырку архитектуріи гезеля Степана Дудинскаго, который въ Апрѣлѣ 1758 г. доносилъ въ Москву, что зданіе вчернѣ уже окончено, но построено совсѣмъ не по имѣвшимся чертежамъ. „Надъ алтаремъ сводъ инадонымъ лантерникъ совсѣмъ вчернѣ окончень токмо надлежало оному лантернику быть по фасаду ипрофилю осмерякомъ а оной нераденіемъ подрядчика зделанъ квадратной“ и т. д. (Ibid., л. 39). Отъ подлиннаго Растреллиевскаго проэкта, такимъ образомъ, мало-что осталось въ возведенной постройкѣ.

При ближайшемъ изученіи этой постройки открываются слѣды несомнѣннаго извращенія первоначальнаго плана въ смыслѣ приспособленія ко вкусамъ мѣстнаго зодчества. Такъ, расположеніе трехъ главъ по продольной линіи—совершенно чуждо Растреллиевскому стилю и составляетъ упорную особенность украинскаго зодчества. Малыя главы въ количествѣ четырехъ назначались ближе къ центральной—по угламъ усѣченной срединной квадратуры. При передѣлкѣ основныхъ столбовъ, очевидно, и была измѣнена первобытная конструкція храма съ отнесеніемъ двухъ меньшихъ главъ по продольной линіи на значительное разстояніе отъ срединной. Теперь это сооруженіе по внѣшней своей архитектурѣ явно ничего общаго съ этимъ большимъ мастеромъ не имѣетъ¹⁾. Но зато внутреннее украшеніе храма во многихъ своихъ деталяхъ носитъ слѣды подлиннаго мастерства де-Растрелли. Это особливо надобно сказать о неподобномъ кіотѣ для чудотворнаго образа: колонны, волнистые карнизы, вазы, кронштейны на верху, поддерживающіе подушку съ Императорской короной, испещренные всею роскошью барочной рѣзбы,—все это соединяется въ блестящую, величественную и царственную сѣнь надъ чудотворнымъ образомъ и съ первого же взгляда напоминаетъ столь своеобразный и типичный стиль Растреллиевскихъ работъ.

Какъ бы то ни было, Ахтырскій соборъ сталъ въ нашемъ краѣ первымъ опытомъ насажденія блестящаго церковнаго стиля елисаветинскихъ временъ. Этотъ опытъ былъ во многихъ отношеніяхъ неудаченъ: но при всемъ этомъ онъ былъ толчкомъ къ дальнѣйшему у насъ распространенію и развитію этого стиля въ духѣ вышеуказанной нами Растреллиевской школы. Не останавливаясь здѣсь на всѣхъ подобнаго рода архитектурныхъ опытахъ въ нашемъ краѣ, дошедшихъ до насъ, мы скажемъ нѣсколько словъ объ одной такой постройкѣ, отчасти связанной съ исторіей созданія Ахтырскаго собора.

Привезшій въ Ахтырку Указъ Императрицы Елисаветы Петровны о назначеніи новыхъ руководителей постройки собора—полковникъ Яковъ Алексѣевъ Шубскій былъ именно въ это время ктитормъ и строителемъ Сумскаго Успенскаго

¹⁾ „Старые годы“ 1910 г. 5—6 кн., стр. 13 по 31—32.

монастыря. Это лицо замѣчательное. Уроженецъ сл. Бѣлковъ, Ахтырскаго полка, изъ духовнаго званія, онъ въ дѣтскомъ возрастѣ взятъ былъ въ придворную капеллу. Когда же лишился голоса, то, будучи извѣстенъ добрымъ поведениемъ и умомъ, сдѣланъ былъ чтецомъ, а потомъ и ктиторомъ придворной церкви. Благодетельная Императрица Елисавета любила его и пожаловала ему чинъ полковника. Ему же она поручила устроить дѣло постройки Ахтырскаго собора. Въ то же время въ широкихъ размѣрахъ онъ велъ постройку храмовъ и другихъ зданій Сумскаго Успенскаго монастыря, гдѣ въ это время находился его отецъ іеромонахъ Арсеній. Онъ не жалѣлъ средствъ на благоустройство этой обители. Видно, что онъ изстратилъ на нее огромное состояніе. Въ теченіе 1750—1760 годовъ онъ устроилъ въ этомъ монастырѣ громадный каменный соборный храмъ Успенія Богоматери съ предѣломъ Вознесенія Господня на хорахъ, каменный трапезный храмъ въ честь Архистр. Михаила и такой же надъ св. вратами во имя Всѣхъ Святыхъ, обнесъ монастырь каменной оградой съ башнями, а напротивъ соборной церкви съ западной стороны воздвигъ величественную колокольную въ видѣ крѣпостной боевой башни. Благодаря его щедротамъ и усердію въ храмахъ были сооружены прекрасные стильные иконостасы, при чемъ въ соборной церкви—иконостасъ огромныхъ размѣровъ въ 9 ярусовъ. Многія иконы были украшены серебро-позлащенными ризами, предъ иконами висѣли дорогія лампы искусной работы, въ храмахъ разставлены были деревянные съ изящной рѣзбой вызолоченные подсвѣчники и аналогіи. О быломъ великолѣпіи этихъ сооружений Шубскаго теперь свидѣлствуютъ сохранившіеся, послѣ закрытія и уничтоженія монастырскихъ построекъ въ 1788 г., колокольная и надвратная церковь со всѣмъ своимъ внутреннимъ убранствомъ. Строитель монастыря Я. А. Шубскій послѣ смерти Императрицы Елисаветы Петровны навсегда оставилъ Петербургъ и поселился въ своемъ Сумскомъ монастырѣ, гдѣ скончался и отецъ его іеромонахъ Арсеній, и здѣсь онъ принялъ монашество. Трагичны и безрадостны были послѣдніе дни жизни Шубскаго. Этому самоотверженному строителю обители суждено было видѣть при закрытіи ея уничтоженіе почти всѣхъ плодовъ рукъ своихъ. Послѣ разсѣянія отсюда

иноковъ, среди развалинъ монастырскихъ возлѣ оставшейся только надвратарной церкви оставался доживать вѣкъ свой въ убогой келіи Іаковъ Шубскій: здѣсь въ глубокой бѣдности и скончался онъ въ 1790 году.

Оставшаяся отъ монастыря надвратарная церковь представляетъ собою безусловно болѣе совершенное произведеніе Растрелліевского стиля, нежели Ахтырскій соборъ. Правда, онъ не можетъ быть сравниваемъ съ монументальными подлинными созданіями де-Растрелли, но какъ опытъ етія его школы,—онъ весьма примѣчателенъ. Крестообразный съ закругленіями корпусъ его украшенъ поверхъ карнизовъ съ четырехъ сторонъ изящными кокошниками полуциркульныхъ тимпановъ. Цокольный этажъ его раздѣланъ очень типичною рустировкой. Храмъ пилястрами раздѣленъ на отдѣльныя части и чрезвычайно пропорціоналенъ въ горизонтальныхъ члененіяхъ. Ионическія капители пилястровъ нѣжнаго рисунка, выполнены съ изящною тонкостію и украшены гирляндами. Корпусъ съ полуовальной крышей переходитъ въ восьмигранный барабанъ съ такими же пилястрами и капителями и съ четырехъ сторонъ съ аркообразнымъ карнизомъ, барабанъ покрытъ полуовальнымъ куполомъ, а поверхъ его двухъярусный осьмигранный фонарь съ изящною круглою главою. Этотъ храмъ производитъ впечатлѣніе чрезвычайно изящнаго, стройнаго и легкаго зданія. Общій характеръ его почти тождественъ съ знаменитымъ Соборомъ въ г. Козельцѣ, выстроенномъ въ 1748—1757 годахъ лучшимъ ученикомъ де-Растрелли Андреемъ Квасовымъ. Типъ надвратарнаго храма даетъ намъ основаніе предположить, что и остальные, когда-то бывшіе въ этомъ монастырѣ, храмы были устроены Шубскимъ по планамъ лучшихъ учениковъ де-Растрелли, если не самого А. Квасова. А въ такомъ случаѣ, мысленно возсоздавая образъ бывшаго Сумскаго Успенскаго монастыря, мы можемъ представить, какъ былъ онъ красивъ, величественъ, богатъ и архитектурно изященъ. Въ XVIII в. онъ, несомнѣнно, былъ въ нашемъ краѣ самымъ лучшимъ и въ этомъ смыслѣ единственнымъ памятникомъ етія барокко Растрелліевской школы.

До конца XVIII в. стиль барокко въ нашемъ краѣ оказывалъ широкое вліяніе на церковное строительство. Впрочемъ мы здѣсь говоримъ о широтѣ этого вліянія на столько,

на сколько оно шло чрезъ привилегированные классы нашего населенія—вельможныхъ людей и дворянъ помѣщиковъ, не касаясь господствующей массы населенія—черкасъ. Этотъ стиль отражался въ сооружаемыхъ ими иконостасахъ, кіотахъ, иконахъ, окладахъ, свящ. сосудахъ, утвари церковной и даже свящ. облаченіяхъ. Замѣчательный иконостасъ этого рода мы видимъ въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ. Онъ былъ сооруженъ въ 1783 году. Рисунокъ его несомнѣнно вышелъ изъ школы Растрелліевской, но уже позднѣйшаго времени, когда въ этомъ стилѣ стали замѣтно пробиваться классическія формы. Легкій и смѣлый подъемъ кверху, типичная рѣзба въ формѣ раковинъ, вазы съ цвѣтами, гармонія общаго рисунка, мастерское расчлененіе цѣлаго колоннами, мягкими во всю высоту выступами и незамѣтными углубленіями,—на всемъ лежитъ печать высокаго барочнаго стиля, ровные же и спокойные горизонтальные карнизы и обиліе гладкихъ коринѣскихъ колонъ отзывается уже духомъ екатерининскаго классицизма, уже въ ту пору начавшаго вытѣснять прежній стиль барокко. Духъ барокко сказывается въ иконописной манерѣ изображать священныхъ лицъ въ искусственной аффектаціи и позировкѣ. Свящ. сосуды, иконные оклады и утварь церковная воспроизводятъ излюбленные барочные мотивы и орнаментацію. Свящ. облаченія нерѣдко дѣлались въ то время изъ драгоценныхъ и нарядныхъ одеждъ вельможъ, внося въ обстановку храмовую и богослужебную ту же цвѣтистость, яркость красокъ и пышность мелкой орнаментаціи, коими обставлялась роскошная жизнь вельможъ.

Въ это же время, въ Россію, въ область церковнаго строительства проникаетъ, кромѣ стиля барокко, еще и другой—стиль новаго классицизма, значительно отразившійся и на храмахъ нашего края второй половины этого вѣка. Этотъ стиль на западѣ возникъ давно, еще въ XVI в., пережилъ въ разныхъ странахъ разныя видоизмѣненія, пока наконецъ къ половинѣ XVIII в. не остановился на строгомъ воспроизведеніи классическихъ типовъ—эллинскихъ храмовъ Пестума и Римскаго Пантеона. Съ запозданіемъ противъ другихъ странъ этотъ стиль распространяется во второй половинѣ XVIII в. и у насъ. Самой характерной чертой въ архитектурѣ этого стиля была страсть къ колоннамъ. „Уже

Бернини, одинъ изъ величайшихъ мастеровъ барокко, былъ зараженъ этой „благородной страстью“ и создалъ знаменитую „рощу колонъ“ предъ соборомъ св. Петра въ Римѣ, но тогда это было скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ, теперь же колонна становится такимъ же центромъ композиціи, какимъ была у грековъ и римлянъ. Увлечение колонадами временами бывало похоже на какое то опьяненіе, на прямую изступленность и своего апогея достигло въ концѣ XVIII вѣка. Послѣдняя четверть этого вѣка была въ архитектурѣ сплошнымъ гимномъ колонѣ, и безъ колонъ никто не могъ себѣ вообразить прекраснаго зданія. Чѣмъ великолѣпнѣе зданіе, тѣмъ больше должно было быть колонъ, которыя часто считались уже не десятками и не сотнями, а тысячами¹⁾. Въ церковныхъ постройкахъ стали стремиться связать колонадную систему съ купольной Пантеонной формой, вслѣдствіе чего этотъ стиль вылился въ этой области во всевозможныхъ типахъ, начиная отъ простѣйшихъ и маленькихъ храмовъ квадратной формы съ колоннымъ фронтономъ и съ низкимъ плоскимъ куполомъ почти безъ подкупольнаго барабана и кончая величественными базиликами съ продольными рядами колоннъ внутри. Во второй половинѣ XVIII в. знаменитыми зодчими этого стиля были А. Ф. Кокориновъ, В. Деламотъ (зданіе Академіи художествъ, Воскресенская ц. въ Почепѣ, Чернигов. г.), А. Ринальди (Ямбургскій соборъ), Ю. Фельтенъ (нѣмецкая церковь св. Анны въ С.-Петербургѣ). В. Баженовъ, И. Старовъ (церковь въ с. Никольскомъ, Моск. г. и соборъ А.-Невской Лавры въ С.-Петербургѣ), Ч. Камеронъ (церковь въ Софіи около Царскаго Села) и Д. Кваренги (церковь на Казанскомъ кладбищѣ въ Царскомъ Селѣ) и Н. А. Львовъ (Иосифовскій соборъ въ Могилевѣ и соборъ Борисоглѣбскаго монастыря въ Торжкѣ). Этотъ Екатерининскій стиль церковныхъ построекъ чрезвычайно широко отразился на постройкѣ храмовъ въ это время и въ нашемъ краѣ. Почти всѣ типы этого стиля имѣютъ у насъ своихъ представителей. Главнымъ образомъ любили храмы этого стиля дворяне-помѣщики. Во множествѣ бывшихъ и дошедшихъ до нашихъ дней помѣщичьихъ имѣній и доселѣ сохраняются

¹⁾ И. Грабарь. Ibid. вып. XV, стр. 261—262.

храмы этого рода. Хотя многіе изъ нихъ были впослѣдствіи видоизмѣнены постройкой колоколенъ съ удлинениемъ трапезной части и расширеніемъ боковыхъ сторонъ, но при ясной конструкціи храмовъ этого стиля легко воспроизвести первоначальный ихъ видъ. Мы не будемъ здѣсь пока останавливаться на детальномъ разборѣ разнообразныхъ типовъ храмовъ этого стиля, отмѣтимъ только пышный расцвѣтъ его въ нашемъ краѣ въ лицѣ знаменитаго Рождество - Богородичнаго храма въ с. Каплуновкѣ, Богодуховскаго уѣзда. Онъ былъ основанъ въ 1788 и освященъ въ 1798 году. Главными его строителями были тогдашній владѣлецъ, Каплуновки Іеремія Васильевичъ Перекрестовъ-Осиповъ, а по смерти его супруга Елисавета Степановна—урожденная Коновницына, и ея отецъ графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, употребившіе громадныя средства свои на этотъ храмъ. Построеніе его происходило подъ особымъ наблюденіемъ Св. Синода, который выдавалъ отъ себя книгу для сбора подаяній. Ахтырскій протоіерей Максимъ Яновскій опредѣленъ былъ въ попечителя о построеніи храма. Въ старинныхъ церковныхъ лѣтописяхъ сказано, что архитекторомъ этого храма былъ итальянецъ Манижіотти. Въ исторіи церковно-русскаго зодчества имя его осталось неизвѣстнымъ¹⁾. Можно предполагать, что онъ былъ ближайшимъ исполнителемъ архитектурныхъ заданій другого зодчаго, наложившаго печать своего большого мастерства на эту постройку. Храмъ по первоначальной постройкѣ своей выполнѣ достойный имени Богоматери, но нынѣ, къ сожалѣнію, довольно много утратившій изъ своей прежней славы. Храмъ поражаетъ огромными своими размѣрами. Онъ стоитъ отдѣльно отъ колокольной, почему красота его вида выполнѣ открыта со всѣхъ сторонъ. Это—квадратное равностороннее зданіе съ величественными фронтонами на колоннахъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ. Корпусъ зданія увѣнчивается громаднымъ центральнымъ куполомъ на невысокомъ барабанѣ, прорѣзаннымъ двадцатью окнами. По размѣру своего діаметра и смѣлости своего размаха это—единственный куполь въ церквахъ нашего края. Четыре малые купола стоятъ какъ бы на стражѣ по сторонамъ большого. Наружный видъ при

¹⁾ Въ Николаевскія времена былъ извѣстенъ придворный архитекторъ Монигети. Не онъ-ли подъ названіемъ „Монижіотти“ былъ строителемъ нашей церкви?..

всей простотѣ своей конструкціи—чрезвычайно пропорціоналенъ и дивно величественъ. Колонные фронтоны придаютъ ему строгую и спокойную классическую красоту. Еще лучше внутренній видъ. Обширность его размѣровъ поразительна: въ немъ свободно можетъ помѣститься свыше 2000 человекъ. Благодаря счастливому расположенію основныхъ столповъ и массѣ оконъ въ центральномъ и малыхъ куполахъ храмъ залитъ моремъ свѣта. Въ немъ нынѣ, кромѣ главнаго престола, два придѣльные: южный во имя Св. Петра митр. Кіевского; сѣверный въ честь пр. Іереміи и прав. Елисаветы, а прежде былъ еще престолъ во имя св. Николая въ верхней галлерей, который уничтоженъ по случаю оказавшейся трещины въ боковыхъ стѣнахъ храма. Между сѣвернымъ придѣломъ и главнымъ престоломъ впереди соеи воздвигнутъ величественный кіотъ—сѣнь для чудотворнаго Каплуновскаго образа Божіей Матери. Онъ представляетъ собою прекрасную копію Ахтырскаго кіота Растреліевскаго стиля, но больше поднятъ въ высоту и поставленъ на высокомъ подножіи. Весь облитый свѣтомъ сверху, изящный и величественный, онъ производитъ даже болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ Ахтырскій его первообразъ. Величественность внутренняго вида усугубляется грандіознымъ иконостасомъ стиля барокко, перенесеннымъ сюда изъ упраздненнаго Успенскаго Сумскаго монастыря, о коемъ мы говорили выше.

Каплуновскій храмъ, освященный почти на рубежѣ XIX в. представляетъ собою блестящее завершеніе въ нашемъ краѣ Екатерининскаго классицизма, отразившагося во множествѣ другихъ, хотя и не столь величественныхъ, храмахъ, созданныхъ благочестивымъ усердіемъ передовыхъ классовъ мѣстнаго населенія. Какъ стиль барокко, такъ и этотъ, проявился въ нашемъ краѣ во всѣхъ многочисленныхъ деталяхъ храмовой обстановки: въ иконостасахъ, свящ. сосудахъ и утвари.

Такова въ общихъ чертахъ исторія церковно-архитектурныхъ вліяній, проникавшихъ и распространявшихся въ нашемъ краѣ вмѣстѣ съ первоначальной московской колонизаціей и утвержденіемъ здѣсь вслѣдъ затѣмъ культурныхъ общерусскихъ бытовыхъ формъ. Но въ томъ, какъ отъ XVI в. слагалась жизнь нашего края,—это только одна сто

рона дѣла. Мы указали пока только одно культурное теченіе, направлявшееся въ нашъ край,—сѣверное, общегосударственное. Обратимся теперь къ другой сторонѣ дѣла, къ исторіи черкасской, массовой, малороссійской колонизаціи края и къ исторіи народнаго уклада жизни и посмотримъ, какія отсюда вытекали церковно-культурныя вліянія, отразившіяся на многочисленныхъ и также замѣчательныхъ церковныхъ памятникахъ, дошедшихъ до нашихъ дней. Мы уже указывали, что сѣверное культурное теченіе XVIII в. создававшее у насъ свои типичные церковныя памятники, встрѣчаясь съ мѣстнымъ народнымъ творчествомъ, не осталось безъ вліянія на это послѣднее. Это вліяніе двухъ теченій въ области церковнаго строительства въ нашемъ краѣ XVIII в. повело къ созданію чрезвычайно оригинальныхъ смѣшанныхъ типовъ какъ архитектурныхъ, такъ и художественныхъ. Но чтобы выдѣлить въ народномъ творествѣ самобытное отъ привнесеннаго, необходимо прежде всего ясно опредѣлить и уяснить культурный характеръ основного этнографическаго ядра, а таковымъ въ нашемъ краѣ стали черкасы-малороссы, выходцы изъ правобережнаго приднѣпровья.

V.

Черкассіе церковныя памятники заднѣпровскаго происхожденія.

Положеніе православно-русскаго населенія юго-западной Россіи подъ гнетомъ поляковъ съ XVI в. стало невыносимымъ. Лишеніе государственно-соціальныхъ правъ, обезземеленіе народа и закрѣпощеніе его у шляхты, подавленіе національныхъ стремленій и народнаго духа, стремленіе ополячить русскихъ и, наконецъ, провозглашеніе Брестской уніи и гоненія на народную вѣру и православную церковь,—все эти бѣдствія дѣлали жизнь малороссовъ въ предѣлахъ Польскаго королевства безконечно тяжелой. Ища выхода изъ создавшагося положенія, малороссы поднимаютъ во главѣ съ запорожскими казаками возстанія противъ поляковъ, одно ожесточеннѣе другого. Но видя безрезультатность самостоятельной борьбы съ невзгодами, малороссы инстинктивно начинаютъ искать помощи и опоры въ единовѣрномъ и единоплеменномъ Московско-Россійскомъ Государствѣ. Предупреждая политическое объединеніе съ нимъ, малороссы уже съ

начала XVII в. стихійно бѣгутъ изъ предѣловъ правобережнаго заднѣпровья въ Слободскую Украину, тогда усиленно колонизируемую московскимъ правительствомъ. Исторія отмѣчаетъ цѣлый рядъ таковыхъ массовыхъ переселеній малороссовъ въ нашъ Харьковскій край въ теченіе всего XVII и начала XVIII в.в.: въ 1617, 1638, 1645—1647, 1650—1651, 1659, 1675 и 1711—1715 г.г. Эти переселенцы получаютъ тогда названіе „Черкасы“.

Не входя въ подробности Черкасской колонизаціи нашего края, достаточно уже обследованной¹⁾, мы остановимъ свое вниманіе на церковно-бытовой ея сторонѣ, насколько она могла отразиться на церковномъ строительствѣ черкассъ въ нашемъ краѣ и на дошедшихъ до насъ религіозныхъ памятникахъ.

Съ какимъ церковно-культурнымъ богатствомъ шли въ нашъ край черкасы, откуда и какія именно особенности религіозно-бытовыя несли они сюда, какіе среди нихъ были главные факторы развившагося здѣсь церковнаго строительства, — вотъ вопросы, рѣшеніе которыхъ должно уяснить церковно-археологическое богатство, оставленное ими въ наслѣдство послѣдующимъ поколѣніямъ.

Послѣ провозглашенія Брестской церковной уніи, когда особенно усилилось гоненіе поляковъ на православныхъ малороссовъ, народный религіозный духъ, однако, не только не былъ подавленъ, но вспыхнулъ съ еще большею силой. Теперь православіе, хотя и лишенное своего митрополита и многихъ епископовъ, государственнаго покровительства и богатыхъ имуществъ, развернуло особенную энергію: точно все, чего оно лишилось, было лишь негоднымъ наростомъ, истощавшимъ его силы, и горячее нравственное убѣжденіе, оставшееся теперь его единственной опорой, подняло уровень православной среды южно-русскаго общества на небывалую высоту. Діаконъ Павелъ Алеппскій, сопровождавшій антиохійскаго патріарха Макарія и оставившій въ высшей степени интересное описаніе своего путешествія, лѣтомъ 1654 года проѣзжалъ чрезъ Рашковъ, Умань и Кіевъ, видѣлъ

¹⁾ Мы уже указывали на обширное изслѣдованіе проф. Д. И. Багалъя, нами многократно цитируемое, „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства“, Москва, 1887 г.

тогдашнюю церковно-бытовую жизнь малороссовъ и особенное свое вниманіе останавливалъ на несомнѣнныхъ и яркихъ симптомахъ духовной культурности украинской массы. Всюду въ своемъ описаніи онъ отмѣчаетъ глубочайшее усердіе казаковъ къ вѣрѣ и своимъ храмамъ. „Усердіе ихъ къ вѣрѣ приводило насъ въ изумленіе. Представь себѣ читатель: они стоятъ отъ начала службы до конца неподвижно, какъ камни, безпрестанно кладутъ земные поклоны и все вмѣстѣ, какъ бы изъ однихъ устъ, поютъ молитвы; и всего удивительнѣе, что во всемъ этомъ принимаютъ участіе и маленькія дѣти. О, Боже! какъ долго тянутся у нихъ молитвы, пѣніе и литургія! Но ничто такъ не удивляло насъ, какъ красота маленькихъ „мальчишковъ и ихъ пѣніе, исполняемое отъ всего сердца, въ гармоніи со старшими“ Помимо церковнаго благолѣпія, свидѣтельствующаго „о набожности, богобоязненности, благочестіи, приводящихъ умъ въ изумленіе“, Павелъ указываетъ на шпитали или страннопріимные дома, которые „во всей странѣ казаковъ, въ каждой улицѣ и въ каждой деревнѣ, выстроены для ихъ бѣдняковъ и сиротъ, при концѣ мостовъ или внутри города, служащіе имъ убѣжищемъ, на нихъ снаружи множество образовъ; кто къ нимъ заходитъ, даетъ имъ милостыню“. Но, конечно, самое цѣнное изъ всѣхъ указаній, какія далъ намъ любознательный діаконъ, есть, то, какое онъ оставилъ на счетъ развитія грамотности въ украинскомъ народѣ временъ Хмельницкаго. „По всей землѣ казаковъ мы замѣтили возбуждающую наше удивленіе прекрасную черту,—говоритъ Павелъ,—все они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дѣтей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; кромѣ того, священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами; послѣ освобожденія люди предались съ большою страстью ученію, чтенію и церковному пѣнію“¹⁾.. Все эти факты, отмѣченные очевидцемъ, и притомъ человѣкомъ совершенно постороннимъ, убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ лицѣ малороссовъ XVII в. мы имѣемъ дѣло съ народомъ способнымъ къ здоровому и сильному развитію.

¹⁾ „Путешествіе Антиохійскаго Патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в., описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ“ переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. Москва. Вып. II. 1897 г., стр. 2—3.

Для насъ представляють особливый интересъ многочисленныя описанія Павла Алеппскаго вещественныхъ памятниковъ православной религіозности малороссовъ XVII в. Такъ, въ мѣстечкѣ Орадовкѣ онъ видѣлъ великую церковь во имя Св. Михаила: „до сихъ поръ мы не видѣли въ землѣ казаковъ подобной ей по высотѣ и величественности ея пяти куполовъ. Рѣшотка галлерей, окружающей церковь, вся точеная, и колокольня надъ ея вратами также имѣетъ рѣшотку“¹⁾. Въ м. Умани, говоритъ онъ, „насъ привели въ величественную высокую церковь съ желѣзнымъ куполомъ красиваго зеленаго цвѣта. Она очень обширна, вся росписана и построена изъ дерева. Ея серебряныя лампы со свѣчами прекраснаго зеленаго цвѣта многочисленны. Надъ нарѣксомъ красивая звонница. Въ немъ есть высокая рѣшотка, обращенная къ хоросу; за нею стоятъ пѣвчіе и поютъ по своимъ нотнымъ книгамъ: голоса ихъ раздаются подобно грому. Въ городѣ девять великолѣпныхъ церквей съ высокими куполами“²⁾... Еще болѣе подробно онъ описываетъ церковь въ м. Маньковкѣ: „Мы пошли къ великой церкви, что передъ крѣпостью, во имя Св. Николая: такъ ее называли теперь казаки. Въ настоящее время они работаютъ надъ ея куполами. Она изъ числа самыхъ великолѣпныхъ церквей по своей архитектурѣ, величественности, высотѣ и размѣрамъ. Внутри ея есть отгороженныя мѣста на подобіе креста, т. е. оба клироса находятся въ углубленіи. Алтарь благолѣпный, большой: въ немъ тамъ, гдѣ каедрa (горнее мѣсто), стоятъ четыре огромныя деревянныя колонны, съ рѣзбой и раскраской, все въ позолотѣ ничѣмъ не отличающіяся отъ кованыхъ (изъ золота); надъ ними возвышается родъ купола. Что касается тѣбла (иконостаса), то его дѣлають вновь. На обоихъ клиросахъ есть мѣста, гдѣ стоятъ священники и пѣвчіе: они остались со временъ ляховъ. Все колонны и деревянныя части церкви, а также аналои, на которые кладутъ книги, покрыты рѣзбой и позолотой. Надъ большимъ нарѣксомъ есть мѣсто съ рѣшотками, выходящее на хоросъ:

¹⁾ Ibid., стр. 20.

²⁾ Ibid., стр. 22. Мы при этомъ опускаемъ подробности его описанія богослуженія въ казацкихъ церквахъ; въ нихъ онъ отмѣчаетъ чрезвычайное благоговѣніе и молитвенное искреннее усердіе молящихся казаковъ.

тамъ стоять пѣвчіе и поютъ съ органомъ. Высота лѣстницы, ведущей въ это мѣсто, очень велика. За церковными вратами находится колокольня. Церковный дворъ окруженъ деревянной стѣной и садиками¹⁾. Около м. Лисянки онъ видѣлъ монастырь во имя Св. Троицы: „въ его церкви мы видѣли икону Владычицы въ образѣ увѣнчанной невѣсты. По всей же дорогѣ сюда мы видали Ея изображенія въ видѣ дѣвственницы, непорочной дѣвы съ розовыми щеками. Въ этой церкви виситъ также люстра изъ оленьихъ роговъ“²⁾... Въ м. Трипольѣ „насъ повели, говоритъ Павелъ, къ находящейся въ немъ церкви въ честь Преображенія Господня, великолѣпной, большой, пространной, и красивой, превосходящей своею красотою, размѣрами и обиліемъ оконъ всѣ церкви странъ казацкихъ, ибо, когда мы вошли въ нее, наши умы были поражены изумленіемъ. Она очень высока, съ двумя входами, съ большими стеклянными окнами кругомъ; имѣетъ куполь весьма высокій, широкій, пространный, круглый на восьмигранномъ основаніи, на подобіе куполовъ нашей страны, покрытый блестящей жезью. Надъ апсидой алтаря есть другой красивый куполь, и еще куполь съ тремя крестами надъ дверьми. Что касается божественнаго алтаря, то онъ великолѣпенъ: табла (иконостасъ) приводятъ умъ въ изумленіе своей высотой и блескомъ, образами и позолотой. Впрочемъ, въ этой странѣ не такъ заботятся о величинѣ распятія (на иконостасѣ), какъ греки, но оно превосходно: изображенія Іоанна и Богородицы по сторонамъ его стоятъ отдѣльно, подъ ними не видать досокъ, и они имѣютъ подобіе цѣльной человѣческой фигуры. Двери алтаря великолѣпныя, большія, съ сквозной рѣзбой и позолотой. Въ этой странѣ такое обыкновеніе, что непременно бываетъ икона Нерукотвореннаго Образа и всегда надъ царскими вратами. Надъ нею постоянно бываетъ образъ Господа въ полной фигурѣ сидящаго на тронѣ, въ великолѣпномъ саккосѣ и митрѣ: по сторонамъ Его Іоаннъ Креститель и Владычица, справа отъ Него Петръ съ ключами и пять содруговъ его, а слѣва Павелъ съ мечомъ и пять его содруговъ, ибо на всѣхъ иконостасахъ въ этой странѣ ихъ изо-

¹⁾ Ibid., стр. 27.

²⁾ Ibid., стр. 29—30.

бражаютъ не иначе, какъ въ такомъ видѣ, и непременно, изъ числа двѣнадцати апостоловъ, Павелъ изображается передъ Петромъ. Посрединѣ хороса находится деревянный кругъ съ двумя ступенями, покрытый краснымъ сукномъ; на немъ дьяконъ говоритъ ектенію и читаетъ евангеліе. Полъ въ церкви весь изъ каменныхъ плитъ. Она выстроена изъ сосновыхъ бревенъ, связанныхъ удивительно искусно. Снаружи кругомъ нея идетъ весьма изящный навѣсъ съ точеною рѣшоткой, съ высокими куполами надъ каждой изъ двухъ ея дверей¹⁾.

Поражала Павла Алеппскаго и черкасская иконопись, лучшіе образцы которой онъ увидѣлъ въ церкви г. Василькова. „Это церковь красивая, высокая; иконостасъ ея очень великъ, подобно иконостасамъ греческимъ, но икона Владычицы тамъ большая, великолѣпная, поражаетъ удивленіемъ умы; подобной мы и раньше не видывали и послѣ никогда не видали. Богоматерь такъ прекрасно написана, что какъ будто говорить; риза Ея какъ бы темнокрасный блестящій бархатъ,—мы никогда не видывали подобнаго издѣлія—фонъ темный, а складки свѣтлыя, какъ складки настоящаго бархата. Что касается убруса, который покрываетъ Ея чело и ниспадаетъ внизъ, то тебѣ кажется, какъ будто онъ переливается и колеблется. Ея ликъ и уста приводятъ въ изумленіе своею прелестью: имъ не хватаетъ только слова. Миръ Божій надъ ними! Господь, сидящій на Ея лонѣ, прекрасенъ въ высшей степени: Онъ какъ будто говорить. Какъ уже упомянуто, я много видалъ иконъ, начиная съ греческихъ странъ до сихъ мѣстъ и отсюда до Москвы, но нигдѣ не видалъ подобнаго или равнаго этому образу. Казацкіе живописцы заимствовали красоты живописи лицъ и цвѣта одеждъ отъ франкскихъ и лянскихъ живописцевъ-художниковъ и теперь пишутъ православные образа, будучи обученными и искусными. Они обладаютъ большою ловкостью въ изображеніи человѣческихъ лицъ съ совершеннымъ сходствомъ, какъ это мы видѣли на портретахъ Теофана, патріарха іерусалимскаго и другихъ“²⁾... Центръ черкасской иконописи Павелъ Алеппскій указываетъ въ Кіевѣ: „въ этомъ городѣ, говоритъ онъ, среди ка-

¹⁾ Ibid., стр. 38—39.

²⁾ Ibid. стр. 41.

зацскихъ живописцевъ есть много искусныхъ мастеровъ, которые обладаютъ большою изобрѣтательностью ума въ изображеніи людей, какъ они есть, также въ изображеніи всѣхъ страстей Господнихъ съ ихъ подробностями“ ¹⁾. Икону свободной художественной композиціи этихъ мастеровъ онъ видѣлъ въ иконостасѣ Кіево-Софійскаго Собора: „по лѣвую сторону отъ иконы Господа стоитъ икона Св. Софіи, работы мудраго и искуснаго мастера: въ срединѣ иконы церковь съ колоннами, при основаніи которой кругомъ родъ свода; надъ церковію Христосъ, и Его Духъ Святой нисходитъ на нее въ сіяніи; внизу изображеніе геенны; кашидыяри (?) (бѣсъ) съ очень большимъ носомъ держитъ въ рукѣ лукъ и стрѣлы, подлѣ него множество персіянъ въ кисейныхъ турбанахъ съ луками и стрѣлами стрѣляютъ въ церковь; толпа франковъ въ своихъ шляпахъ и костюмахъ съ ружьями и пушками, изъ которыхъ они стрѣляютъ; всѣ ведутъ брань противъ нея“ ²⁾. Иконы подобнаго же характера усмотрѣны были Павломъ въ иконостасѣ трапезной церкви Кіево-Братскаго монастыря: онѣ изображали страсти Господни ³⁾.

Какъ бы въ заключеніе своего обозрѣнія церковно-архитектурныхъ богатствъ Малороссіи Павелъ Алеппскій описываетъ общій видъ одной изъ лучшихъ церквей края—Св.-Троицкой Густынскаго монастыря: „Куполовъ на святой церкви пять: они стоятъ вмѣстѣ, въ видѣ креста, средній больше другихъ. Кругомъ церкви идетъ навѣсъ съ рѣшеткой и тремя дверями, надъ которыми три купола, расположенные параллельно... Ея куполы изъ блестящей жести, и позлащенные кресты испускаютъ свѣтлые лучи. Церковь имѣетъ три внутреннихъ двери, кромѣ трехъ дверей внѣшнихъ. Когда войдешь въ большую западную дверь, то церковь представляется въ видѣ закругленнаго креста: нарѣзокъ внутри его, алтарь насупротивъ, оба клироса, подобно алтарю, въ нишахъ. По окружности церкви идутъ формы. Оба клироса четырехъугольные съ формами, отдѣленными отъ другихъ; они стоятъ посрединѣ и вокругъ нихъ два прохода. Архіерейское мѣсто, весьма изящное, находится подлѣ праваго клироса, а также близъ церковной

¹⁾ Ibid. стр. 76.

²⁾ Ibid. стр. 71.

³⁾ Ibid. стр. 79.

двери въ нарѣкскѣ есть другое архіерейское мѣсто, подобное первому. Съ края обоихъ клиросовъ есть еще два возвышенныхъ мѣста, а въ хоросѣ восьмиугольный помостъ, покрытый красивымъ сукномъ. Мѣсто органа, гдѣ стоятъ пѣвчіе, очень высоко и красиво и обнесено рѣшеткой. Иконостасъ и тябла усаждаютъ взоры и изумляютъ смотрящаго. Доселѣ мы не видѣли имъ подобныхъ и равныхъ: ни одинъ человѣкъ не въ силахъ описать этотъ иконостасъ, его громадность, высоту и обиліе его позолоты, видъ и блескъ. Онъ поднимается отъ земли до верхней части большого купола: святые иконы весьма большихъ размѣровъ, являютъ крайній предѣлъ совершенства; онѣ углублены въ ниши, дабы лучше обнаруживалась красота и зеркальный блескъ ихъ позолоты. Надъ ними находится удивительно блестящая рама, въ видѣ карниза, большого размѣра, такъ что къ ней привѣшены на блокахъ лампы. При благолѣпныхъ иконахъ Господа и Владычицы есть весьма большія, высокія, толстыя колонны съ рѣзбой, которыя внутри полы, но кажутся цѣльными, будучи спаяны съ тонкимъ искусствомъ. Ихъ обвиваютъ лозы: золотыя вѣтви съ листьями поднимаются вверхъ, гроздья, однѣ—красивыя и блестящія, другія—незрѣлыя, зеленныя, свѣшиваются, какъ будто они неподдѣльное твореніе Божіе; фонъ гладкій. Колонны возвышаются отъ земли на высоту роста. Подъ иконой Господа есть также изображеніе Его и Его учениковъ отчетливой работы: Онъ несетъ на раменахъ заблудшаго отъ стада ягненка, а за Нимъ слѣдуетъ великое множество овецъ, предъ коими пастухъ, входящій въ дверь овечьяго загона“. Въ ряду иконъ этого иконостаса онъ отличаетъ особенно выдающіяся: „Успенія Богородицы, благолѣпную, позолоченную и новую, Св. Николая Преславнаго, благолѣпную, большую, чудеснѣйшую, работы весьма искуснаго мастера, который писалъ эти образа, изумляющіе зрителя жизненностію лицъ, ихъ цвѣтомъ и очертаніемъ, какъ будто это живопись Критскихъ грековъ. Подлѣ этой святой иконы стоитъ икона Антонія и Θεодосія, между коими изображено подобіе зданія Печерскаго монастыря, а подъ ними изображеніе Св. Дѣвы среди лѣса въ огненномъ сіяніи. Надъ образомъ Господа образъ Св. Дѣвы, именуемой Платитера (пространнѣйшей): Сынъ на лонѣ Ея: Онъ внутри круга, среди сол-

нечныхъ лучей изъ золота съ выступающими краями, лучи деревянные, но ничѣмъ не отличаются отъ златокованныхъ. Направо и налево отъ Владычицы рядъ двѣнадцати пророковъ, кои прорекли о Ней. Надъ Нею изображеніе Распятія. Наверху купола написанъ Господь въ Троицѣ, окруженный ангелами и святыми... Рѣзба царскихъ вратъ удивительна, позолота роскошная; они сработаны со всевозможнымъ искусствомъ и ничѣмъ не отличаются отъ златокованныхъ, сіяютъ и блещутъ прекрасной позолотой и ночью сверкаютъ, какъ молнія. Кругомъ ихъ рамы изображены діаконы въ стихаряхъ съ кадильницами и священники въ фелоняхъ. Высота этихъ дверей и другихъ двухъ семь локтей. Алтарь, божественная трапеза и ризница весьма обширны и чисты. Въ алтарѣ, въ церкви и куполѣ 20 большихъ оконъ съ превосходными стеклами¹⁾.

Въ такихъ чертахъ Павелъ Алеппскій изображаетъ лучшіе и выдающіеся памятники тогдашняго религіозно-художественнаго творчества задніпровскихъ Черкасъ. Несомнѣнно, сельскіе и бѣдные храмы у нихъ повторяли тотъ же типъ только въ меньшихъ и скудныхъ формахъ.

Эти чрезвычайно интересныя и цѣнныя описанія воспроизводятъ предъ нами церковно-культурный бытъ задніпровскихъ малороссовъ—черкасъ, составлявшихъ хотя и главенствующій, но еще не полный контингентъ, колонизовавшій въ XVII в. нашъ край. Павелъ Алеппскій не упоминаетъ о Запорожскихъ казакахъ, которые также крупными массами заселяли Слободскую Украину, внося въ нее и свое церковно-культурное богатство. У себя, въ своихъ знаменитыхъ Сѣчахъ, они еще интенсивнѣе проявляли обще-черкасское религіозное одушевленіе и преданность православно-народной вѣрѣ.

По словамъ извѣстнаго изслѣдователя Запорожья Д. И. Эварницкаго богослуженіе у запорожскихъ казаковъ совершалось каждый день „неотмѣнно“ по монашескому чину восточной православной церкви. Церковь, по крайней мѣрѣ, Сѣчевая, всегда отличалась благолѣпіемъ, дорогою ризницею и богатѣйшею церковною утварью, превосходнѣе которой, по замѣчанію очевидца, во всей тогдашней Россіи едва-ли

¹⁾ Ibid. стр. 88—90.

можно было встрѣтить. И точно: царскія врата въ церкви послѣдней Сѣчи были вылиты изъ чистаго серебра, иконы горѣли золотыми шатами, а лики иконъ писаны были лучшими византійскими художниками, священническія ризы кованы чистѣйшимъ золотомъ, священныя книги обложены массивнѣйшимъ серебромъ съ драгоценными камнями ¹⁾. Во время богослуженія запорожцы держали себя въ высшей степени чинно и благопристойно: чтобы не нарушать тишины, войдя въ церковь, они размѣщались соотвѣтственно чинамъ, по разнымъ мѣстамъ, т. е. кошевой атаманъ, судья, писарь, эсаулъ и нѣсколько почтенныхъ стариковъ за особыми мѣстами, такъ называемыми, бокунами или стасидіями, великолѣпной рѣзной работы, окрашенными ярко зеленой краской, стоявшими съ обѣихъ сторонъ у стѣны, раздѣлявшей церковь на двѣ половины. При чтеніи евангелія всѣ казаки приходили въ движеніе, стройно выпрямлялись во весь ростъ, брались за эфесы сабель и вынимали лезвія до половины изъ ноженъ, въ знакъ готовности защищать оружіемъ Слово Божіе отъ враговъ Христовой вѣры. При богослуженіи запорожцы особенно любили пышность и торжественность, для чего содержали цѣлый хоръ пѣвчихъ, какъ старшаго возраста, такъ и младшаго. У запорожскихъ казаковъ, какъ людей воинскаго званія, извѣстныя святыя и праздники пользовались особымъ уваженіемъ предъ прочими; таковы: Покровъ пресв. Богородицы, Архистр. Михайлъ и Николай Чудотворецъ.

Своеобразны были у нихъ памятники церковнаго зодчества, начиная отъ походныхъ церквей, малыхъ и убогихъ и кончая великолѣпнѣйшими храмами съ легендарной славой. Такъ, на Романковомъ курганѣ въ 1740 году была построена первая церковь во имя св. Николая: она сдѣлана была на колесахъ, могла передвигаться съ мѣста на мѣсто и по внѣшнему виду походила „на хливуну“. Вторая церковь была построена здѣсь же изъ сосноваго дерева, покрыта гонтомъ, на видъ была очень низка, „присадкувата, печерычкою“, съ некрашеными стѣнами, однимъ куполомъ; при ней стояла деревянная колокольня до 15 сажень вы-

¹⁾ Д. И. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. Спб. 1888 г. I—85, II—48—51, 191—113.

соты, съ пятью башнями, крыта гонтомъ, также некрашенная. На каждой изъ четырехъ сторонъ колокольни стоялъ ангелъ на жестяномъ съ петлями, какъ бываетъ въ дверяхъ, прутѣ, съ трубой, вставленной въ лѣвую руку ангела и приложенной ко рту. На средней башнѣ поставленъ былъ апостолъ Андрей съ крестомъ въ правой и со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, на которомъ сдѣлана была надпись: „на сихъ горахъ процвѣтаетъ благодать Божія“. При движеніи вѣтра всѣ четыре ангела поварачивались изъ стороны въ сторону, отчего трубы ихъ издавали звуки: „витерь двери гаяне, а воно й грае“.

Въ Камянкѣ же, противъ Новаго-Кодака, была устроена церковь во имя Преображенія Господня. По отзыву современниковъ, она была „какъ снѣсарско гарно отдѣлана, такъ и малярско иконами богато украшена; при ней было четыре священника и два діакона“. Первая церковь въ г. Самарѣ (теперь Новомосковскѣ) была построена скоро послѣ того, „какъ запорожскіе казаки вернулись изъ-подъ туръ-царя“, т. е. послѣ 1734 г. Это была небольшая деревянная церковка, передѣланная изъ простой хаты съ выведеннымъ на ней вторымъ верхомъ, крытая камышемъ и увѣнчанная простымъ желѣзнымъ крестомъ ¹⁾. Великолѣпнѣйшая же казацкая церковь устроена здѣсь была въ 1778 г. во имя св. Троицы; по красотѣ, обширности и своеобразію считалась она чудомъ на все Запорожье. Свои храмы запорожцы одаряли драгоценными дарами, въ томъ числѣ для церковныхъ покрововъ казацкими поясами краснаго персидскаго сырца ²⁾. Особенную черту у казаковъ составляла ихъ постоянная любовь и тяготѣніе къ монастырямъ. Запорожцы находились въ живой связи съ Кіево-Межигорскимъ монастыремъ: оттуда они получали въ Запорожье иноковъ священнослужителей, туда же посылали богатныя жертвы. Наконецъ, въ концѣ XVI в. они устроили свой Запорожскій монастырь подъ именемъ Самарскаго Пустынно-Николаевского, сдѣлавшійся любимой святынею Запорожья и желаннымъ мѣстомъ убѣжища отъ міра на старости лѣтъ.

¹⁾ Д. И. Эварницкій. Исторія запорожскихъ казаковъ. Москва. 1900 г., стр. 371, 381, 386.

²⁾ Ibid., стр. 376—377.

Во время усилившагося послѣ Богдана Хмѣльницкаго стихійнаго движенія Черкасѣ и запорожскихъ казаковъ въ Слободскую Украину все богатство ихъ самобытно-культурной жизни переносилось на новую родину, насколько это возможно было по условіямъ тогдашняго бѣдственнаго для Заднѣпровья времени. Они шли въ нашъ край не съ пустыми руками, но со всеѣмъ тѣмъ добромъ, какое могли захватить съ собою. Среди бѣдствій, раздиравшихъ тогда Заднѣпровье, „въ городахъ правобережныхъ счетомъ люди остались, толпами бѣгутъ пѣшіе на лѣвую сторону въ наши города“, читаемъ мы въ одномъ донесеніи. Изъ большихъ и малыхъ городковъ, изъ селъ и деревень шли обозы съ возами, нагруженными прочанами (такъ назывались переселенцы), ихъ семьями и пожитками. По распросу казака нѣжинскаго полка Гаврила Тимофеева „въ Каневѣ, Черкасахъ и въ другихъ мѣстахъ на перевозахъ безпрестанно идутъ люди съ той стороны Днѣпра на эту съ женами и дѣтьми на жительство къ Ахтырскимъ и Сумскимъ слободамъ и къ другимъ лѣснымъ мѣстамъ“¹⁾. Однажды Дорошенко встрѣтилъ болѣе 10.000 прочанъ, направлявшихся изъ Побужья и Поднѣстровья обозомъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Стремленіе къ выселенію изъ-за Днѣпра было такъ сильно, что даже польская военная сила не могла его сдерживать: переселенцы двигались также вооруженные и отбиваясь отъ жолнеровъ ружьями и даже пушками, пробивали себѣ путь въ новое отечество. Театромъ опустошительныхъ походовъ въ то бурное время была главнымъ образомъ Кіевщина, а также Побужье. Оттуда именно и шли главные массы переселенцевъ въ Слободскую Украину. Гетманъ Самойловичъ доносилъ Московскому правительству: „все жители ржищевскіе, каневскіе, корсунскіе, стороборскіе, мошенскіе, грабовскіе, бѣлозерскіе, теганковскіе, дробовскіе, черкасскіе согнаны на его сторону (въ лѣвобережную Украину) и отъ непріятеля отстранены, а города и села и мѣстечки и деревни ихъ, гдѣ они прежде жили, на той сторонѣ все безъ остатка выжжены“²⁾. Они составили главный контингентъ поселенцевъ въ нашемъ краѣ. Рядомъ съ этимъ въ нашъ край направлялись переселенія и изъ другихъ,

¹⁾ Акты Ю. и З. Россіи, XI, 656.

²⁾ Д. И. Багалъй. Очерки по исторіи колониз., т. I, стр. 404.

даже отдаленныхъ предѣловъ Рѣчи Посполитой, напр. изъ Варшавскаго повѣта, Кіевскаго Полѣсья и Западно-Русской Вильны. Наконецъ третья волна переселенцевъ двигалась въ нашъ край изъ гетманщины-Черниговщины. Отсюда черкасы шли въ нашъ край, прельщаемые свободными и привольными займками. Во главѣ прочанъ шли на заселеніе нашего края казацкіе полковники и старшины, знатныя дворянско-малороссійскія фамиліи Захаржевскихъ, Кондратьевыхъ, Лесевицкихъ и многихъ другихъ, духовныя лица и иноки „которые не замѣстившіеся у малой Россіи, и далѣй за границу, у великую Россію пустивши, многіе пустіе землѣ, даже за р. Донецъ и Донъ великими городами и селами густо населили; которыхъ Царское Величество раздѣлилъ на пять полковъ и поставилъ полковниковъ въ Сумахъ, Охтырцѣ, Харьковѣ, Узюмѣ и Рыбномъ, позволивши имъ судитися своими правами и надалѣ волности яко и войску Запорожскому, и такъ нѣбы муромъ (стѣною) оградилъ противъ Татаръ людомъ довольно звичайнымъ и военнымъ“ (Гребенка) ¹⁾. Московское правительство охотно и съ радостію принимало на свою окраину новое населеніе; щедро одаряло его землями и угодьями, правами самоуправленія на началахъ казачества и даже оказывало ему въ весьма многихъ случаяхъ матеріальную помощь для перваго обзаведенія. Правительство требовало отъ черкасъ только вооруженной защиты окраины противъ крымскихъ татаръ.

Не послѣднюю роль въ колонизаціи нашего края играли Черкаскіе священники, часто становившіеся во главѣ переселенцевъ и съ усердіемъ обстраивавшіе новыя селенія храмами Божіими. Таковъ былъ въ половинѣ XVII в. священникъ Чижевскій, который вмѣстѣ съ своими черкасами вышелъ изъ-за Днѣпра, населилъ часть г. Лебедина и былъ строителемъ самаго древняго въ нашемъ краѣ и сохранившагося до нашихъ дней св. Николаевского храма. Однимъ изъ первыхъ „осадчихъ“ въ прежнемъ городѣ Алешиѣ во второй половинѣ XVII в. былъ священникъ Петръ Андреевъ изъ мѣстечка Польской стороны Браилова: онъ бѣжалъ оттуда изъ-за гоненія уніатскаго, забравши съ собою приходскія святыни.

¹⁾ Архіеп. Филаретъ. Истор. ст. опис. I, стр. 7.

Въ концѣ XVII в. нѣкій священникъ Склобинскій изъ-за Днѣпра привелъ черкасъ и поселился съ ними въ Ольшаной (Харьк. у.) и былъ устройтеlemъ здѣсь одной изъ древнѣйшей въ краѣ Николаевской церкви.

Въ Февралѣ 1747 года священникъ Григорій Зиновьевъ писалъ къ архипастырю: „1728 г. Января 9 рукоположеніемъ первыя Далматин и св. горы Аѳонскія Преосвященнаго Хрисанва епископа, посвященъ я въ Бѣлоцерковский уѣздъ въ мѣстность пана Станислава Яблонскаго въ село Качальникъ къ церкви св. мученицы Параскевы и служилъ я до 9 Дек. 1745 г. и отъ нестерпимаго гоненія отъ тамошнихъ уніатовъ, что учили принуждать меня къ своей уницкой вѣрѣ, которой принять я не пожелалъ, за что они уніаты, отобравъ всѣ мои пожитки, хотѣли меня убить до смерти, а попадью и дѣтей позабирать въ Польшу; я вѣдя таковую похвалбу принужденъ оставя ту Пятницкую церковь и домъ свой, въ ночи тайно съ попадью и дѣтьми бѣжалъ въ Россію, гдѣ господинъ караульный капитанъ далъ мнѣ билетъ Ахтыр. полку села Писаровки въ мѣстности Бунчуковаго товарища Василія Ивановича Кобеляцкаго, обыватели атаманъ Семень съ прочими просятъ меня къ ихъ церкви св. Іоанна Воина для служенія“...

Въ 1686 году Дергачевскій попъ Іаковъ подавалъ челобитную о дарованіи ему руги, въ коей писалъ: „въ прошлыхъ годахъ былъ онъ въ Чигиринѣ у соборныя церкви чудотворца Николая въ верхнемъ замкѣ протопопомъ. И какъ Чигиринъ городъ разорился, и онъ послѣ того разоренья для прокормленья билъ челомъ въ Бѣлгородѣ преосвященному Мисаилу митрополиту, чтобъ отвелъ мѣсто, гдѣ построить церковь. И онъ вновь церковь построилъ во имя Рождества Пресв. Богородицы. А ружнаго жалованья и по се число не давано“... Главная роль священника въ построеніи первыхъ церквей въ колонизаціонный періодъ доказывается свидѣтельствомъ церковныхъ лѣтописей о многихъ храмахъ, что они „построенія попова“.

Переселялись въ нашъ край и иноки Заднѣпровскіе. Такъ, Іоанникій, игумень Троицкаго монастыря, прибылъ изъ-за Днѣпра въ Ахтырку со всею братією своею въ числѣ 40 человекъ, съ утварью церковною, съ книгами и даже колоколами. Лебединскій монастырь ихъ за Днѣпромъ былъ

сожжентъ; уніа и іезуиты гнали дѣтей православія въ гробъ. Оставалось бѣжать, куда только можно было бѣжать. Бѣдныя странники по царской волѣ получили для основанія обители прекрасную гору Ахтырь съ прилегающими къ ней пустопорожними землями. Это было въ 1654 г.

Черкасы—колонизаторы приносили изъ своей прежней родины въ нашъ край самые разнообразныя и многочисленныя памятники своей церковно-культурной жизни, и прежде всего свои семейныя святыни и лучшія принадлежности своихъ прежнихъ храмовъ. Слѣды и остатки этихъ занесенныхъ въ нашъ край религіозныхъ сокровищъ мы находимъ повсюду въ храмахъ и у частныхъ лицъ. Къ числу ихъ, несомнѣнно, принадлежатъ пользующіяся мѣстнымъ почитаніемъ Ченстоховскія иконы Божіей Матери. Одна изъ нихъ составляетъ древнюю святыню Вознесенскаго Хорошева монастыря. Она значительныхъ размѣровъ, древняго письма съ подписью на славянскомъ языкѣ. Принесена она была первыми поселенцами села Хорошева—черкасами—выходцами изъ Варшавскаго повѣта. Другая такая-же икона находится въ Успенской церкви сл. Верхней Сыроватки, Сумскаго уѣзда. По своему письму она очень древней работы. При основаніи этого села она была принесена въ бывшую старую деревянную церковь однимъ польскимъ шляхтичемъ по имени и фамиліи неизвѣстнымъ, изъ Ченстохова. Особенно много было принесено въ XVII в. въ нашъ край чтимыхъ иконъ Божіей Матери и Св. Николая Чудотворца, слывшихъ потомъ въ храмахъ главными святынями. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ въ Успенской церкви сл. Балаклеи, Зміевского уѣзда—икона Божіей Матери Кипрской (въ мѣстномъ нарѣчій Скиѣской). Она малорусско-греческаго письма на золотѣ, по всѣмъ деталямъ изображенія и характеру работы должна быть относима къ XVI в.: въ Балаклею принесена изъ-за Днѣпровья Черкасами въ первой половинѣ XVII в. Первыми Черкасскими иноками бывшей въ XVII—XVIII вв. Аркадіевской пустыни (Волчанскаго уѣзда) была принесена Аркадіевская икона Божіей Матери и весьма рѣдкая по письму икона св. Николая Чудотворца писанная на камнѣ.

Величайшая святыня Харьковскаго края Озерянская икона Божіей Матери, по предположенію Архіеп. Филарета, также Заднѣпровскаго происхожденія. „Она, по его словамъ,

писана на холстѣ кистію древняго малороссійскаго художника; на холстѣ примѣтны еще складки—слѣды путевого храненія святыни. Бсѣ эти особенности подають мысль, что святая икона писана однимъ изъ страдальцевъ православія, орошавшимъ слезами молитвы изображаемый имъ ликъ Богоматери и взывавшимъ о помощи небесной для гонимыхъ чадъ православія, и что она принесена была изъ-за Днѣпра¹⁾ Проф. Е. К. Рѣдинъ не находитъ достаточныхъ данныхъ для этого послѣдняго заключенія. Мы же полагаемъ, что заднѣпровское происхожденіе иконы доказыается древнѣйшими копіями ея, одна изъ коихъ имѣется въ Епархіальномъ Церк.-Арх. музеѣ²⁾, въ которыхъ отмѣчается характеръ украино-молдавской иконописи.

Въ сл. Андреевку, Зміевского уѣзда, въ половинѣ XVII в. была принесена для храма Черкасами характерная для южно-русскаго иконописнаго мастерства икона Благовѣщенія. На ней Богородица изображена сидящею на тронѣ. У нея округлое красивое лицо. Голова Ея покрыта бѣлымъ покрываломъ, спускающимся на плечи и идущимъ вокругъ шеи. Одѣта Она въ красивый хитонъ препоясанный и въ голубой гиматій. Сзади нея балдахинъ съ красивымъ верхомъ и зелеными завѣсами. Предъ Богородицей столъ, на которомъ сосудъ съ букетомъ цвѣтовъ и книга, раскрытая на словахъ: „Величитъ душа моя Господа и возрадовася духъ мой“... Слѣва Архангелъ Гавріилъ, на которомъ, какъ на діаконахъ западныхъ иконъ, три одежды: нижняя длинная зеленая, верхняя короткая желтая и поверхъ малиновая съ золотыми обшивками по краямъ, сдерживаемая на груди фибулой. Правую руку онъ поднимаетъ вверхъ, а въ лѣвой держитъ лилію. Верхняя часть иконы окрашена въ желтый цвѣтъ. На ней Богъ Отецъ и Св. Духъ въ видѣ голубя. По обѣимъ сторонамъ по парѣ херувимскихъ головокъ на облакахъ³⁾. По характеру работы (замѣчательная выписка всѣхъ деталей, вравильность фигуръ), по композиціи, по особенностямъ костюмовъ и другимъ нѣкоторымъ деталямъ—икона совершенно въ духѣ древне-нѣмецкихъ картинъ XVI—XVII в. Въ дѣйствительности же она, вѣроятно, представляетъ подражаніе такимъ

¹⁾ Архіеп. Филаретъ. Ист. Стат. Опис. Харьк. епархіи, 7. 41.

²⁾ № 427.

³⁾ Университетскій Музей. Отдѣлъ церк. древностей, № 109.

иконамъ и писана, какъ полагаетъ проф. Е. К. Рѣдинъ, въ XVII в. Мы отмѣтили въ подробностяхъ особенный характеръ этой занесенной къ намъ иконы въ виду того, что она, какъ и другія подобныя, создавали у насъ, среди слободскихъ черкасовъ, вкусъ къ подобнаго рода творчеству и давали направлѣніе работамъ мѣстныхъ иконописцевъ. Изъ-за Днѣпровья же проникаетъ въ нашъ край и становится здѣсь очень распространенной икона Лоретской Божіей Матери. Русскіе могли познакомиться съ этимъ католическимъ образомъ не раньше XVI в. Впервые они, повидимому, узнаютъ о Лоретскомъ храмѣ и его святынь послѣ 1524 г. при папѣ Климентѣ VII, который рекомендовалъ московскимъ посламъ проѣхать въ Лорету и осмотрѣть дивный храмъ. Тотъ же папа, по предположенію проф. А. И. Кирпичникова, позаботился о томъ, чтобы имъ передана была его чудесная исторія, которую послы записали и привезли на Русь, гдѣ она и начала бродить по сборникамъ XVI—XVII в.¹⁾ Въ слободской Украинѣ эта икона распространилась непосредственно чрезъ Польшу, какъ на то указываетъ живописный стиль списковъ ея. Она въ древнѣйшія времена имѣлась въ церквахъ сл. Котельвы, Млинковъ, Ахтырскаго уѣзда, Лихачевки, Богодух. у., Алешни, Лебед. у. и др.

Чрезвычайно цѣнными памятниками являются иконостасы и главнымъ образомъ „мѣстныя“ иконы, во множествѣ принесенныя въ нашъ край черкасами изъ прежней своей родины. Не имѣя возможности забирать съ собою на новое поселеніе громоздскія иконостасы, черкасы часто перевозили съ собою лучшія, художественнѣйшія и драгоценнѣйшія иконы перваго яруса—Спасителя, Божіей Матери, престольную и чтимаго святаго. Установленныя въ новомъ храмѣ нашего края, онѣ съ первыхъ же временъ и до настоящихъ дней пользовались среди населенія славой „прадѣдовскихъ“, „казацкихъ“—принесенныхъ изъ-за Днѣпра. Изъ числа многихъ таковыхъ укажемъ на нѣкоторыя. Первое основаніе Георгіевскому храму г. Валокъ положили въ половинѣ XVII в. казаки, пришедшіе изъ Мошурова рога, что при Днѣпрѣ, принесшіе съ собою утварь церковную, ризницу и четыре главныхъ иконы изъ иконостаса своей

¹⁾ Е. К. Рѣдинъ. Каталогъ выставки XII Арх. Съѣзда въ г. Харьковѣ. Отдѣлъ церк. древностей. Харьковъ. 1902 г., стр. 35 примѣч. 1.

прежней церкви. Иконы на золотомъ рельефномъ фонѣ чистаго украинскаго типа кievской иконописи тогдашняго времени. Теперь онѣ находятся въ храмѣ этого же имени, но позднѣйшей постройки (1797 г.) и на другомъ мѣстѣ. Какъ завѣщанья старины почтенной, онѣ помѣщены въ храмѣ на особо почетномъ мѣстѣ—въ алтарѣ за престоломъ въ особыхъ кіотахъ. Несомнѣнно заднѣпровскаго происхожденія четыре иконы „мѣстныя“ имѣются въ Николаевскомъ храмѣ сл. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда,—это образа Спасителя, Божіей Матери, Св. Николая Чудотворца и Св. вм. Варвары. Онѣ написаны на липовыхъ доскахъ по золотому рельефному фону. Поясныя изображенія на нихъ почти въ натуральную величину. Характеръ работы поражаетъ тщательностію, отдѣланностію и пышнымъ наряднымъ убранствомъ. Техника иконы носить явственно черкасскій стиль. Однако въ манерѣ изображенія ликовъ, одѣяній и въ особенности наряда воликомуч. Варвары сильно сказывается католическое вліяніе. Сравнительно съ этими иконами Валковскія болѣе выдерживаютъ строгій стиль традиціи. При подробнѣйшемъ анализѣ древнѣйшей черкасской иконописи въ нашемъ краѣ можно усмотрѣть наибольшую стойкость въ сохраненіи иконописныхъ традицій у Запорожскихъ казаковъ, а наибольшее уклоненіе отъ нихъ у рядовой массы черкасъ. Эти основныя принесенныя къ намъ иконописныя теченія потомъ сказались и въ направленіи мѣстной слободско-украинской иконописи.

Вмѣстѣ съ отдѣльными иконами черкасы привозили въ нашъ край даже цѣлые иконостасы, если таковыя были небольшихъ размѣровъ. Такъ въ 1732 году Грайворонскій священникъ Проконій писалъ, что его отецъ служилъ въ Золочевѣ сперва при Троицкой, а потомъ при Богоявленской церкви, и что заботливостію отца его приобрѣтены для церкви 4 колокола, а пятый привезъ онъ съ собою изъ г. Машурова и еще привезъ иконостасъ, напрестольную сѣнь и богослужебныя книги ¹⁾. Какъ изъ даннаго документа, такъ и изъ другихъ источниковъ видно, что въ то время привозилось черкасами немало церковныхъ колоколовъ, конечно, небольшихъ размѣровъ. Такъ, въ старинной описи Николаевской

¹⁾ Архіеп. Филаретъ, Ibid., II, 134—135.

церкви сл. Синолицовки, Харьк. у., упоминаются 4 колокола старо черкасские: все съ деревянными колодками желѣзомъ окованными, заднѣпровскаго происхожденія.

Кромѣ вышеуказанныхъ предметовъ, черкасы привозили въ нашъ край изъ прежнихъ своихъ храмовъ весьма много крестовъ металлическихъ и кипарисовыхъ, напрестольныхъ и молебныхъ и священныхъ сосудовъ, изъ коихъ нѣкоторые были издѣліями высоко-художественнаго мастерства. Едва ли не самымъ древнимъ изъ этихъ предметовъ является замѣчательный напрестольный серебряный крестъ, очень значительной длины, по надписи устроенный въ 1546 году и принадлежавшій знаменитому Черниговскому полковнику, впослѣдствіи гетману, Павлу Полуботку и имъ „наданный“ въ Рождество-Богородичную церковь с. Михайловки, Лебед. у. Изъ множества другихъ такихъ крестовъ, сохранившихся до нашихъ дней, упомянемъ о крестѣ Троицкой церкви сл. Котельвы. Онъ четырехконечный, серебряный, позлащенный, прекрасной работы XVII в., несомнѣнно, по западнымъ образцамъ. Вывезенъ изъ-за Днѣпровья, гдѣ принадлежалъ какой-то церкви Успенія. Изображенія сдѣланы гравировкой по серебру. На одной сторонѣ изображенъ Христосъ, стоящій въ рѣцѣ со сложенными на груди на крестъ руками. У Христа небольшая остроконечная раздвоенная борода. По концамъ перекрестья съ одной стороны Св. Іоаннъ Предтеча, съ другой Архангелъ Михаилъ съ вѣтвью въ рукѣ. Надъ Христомъ рельефное изображеніе Св. Духа въ видѣ голубя. Надписи такого содержанія: „Дхъ Сты крещается Ісоусъ мой во іорданстей рѣцѣ леге, просвѣщая всю тварь“; надъ Предтечей: „стый Іоанъ предтеча креститель гднѣ раба“; надъ Ангелами: „Арханге Михаилъ“; въ нижней части креста: „нада сей крестъ рабъ божій Григорій Поповичъ до храму Оупенія Прстой Бцы за отпушеніе грѣховъ“. На оборотной сторонѣ тѣмъ же способомъ изображено Распятіе Христа на семиконечномъ крестѣ; въ верхней части креста Успеніе Богородицы въ обычномъ переводѣ, въ нижней части головка Херувимская, въ перекрестѣ, по сторонамъ креста Богородица и Іоаннъ печалующійся. Каждый конецъ креста заканчивается тремя полукругами. Ручка креста вставляется въ основаніе подножія серебрянаго, на которомъ орнаментъ

въ видѣ медальончиковъ ¹⁾. Крестъ съ древнихъ временъ хранился въ Троицкой церкви сл. Котельвы, Ахтырскаго у. Преданіе говоритъ, что крестъ поступилъ изъ дому гетманскаго. Изъ гетмановъ Поповичемъ назывался несчастный гетманъ Самуйловичъ. Сынъ его Григорій, полковникъ Черниговскій и герой отчины, по проискамъ Мазепы, заклятаго врага его, лишень былъ головы въ Путивлѣ, а женѣ и се-страмъ его дозволено было жить въ Малороссіи. По предположенію Архіеп. Филарета эта-то несчастная, осиротѣлая семья подала крестъ съ молитвою за раба Божія Григорія.

Изъ дошедшихъ до насъ древнихъ свящ. сосудовъ потировъ и даро-хранительницъ многія носятъ признаки Запѣпровскаго своего происхожденія: изъ таковыхъ потировъ одни древнѣйшей и примитивной формы XVI—XVII в.в., а другіе позднѣйшаго мастерства западно-европейскаго. Къ числу первыхъ надобно отнести оловянный массивный потиръ, принесенный нѣкогда въ Преображенскую церковь г. Бѣлополя ²⁾. Перво-бытная примитивность его выражается въ гладкомъ поддонѣ, ровной массивной ручкѣ и въ большой воронкообразной глубокой чашѣ. Въ коллекціи потировъ Университетскаго и Епархіальнаго Музеевъ это экземпляръ единственный по типу и грубой простой работѣ. Привезень былъ Черкасами изъ-за Днѣпровья въ с. Юнаковку, Сум. у., оловянный потиръ, обыкновенной формы, но большихъ размѣровъ: выс. 15½ см., діаметръ чаши—13 см., основанія—13 см. По стѣнкамъ сосуда въ медальонахъ и гравировкой, покрытой черной краской: Христосъ Вседержитель, Іоаннъ Предтеча, восьмиконечный крестъ. Между медальонами Херувимскія головки, звѣзды. Низъ подножія мѣдный, какъ и средняя часть ручки. По верхнему бордюру чаши: „імя гднѣ призову чашу спасенія приму“. Несомнѣнно вывезень былъ въ XVII в. изъ-за Днѣпра, потиръ находящійся въ настоящее время [въ Соборной церкви г. Изюма. Это—сосудъ серебряный, весь позолоченный, оригинальной формы католическихъ церквей. Сама чаша продолговатой формы. Ручка небольшая. На ней, какъ и на противоположномъ цилиндрѣ, орнаментъ словно выгравированъ, вѣрнѣе вычеканенъ. Характеренъ

¹⁾ Епарх. Церк. Арх. Музей, № 96-й.

²⁾ Епарх. ц.-арх. Музей, № 107.

орнаментъ по подножію, представляющему собою блюдо въ обернутомъ положеніи, состоящій изъ Херувимскихъ головокъ съ широко распростертыми крыльями, и цвѣточныхъ рельефныхъ гирляндъ. По бокамъ сосуда изображенія также католическаго характера, — гравировкой въ медальонахъ: 1) крестъ восьмиконечный съ копьемъ и губкой, вѣнцомъ терновымъ, вѣтухомъ на колоннѣ и видомъ города, 2) Христосъ въ бассейнѣ, прикрытый лишь по чреслу; изъ рукъ и изъ ребра течетъ кровь; лицо грубоватое, 3) Богородица на лунѣ со скрещенными на груди руками: Ея грудь пронзена семью мечами. По бордюру надпись: „Сей путиръ ко чтному и животворящему кресту Христову тѣло Христово примѣте источника безсмертнаго вкушѣте алуя“.

Къ числу привезенныхъ изъ гетманщины историческихъ реликвій принадлежитъ также еще и другой драгоцѣнный памятникъ, связанный съ именемъ знаменитаго гемтана Полуботки. Это—серебрянный позолоченный потиръ оригинальной формы. Самый сосудъ продолговатой формы соединенъ съ подножіемъ при посредствѣ шести металлическихъ полукруглыхъ завитковъ, передняя сторона которыхъ украшена литыми человѣческими фигурами въ бюстѣ. По стѣнкамъ сосуда снаружи прорѣзной цвѣточный орнаментъ съ четырьмя выпуклыми медальонами, на которыхъ гравировкой сдѣланы весьма мелкія изображенія: Поклоненіе волхвовъ, положеніе Христа во гробъ, Воскресеніе Христово, Преображеніе; между медальонами среди прорѣзного орнамента различныя орудія страстей. Подножіе украшено рельефнымъ орнаментомъ въ видѣ завитковъ аканта и шестью Херувимскими головками. По бордюру подножія гравировкой вырѣзана слѣдующая надпись: „Сей келихъ справленъ коштомъ Его милости пана Павла Полуботки Полковника войска Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго Чернеговскаго... И наданъ до храму Вознесенія Господня церкви Застри... женско Чернеговской року 1713 мѣсяца апрѣля 4 дня“. Въ настоящее время эта историческая и художественная драгоцѣнность находится въ ц. сл. Михайловки Лебединскаго у., поступившая сюда изъ семейства гр. Капнистъ.

Значительное церковное богатство, привезенное изъ за Днѣпровья, составляли также многочисленныя старопечатныя богослужебныя книги, какъ-то: Библіи, напрестольныя Еван-

гелія, Требники, тріоди и трифологіи и проч. Евангелія были въ разнообразныхъ окладахъ металлическихъ и бархатныхъ. На многихъ изъ этихъ книгъ имѣются по листамъ внизу длинныя дарственные записи, связанныя съ задѣлкомъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно Евангеліе Львовской печати 1636 г., находящееся въ Харьковскомъ Каѳедральному Соборѣ. Начиная со 2-го листа Евангелія по низу его идетъ слѣдующая сдѣланная отъ руки надпись, немного поврежденная обрѣзомъ переплета: (Молитвами) Преподобнословенной владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ. Аминь. Сію книгу рекомаа Евангеліе на престольное... Борзенскій обыватель Плисецкій до Храму Святого архистратига Михаила церкви Плисецкой въ Маестности... старосты Рожанско хоружого Коронного на дворно кроля его милости отменилъ за отпущеніе грѣховъ своихъ жонке своеа на има Екатерины и дочки его Пелагійи и всѣхъ родичовъ его имае лежати на трапези Господне не порушна... 1648 мѣсяца февруарія господня двадцать третьяго дня на святаго Священномученика Поликарпа“. Дальнѣйшая другая надпись гласитъ, что послѣ попаденія Арх.-Михайловскаго храма въ селѣ Плисекахъ это евангеліе отдано въ церковь Успенія въ 1659 году „при Тимофеѣ атаманѣ Харьковскомъ“. Завезенныя книги — различныхъ изданій, временъ и типографій. Имѣются даже рѣдкія изданія Уневскія, Острожскія и Михаила Слезки. Наибольшую библіографическую цѣнность представляютъ экземпляры Библии Острожскаго изданія 1581 г. (въ Покровскомъ монастырѣ г. Харькова, сл. Ольшаной Харьк. у., и въ др.).

Наконецъ, къ числу церковныхъ памятниковъ старочеркасскихъ временъ, явившихся изъ Малороссіи въ нашъ край въ эпоху его заселенія, надобно отнести во 1-хъ дарованныя гетманами свящ. облаченія и во 2-хъ покрывала задѣлкомъ происхожденія. Сохранились до нашихъ дней великолѣпныя дары гетмана Ивана Мазепы: это — въ церкви сл. Каплуновки, Богодух. у., священническая риза зеленаго бархата съ вышитымъ золотымъ оплечьемъ и епитрахиль краснаго бархата съ такимъ же шитьемъ и въ бывшей Николаевской церкви зашт. г. Недригайлова — плащаница на синемъ шелку, обшитая въ позднѣйшее время ко-

ричневой шелковой каймой ¹⁾). По обычаю запорожских казачков и слободские первые черкасы жертвовали въ свои храмы покрывала изъ матерій вывезенныхъ изъ-за Днѣпровья. Такъ, въ Рождество-Богородичной церкви сл. Юнаковки, Сум. у. сохранились покрывала для аналогіевъ изъ полушелку, расцвѣченнаго полосами голубыми между красно-желтыми. Подобныя ткани дѣлались въ Луцкѣ Волынской г. и служили національными поясами. По мнѣнію проф. Е. К. Рѣдина, пелены оттуда вывезены черкасами, заселившими Юнаковку ²⁾). На покрывала же жертвовались черкасами и татарскіе пояса, добытые ими по всей вѣроятности въ бояхъ. Такъ, въ Николаевской церкви сл. Спѣваковки, Изюмского уѣзда, сохранились отъ первыхъ временъ заселенія края три пояса великолѣпнаго персидскаго шелка: малиноваго, желтаго и красно-желтаго цвѣтовъ, при чемъ послѣдній съ мелкими восточными рисунками, составленными изъ звѣздочекъ черныхъ, красныхъ и голубыхъ и напоминающими персидскіе инкрустаціи и кафельные изразцы ³⁾).

Изъ всего вышеприведеннаго видно, что Юго-западная, заднѣпровская церковь наложила рѣзкую печать на церковно-общественную жизнь Слободской Украины. Это вліяніе оказалось столь сильнымъ и прочнымъ, что просуществовало 21½ вѣка и многіе пережитки его можно наблюдать еще даже и теперь. По словамъ проф. Д. И. Багалѣя, выходцы изъ правобережной Малороссіи приносили съ собою на слободы свои „старочеркасскія обыкности“, т. е. старинные малороссійскіе обычаи и въ числѣ ихъ видное мѣсто занимали ихъ церковныя особенности. Среди же этихъ послѣднихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить живое участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ, нашедшее себѣ выраженіе въ выборѣ прихожанами священно и церковно-служителей и въ учрежденіи братствъ, школъ и шпиталей (т. е. богадѣленъ). Все это было перенесено и на новыя мѣста ихъ жительства и заботливо охранялось ими въ качествѣ стариннаго дѣдовскаго и прадѣдовскаго церковнаго обычая. Какъ мы видѣли выше, черкасы переселялись въ нашъ край вмѣстѣ со своими прежними священниками и дьячками. Да и на первыхъ

¹⁾ Епарх. Церк.-Арх. Музей, № 245.

²⁾ Университ. Музей, Церк. отдѣлъ, № 558.

³⁾ Епарх. Церк.-Арх. Музей, № 352—354.

порахъ приходы приглашали къ своимъ новымъ церквамъ священно церковно-служителей исключительно „малороссійской породы“. А эти послѣдніе, конечно, были самыми вѣрными и строгими проводниками церковно-народныхъ традицій. У Заднѣпровскихъ черкасъ церковно-художественная культура представляла собою вполнѣ уже выработанный и установившійся типъ съ задатками дальнѣйшаго развитія. Этотъ церковно-культурный духъ черкасовъ отразился на всѣхъ сторонахъ новоустроенной ихъ жизни въ Слободской Украинѣ.

Конечно, наиболѣе интенсивно онъ выразился прежде всего въ построеніи церквей въ новыхъ черкасскихъ поселеніяхъ нашего края и во всемъ связанномъ съ этимъ строителствомъ: въ самомъ архитектурномъ планѣ церквей, въ характерѣ живописи украшавшей ихъ, въ иконахъ, иконостасахъ, и вообще въ многочисленныхъ предметахъ церковнаго ритуала, религіознаго искусства и художественной индустріи.

VI.

Памятники церковнаго строительства слободскихъ Черкасъ XVII—XVIII в.в.

Черкасы быстро заселили Харьковскій край. Главные пункты, скоро превратившіеся въ города, были ими заселены въ половинѣ XVII в. Кромѣ городовъ, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ Московской колонизаціи, хотя вскорѣ и занятыхъ исключительно черкасскимъ элементомъ,—Чугуева, Цареборисова, Алешни, Валокъ, Вольнаго, и Недригайлова,—остальные были устроены и заселены черкасами въ слѣдующіе годы: Харьковъ—въ 1654—1655 подъ предводительствомъ перваго осадчаго Ивана Каркача, Изюмъ—въ 1663, Зміевъ—въ 1653—1657, Богодуховъ въ 1654—1667, Лебединъ—въ 1658, Сумы—въ 1652, Ахтырка—въ 1654, Купянскъ—въ 1662, Волчанскъ—въ 1674, Бѣлополье—въ 1671, Славянскъ (Торъ) въ 1676 и Старобѣльскъ—въ 1686 г. Въ это же время вокругъ ихъ быстро расселялись черкасы, занимая свободныя земли „заимками“ и устраивая слободы и хутора. Окончательно черкасы колонизовали край въ періодъ времени съ 1652 по 1712 годъ.

Мѣстность Слободской Украины, гдѣ селились черкасы, была открыта для татарскихъ набѣговъ. Это обстоятельство заставляло переселенцевъ спѣшить съ постройкою хотя какихъ нибудь укрѣпленій. Иногда поэтому должны были возникать у черкасъ временныя ограды. Постройка настоящаго города и городскихъ укрѣпленій далеко не всегда совпадаетъ съ появленіемъ въ томъ или иномъ урочищѣ малороссіянъ. Постройка города и укрѣпленій обыкновенно происходила подъ руководствомъ присланнаго воеводы—иногда трудами и иждивеніемъ однихъ переселенцевъ, а иногда при содѣйствіи другихъ слободскихъ казаковъ или великорусскихъ служилыхъ людей. Слободы обыкновенно устраивались одними черкасами. На первыхъ порахъ, какъ полагаетъ проф. Д. И. Багалъй, воевода считался необходимымъ представителемъ центральной власти и руководителемъ въ дѣлѣ постройки укрѣпленій. Впослѣдствіи же роль воеводъ начинаютъ играть представители мѣстнаго казацкаго управленія—полковники. Фактически же завѣдывали постройкой и заселеніемъ новыхъ городовъ и слободъ всегда „осадчіе“. Несомнѣнно, что такіе осадчіе были въ каждомъ вновь возникающемъ городѣ или слободѣ. Большое значеніе осадчихъ рельефно проявляется, напр., въ разрѣшительномъ письмѣ, данномъ на имя Волчанскаго осадчаго Старочуднаго. Ему было разрѣшено „построить городъ, заселить слободы, села и деревни, учинить крѣпости около города отъ прихода воинскихъ людей и по причиннымъ мѣстамъ сторожи“¹⁾.

Изъ первыхъ черкасскихъ осадчихъ намъ извѣстны нѣкоторые обширною своею колонизаторскою дѣятельностію на значительной территоріи. Замѣчательны были труды въ этомъ отношеніи балаклейскаго полковника Якова Черниговца, Харьковскаго полковника Григорія Донецъ-Захаржевскаго, Сумскаго полковника Герасима Кондратьева и Изюмскаго полковника Теодора Шидловскаго. Устраивая города, заселяя урочища вызываемыми переселенцами, они всюду въ основу новыхъ поселеній созидали храмы Божіи. Конечно, главными строителями храмовъ они были прежде всего въ своихъ собственныхъ обширнѣйшихъ владѣніяхъ. Очень рельефно изображена колонизаторская дѣятельность полковника Герасима Кондратьева въ прошеніи сумскихъ стар-

¹⁾ Д. И. Багалъй. Очерки по исторіи колонизаціи, стр. 442—443.

шинъ на Высочайшее имя въ 1731 году: „Въ прошлыхъ годахъ Герасимъ Кондратьевъ пришелъ изъ-за днѣпровскихъ городовъ подъ Высокодержавную руку блаженія и вѣчно достойнїа памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца и оселъ жить на пустомъ мѣстѣ промежъ Бѣлгородской и Путивльской чертежи надъ рѣкою Сумкою, которыми мѣстами хожевали крымскіе и нагайскіе татары подъ украинскіе и великорусскіе города для разоренія и призвалъ онъ Герасимъ Кондратьевъ дедовъ и отцевъ и родственниковъ нашихъ и другихъ многое число изъ Заднѣпровскихъ и изъ гетманскихъ городовъ жителей по вѣрности Россійскому государству и населилъ первіе городъ Суми, а потомъ къ городу Сумамъ многие города и села и деревни и устроилъ полки и монастыри и церкви Божїа; и за то онъ Герасимъ Кондратьевъ въ томъ городѣ Сумахъ полковникомъ“¹⁾... Усердіе его въ устройствѣ храмовъ было чрезвычайно. Такъ онъ основалъ и обстроилъ подъ г. Сумами два монастыря: мужской Успенскій (нынѣ с. Малая Чернетчина) и женскій Іоанно-Предтеченскій (сл. Лука), въ городѣ Сумахъ устроилъ Преображенскій Соборный и Николаевскій храмы, а также храмы въ своихъ владѣніяхъ—въ селахъ: Старомъ, Хотѣни, Локнѣ и Вырахъ. Ревностнымъ храмоздателемъ былъ и Харьковскій полковникъ во второй половинѣ XVII в. Григорій Іерофеевичъ Донецъ-Захаржевскій: ему обязаны возникновеніемъ Куряжскій монастырь и первые храмы въ селахъ его владѣній—Должикѣ, Rogozянкѣ, Новой Водолагѣ, Малой Водолажкѣ, Старой Водолагѣ и Песочинѣ. Изюмскій полковникъ Ѳ. В. Шидловскій былъ строителемъ каменнаго соборнаго храма въ 1678 г. въ Святогорскомъ монастырѣ, а также храмовъ въ с. Гнилицѣ (Ивановкѣ), Старомъ Мерчикѣ и др.

Благочестивые и преданные своей вѣрѣ черкасы при устройствѣ своихъ новыхъ поселеній также проявляли интенсивную дѣятельность въ храмоздательствѣ: въ этомъ дѣлѣ во главѣ ихъ стояли осадчіе, старшины, сотники и особенно, какъ мы уже говорили, Заднѣпровскіе священники. Поселяясь возлѣ укрѣпленныхъ городковъ, большею частію на такъ называемыхъ „подолахъ“, они одновременно съ крѣ-

¹⁾ Харьк. Истор. архивъ, Дѣло Малорос. Коллегіи № 12224.

постными храмами возводили свои подгородніе, посвящая ихъ тѣмъ святымъ, въ честь которыхъ были ихъ Заднѣпровскіе храмы. Такимъ образомъ уже при первомъ устройствѣ въ нашемъ краѣ городовъ появлялось въ нихъ сразу три, пять и больше храмовъ. Въ Харьковѣ, основанномъ въ 1654 году, уже въ 1659—существуютъ кромѣ Соборнаго Успенскаго храма еще Благовѣщенскій и Троицкій, а въ 1663—Михайловскій, Рождественскій и Николаевскій. Въ то тревожное время безопасность такихъ храмовъ обезпечивалась крѣпостными силами этихъ городовъ. Но черкасы не боялись возводить храмы и во всѣхъ своихъ селеніяхъ, хотя бы удаленныхъ на значительное разстояніе отъ укрѣпленныхъ городовъ и стоявшихъ на татарскихъ сакмахъ: эти свои селенія черкасы превращали въ малыя крѣпостцы, придавая защитный и боевой характеръ даже своимъ церквамъ и особенно колокольнямъ. Бывало иногда, что черкасы свое сельбище съ перваго занятаго мѣста потомъ переносили на мѣсто удобнѣйшее и защищенное лучше прежняго. Частыя набѣги татарскіе и пожары заставляли ихъ вновь обстраиваться. Храмы нерѣдко въ то время страдали и отъ ударовъ молніи. Всѣ эти обстоятельства были причиною чрезвычайнаго развитія тогда у слободскихъ черкасъ строительской дѣятельности и строительнаго искусства. Этому помогало обиліе великолѣпнаго строительнаго матеріала въ видѣ дремучихъ лѣсовъ по берегамъ рѣкъ Слободской Украины съ самою разнообразною растительностію. Черкасы безъ затрудненій и безъ всякихъ тратъ брали изъ своихъ лѣсныхъ заимокъ вѣковые дубы и сосны для личныхъ построекъ и храмовъ, а мощныя липы для всевозможныхъ разныхъ работъ: домашнихъ хозяйственныхъ предметовъ и въ особенности церковныхъ украшеній. Рѣзьба изъ липоваго дерева достигала у нихъ изумительнаго совершенства. Объ этомъ свидѣлствуютъ нѣкоторые дошедшіе до нашихъ дней иконостасы въ цѣломъ или въ частяхъ, кіоты, аналои, рамы, кресты, блюда и даже чаши. Сравнивая иконостасную рѣзьбу XVII в., сохранившуюся въ нашемъ краѣ, съ рѣзьбой иконостаса Козелецкаго собора, Черниговской губерніи, заграничной работы половины XVIII в., невольно отдаешь преимущество первой по чистотѣ и мастерству въ воспроизведеніи красотъ растительныхъ узоровъ: лиственныхъ и фруктовыхъ.

Эти же обстоятельства именно въ нашемъ краѣ создавали среди престо народныхъ строителей удивительныхъ зодчихъ—самородковъ. Уже въ Черкасскомъ Заднѣпровьи былъ выработанъ народнымъ творчествомъ свой излюбленный типъ храмовъ, иконописи и орнаментальной рѣзбы, какъ объ этомъ свидѣтельствуеъ діаконъ Павелъ Алеппскій. Это народное, черкасское церковное искусство нашло свое выраженіе главнымъ образомъ въ устройствѣ деревянныхъ храмовъ и въ нашемъ краѣ. Имена зодчихъ, строившихъ здѣсь первые деревянные храмы, остались для насъ неизвѣстными, за исключеніемъ одного изъ нихъ, слава о которомъ распространилась далеко за предѣлами нашего края. Это Якимъ Погребнякъ, уроженецъ села Новой Водолаги, Валковского уѣзда. Правда, онъ жилъ въ XVIII в. Но въ немъ, такъ сказать, исторически сконцентрировалось то зодческое творчество, которое долгимъ временемъ уже до него накоплялось въ строительствѣ черкасъ нашего края. Съ его именемъ связана постройка замѣчательнаго храма у Запорожскихъ казаковъ въ г. Самарѣ (нынѣ Новомосковскѣ), Екатеринославской губерніи. Исторію этой постройки, косвенно характерной и для нашего края, передадимъ словами изслѣдователя Запорожья Д. И. Эварницкаго.

„О построеніи новой церкви въ г. Самарѣ сохранились и письменныя данныя, и изустныя преданія. Преданія говорятъ, что, рѣшивъ построить вмѣсто старой новую церковь, запорожскіе казаки вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшили, что въ сооружаемомъ храмѣ не должно быть ни одного желѣзнаго гвоздя, потому что „не годится въ храмѣ Спасителя, распятаго на крестѣ и прибитаго къ нему желѣзными гвоздями. вбивать въ дерево желѣзные гвозди, а нужно въ бревна вставлять деревянные тыбли и на нихъ крѣпить основу церкви“. Вслѣдъ за тѣмъ тѣже преданія рассказываютъ, какъ происходилъ совѣтъ и построеніе новой церкви. Дѣло было въ лѣтній воскресный день, послѣ обѣдни: у ктитора Якова Легкого собрались въ саду подъ развѣсистой яблоней паланочный сердюкъ, асаулъ, подъясаулій, писарь, подписарій, шафирь самарскаго перевоза, протопопъ города, нѣсколько священниковъ, начальникъ Самарско-Николаевского монастыря и нѣсколько почетныхъ обывателей города. На раду приглашенъ былъ мастеръ Якимъ Погребнякъ. Почетные

„батьки“ сперва недовѣрчиво отнеслись къ мастеру, который былъ человѣкъ непоказный и вдобавокъ рыжій. Но потомъ, когда мастеръ „намалювалъ“ въ самомъ саду на дорожкѣ фигуру церкви, „батьки“ повѣрили его опытности и рѣшивъ строить храмъ „на девять баштъ или куполовъ, на три башты въ рядъ со всѣхъ четырехъ сторонъ“; при чемъ однако „батьки“ долго не могли понять того, что хотя верхъ церкви будетъ изъ четырехъ сторонъ и на каждой сторонѣ по три башты, но всѣхъ баштъ выйдетъ не 12, а 9; „батьки“ забывали, что четвертая сторона входила въ счетъ баштъ, бывшихъ въ счету въ трехъ первыхъ сторонахъ, отчего и выходило всѣхъ баштъ не 12, а 9. Когда, въ концѣ концовъ, это было понято, то „батьки“ заключили съ мастеромъ контрактъ, на основаніи котораго онъ обязывался устроить въ Самарѣ деревянный соборъ о девяти баштахъ кругомъ, за что паланка должна была выдать ему 2000 рублей. Послѣ совершенія контракта мастеръ изъ договорной суммы добровольно уступилъ 24 рубля на поминъ собственной души. Уже было заключено условіе, уже прошло нѣсколько времени, уже приближалася пора и приступить къ постройкѣ собора, какъ вдругъ мастеръ усумнился въ собственномъ искусствѣ и убѣжалъ въ Самарскіе камыши. Тамъ онъ скрывался до тѣхъ поръ, пока однажды, во снѣ, не явился ему сѣдой старичекъ, Св. Николай Чудотворецъ, и не показавъ на дѣлѣ, какъ нужно строить задуманный храмъ. Мастеръ очнулся отъ своего видѣнія, тотъ же часъ сдѣлалъ изъ „оситнягу“ модель церкви, потомъ явился въ городъ, разсказалъ „батькамъ“ о своемъ видѣніи и послѣ того приступилъ къ постройкѣ церкви. Вся церковь, кромѣ каменнаго фундамента, сооружена была изъ дубоваго и сосноваго лѣса, доставленнаго изъ сосѣдняго Самарскаго лѣса и сложеннаго при помощи тыблей, т. е. шиповъ между бревнами, и замковъ, т. е. особо вырѣзанныхъ связей по концамъ бревенъ. Храмъ оконченъ былъ въ 1778 г. Общая стоимость постройки собора, кромѣ колокольни, обошлась въ 16.785 рублей и 71 к. Самарскій соборъ, по красотѣ, великолѣпію и „смѣлой до дерзости“ постановкѣ считался у козаковъ чудомъ на все Запорожье. Архитектура его, однако, проста: мастеръ не далъ ей ни колоннъ, ни вѣшнихъ украшеній. Снаружи онъ обшилъ ее шелевкой и по шелевкѣ побѣлизъ

бѣлой краской; куполъ окрасилъ зеленою ярью, внутри росписалъ стѣны и своды картинами религіознаго содержанія, а иконостасъ возвелъ до сводовъ и украсилъ его великолѣпной рѣзбой съ разными фестономъ и завитками и превосходною живописью въ византійскомъ академическомъ стилѣ XVI и XVII вѣковъ (?), а также нѣкоторыми экземплярами голландской и фламандской кисти, мѣстами наложивъ на него серебряныя, позлащенные, шаты, мѣстами же отдѣлавъ тончайшею икрустаціей. Высота храма 31 сажень, объемъ 58 сажень.

За постройку грандіознаго храма мастеру Якиму Погребняку выданъ былъ Самарскимъ Запорожскимъ старшиною аттестатъ, хранящійся и по нынѣ въ томъ же храмѣ Ново-московска; тутъ же находилась и первоначальная модель его изъ „оситнягу“, только недавно распавшаяся отъ времени¹⁾.

Въ сл. Новой Водолаги, Валк. у., среди поселянъ и доселѣ распространена фамилія Погребняковъ, имѣются отрасли рода, изъ котораго происходилъ Якимъ Погребнякъ, а преданія о немъ, какъ о прославленномъ церковномъ мастерѣ, передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. По мѣстнымъ сказаніямъ Я. Погребнякъ, до постройки Самарскаго собора, выстроилъ нѣсколько церквей въ Слободской Украинѣ — трехглавыхъ и пятиглавыхъ. При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи типа нашихъ древнѣйшихъ деревянныхъ храмовъ мы увидимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ близко стоятъ къ Самарскому, какъ подготовительные образцы, а можетъ быть и собственные опыты Погребняка. Для насъ важнымъ обстоятельствомъ является то, что къ постройкѣ Самарскаго собора примѣнено было искусство, опытно выработавшееся въ церковныхъ постройкахъ нашего края XVII и первой половины XVIII вв.

Первые черкасскіе храмы половины XVII в. въ нашемъ краѣ были все деревянные. Положительно можно утверждать, что каменные храмы черкасской постройки являются только въ концѣ этого вѣка. Строятся они въ главныхъ городахъ края, хорошо защищенныхъ отъ нападений и раззореній татарскихъ. Впрочемъ ихъ было немного: таковы Покровскій и Успенскій соборный въ Харьковѣ, Георгі-

¹⁾ Д. И. Эварницкій. Исторія Запорожскихъ казаковъ. т. I, Москва, 1900 г. стр. 387—389.

гіевскій въ Куряжскомъ монастырѣ, Преображенскій въ Изюмѣ, Успенскій въ Святогорскомъ монастырѣ и Воскресенскій въ Сумахъ,—всѣ они выстроены въ періодъ времени съ 1689 по 1709 годы. Въ характерѣ постройки ихъ отразились всѣ основныя черты черкаскаго зодчества, общія и для деревянныхъ храмовъ. Каменные храмы—совершенно воспроизвели структуру этихъ послѣднихъ. Излюбленный черкасами стиль строго выдерживался во всѣхъ деревянныхъ и во многихъ каменныхъ храмахъ въ теченіе всего дальнѣйшаго XVIII вѣка. Онъ въ большинствѣ случаевъ опредѣлялся не столько вкусами мастеровъ, сколько архитектурными заданіями заказчиковъ—черкасъ. Нѣчто подобное, что было предъ постройкой Самарскаго собора, происходило и у насъ въ сговорахъ черкасскихъ громадъ съ мастерами. Въ этомъ отношеніи любопытенъ сохранившійся до нашихъ дней текстъ контракта прихожанъ Ворожбы, Лебединскаго уѣзда, съ Григоріемъ Дѣдашенко относительно постройки у нихъ храма во имя Преображенія Господня. „1769 г. іюня 14 д. мы, нижеподписавшіеся Сумской провинціи Государственной Войсковой слободы Сумской Ворожбы Покровской и Николаевской церкви священники и ктиторы и прихожане тояжъ провинціи города Сумъ жителю Григорію Ильину сыну Дѣдашенку дали сей контрактъ въ томъ, что приговорили мы его Дѣдашенку разобрать нашу Ворожбянскую церковь до основанія и изъ того разобраннаго дерева на новыхъ подвалинахъ построить вновь церковь кряжовую (крестообразную) на пять верховъ самымъ крѣпкимъ, гладкимъ и чистымъ мастерствомъ; средній срубъ заломя склепъ сдѣлать два полубанна; а на олтарѣ и другихъ трехъ по одному и три бабинца; которую всю церковь и бабинець побить гонтою и шелевкою ошелевать, какъ надлежитъ; а строить оную въ вышину въ настоящую пропорцію; ту же нашу церковь закладывать тебѣ Дѣдашеву по полученіи отъ Его Преосвященства по указу и прибыть въ Ворожбу по требованію нашему немедля ни гдѣ ни одного часа, приѣздить въ Ворожбу безъ всякихъ отговорокъ; а строить оную церковь предбудущаго 1770 г. послѣ свѣтлаго Воскресенія Христова чрезъ одну недѣлю и въ дѣлѣ своемъ имѣти прилежность нелѣнностную и отъ работниковъ изъ Ворожбы безъ вѣдома нашего никуда не отлучаться; ежелижъ за нерадѣніемъ и не-

смотрѣніемъ твоимъ въ строеніи той нашей церкви учинится отъ тебе или отъ работниковъ твоихъ какая порча и неисправность, то долженъ ты Дѣдашевъ то все поисправить своимъ коштомъ безъ отречанія и за ту сдѣлку показанной нашей церкви должны дать тебѣ какъ деньги, такъ и хлѣба и прочаго. Присемъ сообщаемъ реэстръ, а получаютъ тебѣ деньги отъ насъ въ задачу 20 рублей и въ предбудущій 1770 г. при зачатіи работы 80 р., а послѣдніе три приома получаютъ по сто рублей, только послѣдніе сто по совершеніи сдѣлки перкви; въ чемъ тебѣ Дѣдашеву сей контрактъ за руками нашими даемъ. Къ сему контракту священникъ Мартинъ Старостинъ подписался“.

Замѣчательными памятниками черкаскаго церковнаго строительства были въ нашемъ краѣ монастыри, Нѣкоторые изъ нихъ были основаны уже одновременно съ первымъ заселеніемъ края. Мы уже говорили о возстановленіи Святогорской обители первыми черкасскими иноками въ концѣ XVI и нач. XVII в. Другіе учреждались и обстраивались не только полковниками, какъ вышеупомянутые Сумскіе и Куряжскій, но и отдѣльными лицами и козацкими громадами.

Въ половинѣ XVII в. на древнемъ Хорошевомъ городищѣ возникъ Хорошевскій Вознесенскій женскій монастырь. Можно предполагать, что здѣсь уже въ XII в. жили христіане и имѣли свой православный храмъ. Архiep. Филаретъ находитъ это несомнѣннымъ въ виду того, что городъ Донецъ и Хорошевъ городъ въ XII в. были Русскими городами, какъ это извѣстно по исторіи кн. Игоря Святославича. „Были, говоритъ онъ, въ XII в. монастырь въ Хорошемъ городкѣ,—не знаемъ. Дикіе татары обширную полосу земли русской превратили въ степь дикую. Удивительно ли, что ими истреблены памятники древняго Русскаго христіанства?“ Во всякомъ случаѣ Хорошевъ и Харьковъ населены страдальцами Уніи въ одно и то же время въ 1654 г., и, несомнѣнно, что первая строительница монастыря игуменія Александра перенесла съ собою монашество изъ-за Днѣпра и обитель ея устроилась усердіемъ черкасъ, заселившихъ тогда же Хорошево городище. По преданію первоначально обитель возникла не на теперешнемъ мѣстѣ Хорошева городища, а вблизи его, къ западу за глубокимъ оврагомъ, на выступѣ острой горы, покрытой дремучимъ лѣсомъ, но во второй по-

ловинѣ XVII в. она была уже переведена на нынѣшнее мѣсто, укрѣплена противъ набѣговъ татаръ и снабжена подземнымъ ходомъ за ограду съ желѣзными дверями. Всѣ первыя постройки монастыря были деревянные, въ томъ числѣ и Вознесенскій храмъ. Въ Архіерейской грамотѣ 1742 г. на имя игуменіи Аѳанасіи сказано: „въ ономъ монастырѣ въ давнихъ годахъ построена церковь во имя Вознесенія Господня, подъ которою чрезъ долгое время подвалины и крыша огнили“, а потому игуменія просила позволенія „оную церковь подважить и покрыть“, на что ей и дано позволеніе. Изъ этихъ первыхъ построекъ ничего до насъ не дошло. Въ 1759 г. здѣсь былъ выстроенъ прекрасный большой каменный Вознесенскій храмъ съ тремя главами по продольной линіи, сохранившійся до нашихъ дней, но съ пристройками съ сѣверной, южной и западной стороны, давшими ему форму черкаскаго пятикупольнаго зданія.

Архитектурныя сооруженія Святогорскаго монастыря XVII и XVIII вв. до насъ не дошли, за исключеніемъ одной Св.-Николаевской церкви на мѣловой скалѣ. Послѣ закрытія монастыря въ 1787 году оставался еще Успенскій соборъ, построенный полк. Ѳ. В. Шидловскимъ, и возлѣ него надвратарная колокольня. Но за ветхостію и эти зданія въ 1867 году были разобраны для возведенія вмѣсто нихъ нынѣ существующихъ Собора и колокольни. Такимъ образомъ, единственнымъ памятникомъ древняго монастырскаго зодчества здѣсь теперь остается Св. Николаевскій храмъ. Судя потому, что въ описи монастыря 1758 года онъ не упоминается ¹⁾, а въ протоколахъ закрытія монастыря 1787 года ²⁾ онъ значится высѣченнымъ въ мѣловой скалѣ и достроеннымъ кирпичемъ, можно считать несомнѣннымъ постройку его во второй половинѣ XVIII в. между означенными годами. Какъ современный его видъ, такъ въ особенности изображеніе его на старинныхъ гравюрахъ убѣждаютъ въ томъ, что при сооруженіи его былъ выдержанъ украинскій характеръ даже въ большей степени, чѣмъ въ другихъ современныхъ черкасскихъ храмахъ нашего края. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что возведеніе его на вершинѣ мѣловой скалы не

¹⁾ Архiep. Филаретъ, *ibid.*, отд. I, стр. 171, примѣч. 78.

²⁾ Изюмскаго Дух. Правленія 19 февр. 1827 г. сообщеніе Изюм. Исправнику № 200-й (Архивъ монастыря).

могло не связывать техническими затрудненіями архитектурный вкусъ строителей.

Мы уже говорили объ основаніи заднѣпровскими монахами въ 1654 году Ахтырскаго монастыря. Первые сооруженія и этого монастыря были деревянныя, которыя вскорѣ затѣмъ стали замѣнять каменными. Ревностнымъ устройтелемъ монастыря былъ духовникъ Петра I, протоіерей Тимофей Васильевичъ Надаржинскій, подѣ конецъ жизни поселившійся здѣсь и принявшій схиму, здѣсь же и скончавшійся въ 1729 году. Онъ соорудилъ здѣсь каменный храмъ Св. Троицы и обнесъ монастырь оградой, а сынъ его, Осипъ Надаржинскій, построилъ каменную трапезу съ колокольнею, больницу и въ ней храмъ во имя свв. Петра и Павла. Изъ всѣхъ этихъ богатыхъ сооружений монастыря до насъ дошли только соборный храмъ Св. Троицы и башня колокольни. Они также запечатлѣны характеромъ старочеркасскихъ построекъ.

Въ основанномъ въ 1663 году полк. Г. І. Донецъ-Захаржевскимъ Куряжскомъ монастырѣ главнымъ храмомъ всегда былъ храмъ Преображенія Господня, сначала деревянный, а съ 1762 года каменный, сохранившійся донынѣ. Взамѣнъ деревяннаго Св. Георгіевскаго храма, устроеннаго еще при основаніи монастыря, въ 1709 г. былъ возведенъ каменный того же имени съ трапезнымъ корпусомъ, существующій и въ настоящее время. Въ 1753 году построена была каменная церковь во имя преп. Онуфрія въ монастырскомъ скиту, внизу подѣ горою, съ колодцами въ алтарѣ и посрединѣ храма. Первый и послѣдній храмы вполне сохранили до нашихъ дней свой первоначальный архитектурный видъ, Георгіевскій же при недавнемъ капитальномъ ремонтѣ былъ лишенъ своихъ наружныхъ характерныхъ украшеній, воспроизводившихъ типъ старо-черкасскихъ каменныхъ построекъ.

Къ великому сожалѣнію, отъ другихъ бывшихъ когда-то въ нашемъ краѣ старо-черкасскихъ монастырей, упраздненныхъ въ 1787 году, мало-что осталось.

Отъ Сумскаго Успенскаго монастыря остались только надвратарная Всѣхсвятская церковь и колокольня-башня. На мѣстѣ монастыря теперь только кучи щебня. Кирпичъ главной церкви проданъ былъ для церкви сл. Верхней Сыроватки, желѣзо для Сумской Воскресенской, а желѣзныя

двери для Сумской Николаевской. Иконостасъ переданъ въ Каплуновскую церковь. Архангельскій храмъ поступилъ на постройку колокольни Сумской Покровской церкви, а иконостасъ его, бывший еще въ первомъ деревянномъ храмѣ, былъ переданъ въ церковь с. Бездрика, Сумск. у., гдѣ сохраняется и въ настоящее время. По работѣ и общему стилю своему онъ представляетъ замѣчательное произведеніе старо - черкаскаго мастерства. Каменная ограда продана для Богословской церкви Большой Чернетчины. Деревянные келіи проданы сумскимъ жителямъ. Въ прочія постройки перешли монастырскіе крестьяне и составили приходъ бывшей монастырской Всѣхсвятской церкви. Куда дѣвались дороги ризы, бывшія на иконахъ, книги, утварь—неизвѣстно. Отъ другого Сумскаго женскаго Предтеченскаго монастыря оставался только деревянный сволокъ бывшей Предтеченской церкви монастыря съ вырѣзанною на немъ надписью о времени устройства храма: эта печальная реликвія хранилась во времена Архіеп. Филарета въ домѣ г. Линтварева. По закрытіи монастыря, утварь и различныя вещи храмовъ Предтечева монастыря были переданы въ Харьковскій Покровскій монастырь, гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ и нынѣ цѣлы.

Михайловская Предтеченская пустынь находилась въ 12 верстахъ отъ г. Лебедина въ чрезвычайно красивой мѣстности. Она стояла на скалѣ, покрытой вѣковыми дубами, направо и налѣво шли горы полукругомъ; внизу быстрый Пселъ; за нимъ—равнина, покрытая бархатною зеленію луговъ. Основана она была во времена гетманщины Аѳонскими иноками. Обстроена же была племянникомъ гетмана Самойловича—Михаиломъ Васильевичемъ, отъ имени коего получила свое названіе (1680—1685 г.г.). Послѣ Самойловича пустынь была взыскиваема щедротами Полуботокъ и Коробовскихъ. Обитель была небольшая и не богатая. По закрытіи Богородичный храмъ съ трапезою былъ отданъ на построеніе вмѣсто погорѣвшей въ г. Лебединѣ Воскресенской церкви. Давно ветхій перенесенный сюда изъ Сумскаго монастыря въ 1750 г. деревянный Предтеченскій храмъ теперь былъ разобранъ, а все священныя принадлежности перенесены въ Богородичный храмъ с. Михайловки, за исключеніемъ двухъ колоколовъ, которые изъ комиссіи были переданы въ Харьковскій Покровскій монастырь.

На мѣстѣ обрѣтенія Озерянской иконы Божіей Матери въ с. Озеряннѣ, въ 3 верстахъ отъ ст. Мерефы, была основана въ семидесятихъ годахъ XVIII в. Святогорскимъ намѣстникомъ Севастьяномъ Юхновскимъ Озерянская Богородичная пустынь съ двумя храмами Пресв. Богородицы и Рождества Іоанна Предтечи и колокольна съ часами. По закрытіи пустыни главный ея храмъ былъ перенесенъ въ Мерефу, гдѣ и сгорѣлъ въ восьмидесятихъ годахъ XIX в. Изъ иконостаса его сохранились и нынѣ хранятся въ Университетскомъ музеѣ иконы своеобразнаго характера какъ бы особой иконописной школы¹⁾ и царскія врата прекрасной рѣзбы, дающія представленіе о характерѣ всего иконостаса²⁾.

Краснокутскій Петропавловскій монастырь находился на правомъ берегу р. Мерла въ 3 верстахъ отъ заштат. гор. Краснокутска. Онъ построенъ въ 1673—1675 г.г. вышедшимъ изъ-за Днѣпра прежней службы полковникомъ Иваномъ Штепою: въ этомъ монастырѣ былъ онъ игуменомъ съ именемъ Іоаннікія, а послѣ его смерти сынъ его—игуменъ Мартиніанъ. Въ обители было два деревянныхъ храма—главный во имя свв. Петра и Павла и трапезный въ честь Рождества Богородицы. По упраздненіи монастыря Петропавловскій храмъ съ иконостасомъ превосходной иконописи былъ перенесенъ въ Краснокутскъ, гдѣ и доселѣ стоитъ.

Сѣннийскій Покровскій монастырь, бывший въ 7 верстахъ отъ с. Сѣннаго, Богодух. у., былъ основанъ и устроенъ Сѣннийскимъ сотникомъ Василиемъ Григорьевымъ не позже 1682 г. Здѣсь набожный сотникъ устроилъ два храма—главный въ честь Покрова Богоматери, а другой въ честь свв. Апостоловъ Петра и Павла. Храмы были деревянные. Строитель поручилъ завѣдываніе монастыремъ Кіево-печерской Лаврѣ, конечно по тому благоговѣйному уваженію, какое имѣли всѣ казаки къ обители преп. Антонія и Θεодосія Печерскихъ. Въ 1788 г. онъ перешелъ въ вѣдѣніе Бѣлгородскаго духовнаго правленія. По упраздненіи монастыря храмъ его былъ обращенъ въ приходской с. Малой Писаревки: до нашихъ дней не сохранился.

Отъ Вольновскаго Троицкаго монастыря, основаннаго около 1684 года въ 6 верстахъ отъ бывшаго г. Вольнаго,

¹⁾ Церковный Отдѣлъ, №№ 152—168.

²⁾ №№ 223—224.

дошелъ до нашихъ дней каменный храмъ, освященный въ 1745 г., довольно величественный, превращенный по закрытіи монастыря въ приходскій для деревни Поповки.

Чаркасамъ обязана своимъ происхожденіемъ Аркадьева-ская Богородичная пустынь, находившаяся на лѣвомъ берегу Донца вблизи с. Мартовой, Волч. у. и занимавшая одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ Украйны. Эта пустынь, послѣ Святогорской, первая по древности своей въ краѣ. Очень вѣроятно, что она населена была черкасскими иноками вмѣстѣ съ первыми поселенцами этого края въ началѣ XVII в. Въ ней было два храма: холодный во имя Св. Троицы съ придѣломъ Свят. Николая и теплый трапезный въ честь Рождества Пресв. Богородицы. До нашихъ дней храмы не сохранились. По закрытіи пустыни, утварь ея и древняя чтимая икона Божіей Матери были переданы въ церковь сл. Мартовой, Волч. у. На мѣстѣ престола главнаго храма бывшей пустыни въ 1848 г. была каплица, а въ пяти саженьяхъ отъ нея колодезь, возобновленный усердіемъ благочестиваго населенія.

Въ 1660 году въ г. Чугуевѣ былъ основанъ по волѣ царской Успенскій монастырь, но въ 1724 году за укрывательство раскольниковъ былъ упраздненъ. Монастырскій Успенскій храмъ послѣ этого превращенъ былъ въ приходскій и назывался Подгорнымъ, такъ какъ стоялъ въ Подгорной слободѣ. До нашихъ дней онъ не сохранился.

Въ с. Кочеткѣ нѣкогда находилась Чугуевская пустынь съ весьма чтимою Владимірскою иконою Божіей Матери. Основана она была около 1700 г. и приписана была къ Харьковскому училищному монастырю. Въ 1757 г. здѣсь былъ освященъ каменный храмъ съ великолѣпной колокольней. По закрытіи пустыни храмъ остался въ качествѣ приходского. Въ 1854 г. онъ былъ разобранъ, а на мѣсто его устроенъ новый, придѣланный къ древней колокольнѣ. Эта послѣдняя, сохранившаяся въ своемъ начальномъ видѣ, даетъ представленіе объ архитектурномъ типѣ древнихъ построекъ пустыни.

На правомъ берегу р. Оскола при подошвѣ скалъ Гороховатскихъ нѣкогда находилась Богородичная Гороховатская пустынь, въ 1760 году перенесенная на лѣвый берегъ рѣки. Въ вѣдомости 1784 года такъ описана эта пустынь-

„лежитъ на лѣвомъ берегу Оскола при озерахъ Пещаномъ и двухъ безыменныхъ: она сверхъ штата, вокругъ ея ограда съ двумя башнями; въ той оградѣ церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы; строительскія и братскія кельи деревянныя“. Основана она ранѣе 1698 года. По закрытіи пустыни главный ея храмъ превращенъ былъ въ приходской для с. Борового, Куп. у. и въ 1904 году былъ разобранъ.

Особенно любимымъ народно-черкасскимъ монастыремъ въ эпоху колонизаціи края былъ Зміевскій Николаевскій монастырь, нынѣ не существующій. Онъ находился въ 8 верстахъ отъ г. Зміева и въ 5 отъ устья Гомольши на правомъ берегу р. Донца. И понынѣ, писалъ Архіеп. Филаретъ, мѣсто, гдѣ стоялъ монастырь, есть одно изъ самыхъ прелестныхъ мѣстъ благодатной Украины. Горы, покрытыя вѣковымъ лѣсомъ, отодвинувшись отъ Донца, оставляютъ на берегу его неширокую, но довольно длинную долину. И на краю долины, тамъ, гдѣ горы подходятъ къ самому Донцу, подъ навѣсомъ скалъ и дубовъ столѣтнихъ, стоялъ монастырь, отъ котораго нынѣ остался только щебенъ.

Впервые въ древнихъ документахъ онъ упоминается подъ 1668 годомъ, какъ уже существующій. Въ какомъ году онъ былъ основанъ,—остается неизвѣстнымъ. Несомнѣнно только, что онъ основанъ былъ черкасскими козаками, потому и въ актахъ назывался „козацкимъ“ „косацкимъ“ Зміевскимъ монастыремъ. Первоначально устроенъ онъ былъ на вершинѣ горы и первый главный храмъ въ немъ былъ во имя Св. Николая Чудотворца. Въ половинѣ XVIII в. онъ былъ перенесенъ подъ горы, и здѣсь въ немъ сталъ главнымъ храмомъ Преображенскій, почему съ этого времени онъ начинаетъ называться Преображенскимъ Николаевскимъ. Чрезвычайно интереснымъ является описаніе этого монастыря въ описной книгѣ 1702 года, дословно приведенное, хотя и не все цѣликомъ, проф. Д. И. Багалѣмъ въ его „Матеріалахъ по исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства“ (т. I)¹⁾. Это описаніе относится къ монастырю, находившемуся еще на вершинѣ горы.

Въ монастырь вели святые врата съ надвратарною церковью во имя Преображенія Господня и колокольной надъ

¹⁾ стр. 174—178.

церковію. Церковь была деревянная обѣ одной главѣ. Изнутри монастыря въ эту церковь вела особая паперть, „Въ той церкви простіе гладкіе царскіе двери; мѣстніе иконы, образъ Спасовъ (надъ царскими дверями) черкаской работы на золотѣ листовомъ“. При мѣстныхъ образахъ „вибойчатая полосатая пелена ветхая“. Образъ Пресв. Богородицы „вызолоченъ серебромъ листовымъ“, выше образа Спасова надъ царскими дверями икона Воскресенія Христова „въ легкомъ окладѣ“. Надъ образомъ Св. Николая Чудотворца „дорогой желтый завѣсъ“. Въмѣсто сѣверныхъ дверей—„завѣсъ дорогой пестрый ветхій“. Предъ иконостасомъ двѣ лампы „мѣдныя жолтіе резаніе“. Въ алтарѣ при царскихъ дверяхъ катапетасма „вибойчатая красная ветхая“. На престолѣ двѣ срачицы, верхняя кумачная красная. Престолъ рѣзной кипарисовый, а поверхъ него покровъ „донской шитый разныхъ шолковъ“. На жертвенникѣ одежда изъ ветхой рябой вибойки. На колокольнѣ висѣли колокола государева жалованья. У самыхъ проѣзжихъ воротъ стояли на станкахъ жалованныя государемъ: желѣзная пушка съ ядрами, свинцомъ и порохомъ и пушка турецкая. Да притомъ имѣлось еще 10 мушкетовъ.

Въ срединѣ монастыря находилась двухъэтажная церковь: нижняя во имя Свят. Николая, а верхняя въ честь Благовѣщенія Пресв. Богородицы. Въ нижней церкви въ иконостасѣ царскія двери и мѣстныя иконы „гладкой работы визолоченіи листовымъ золотомъ и серебромъ“, да двѣ лампы мѣдныя желтыя. И здѣсь катапетасма была „кумачная рябая“. На престолѣ евангеліе обложено зеленымъ бархатомъ „въ окладѣ подъ серебромъ визолочено“, „гробница серебряная, а въ той гробницы ложица серебряная“.

Въ верхней Благовѣщенской церкви въ притворѣ по правой сторонѣ икона Спасителя, по лѣвой—Богоматери, а надъ ними посрединѣ образъ Преображенія Господня: „тіи иконы черкаской работы визолочены двойникомъ и серебромъ“, „да предъ тѣми иконами двѣ лампы малыхъ серебряныхъ и лампада мѣдная визолоченая“. Посрединѣ церкви висѣло паникадило мѣдное желтое о 16 свѣчахъ вѣсомъ въ 4 п. „Въ той же церкви царскія двери черкаской резьбы визолоченіе листовымъ золотомъ и двойникомъ и серебромъ и разцвѣчени всякими красками“. Въ иконостасѣ въ первомъ ряду съ правой стороны иконы Спасителя и Благовѣщенія,

а съ лѣвой—Богоматери и Св. Николая. Сверху царскихъ вратъ одна надъ другой—икона Нерукотвореннаго Образа, Архіерея, Воплощеніе и Богоотца и Распятіе. А съ обѣихъ сторонъ—праздники, апостолы, святители и пророки. Эти иконы сдѣланы „резбою и листовымъ золотомъ, двойникомъ и серебромъ и разными красками расцвѣчено майстерствомъ противъ (подобно) царскихъ дверей, и въ тѣхъ иконъ прикладовъ, винцовъ червонныхъ золотыхъ никакихъ нѣтъ“. Предъ мѣстными иконами висѣли 4 лампы мѣдныхъ „желтыхъ резаныхъ, а предъ архіереемъ лампада серебряная“.

Въ алтарѣ жертвенникъ облаченъ былъ въ кумачную красную одежду. Здѣсь находились: 2 серебрянныхъ позолоченныхъ потира и 2 такихъ же диска и звѣздицы, 3 лжицы серебряныхъ. Къ этимъ сосудамъ принадлежали 4 пары новыхъ покрывцовъ, а пятая повседневная: „аиръ и 2 воздуха на красномъ обирѣ обложены строкою злотомъ и серебромъ; а на большомъ воздухѣ вышитъ крестъ злотомъ и серебромъ; а другой воздухъ и покрывца бѣліе луданіе обложены луданымъ краснымъ. А государева жалованья воздухъ и покрывцы обяринніе красніе, опушка, обѣру стручковатаго желтаго воздуха и покрывцы разныхъ азарбатовъ обложены камкою рудожелтою травчатою, воздухъ и покрывца старіе повседневніе атласу рудожелтаго и бархату краснаго полусаатаго обложены тафтою зеленою“. На престолѣ „евангелій двѣ одно подъ краснымъ бархатомъ другое подъ зеленымъ бархатомъ въ окладѣ серебряномъ вызолоченіе обѣ московской печати“.

На престолѣ же находилась „гробница большая о 5 главахъ серебряная позолоченная; да въ ней два ящика визолоченныхъ, а та гробница мастерства шліонскаго (силезскаго—нѣмецкаго). За престоломъ коверъ турецкій прибитый къ стѣнѣ. На жертвенникѣ же еще находились 2 мѣдныхъ желтыхъ креста и 2 серебροпощащенныхъ. Въ алтарѣ находились серебряные, мѣдные и оловянные блюда и кувшины, а также 2 кадила мѣдныхъ и 2 серебряныхъ.

Затѣмъ слѣдуетъ такое же подробное описаніе образовъ въ алтарѣ, разной церковной утвари въ ризницѣ, ризъ—азарбатныхъ, атласныхъ, камчатныхъ, тафьяныхъ, луданныхъ, бархатныхъ, кумачныхъ, подризниковъ, епитрахилей, дьяконскихъ стихарей, орарей, поручей, поясовъ, пелень.

Въ монастырѣ имѣлось много книгъ богослужебныхъ и учительныхъ московской, кievской, виленской и острожской печати (библія и книга Василія В.).

Изъ этой же описи видно, что Зміевскій монастырь развилъ до очень широкихъ размѣровъ сельско-хозяйственную и промышленную дѣятельность: ему принадлежало значительное количество земель и особенно угодій (рыбныхъ ловлей, пасѣкъ и т. п.); въ г.г. Зміевѣ, Изюмѣ, Балаклеѣ и с. Мохначахъ у него были дворы съ разными хозяйственными заведеніями (мельницами, амбарами для храненія рыбы и т. п.); онъ велъ довольно значительное скотоводство. Особенно замѣчательны были его сады. Въ концѣ XVIII в. ихъ было 17, въ томъ числѣ 1 виноградный въ 4 десятины. Во второй половинѣ XVIII в. монастырь былъ обнесенъ каменною стѣною.

Отъ всего этого былого благоденствія казацкаго монастыря не осталось и камня на камнѣ. По закрытіи его храмы и ограда были разобраны. Иконостасъ главной церкви проданъ былъ въ Воскресенскій храмъ сл. Новой Водолаги, цѣлый доселѣ, а иконостасъ Николаевского храма проданъ въ церковь с. Водяного, Зміев. у., сохранившійся вмѣстѣ съ иконами до нашихъ дней и представляющій въ нашемъ краѣ самый цѣнный и художественный памятникъ черкаскаго мастерства. Ризница и всѣ церковныя вещи монастыря были взяты въ Бѣлгородскую соборную ризницу. Дальнѣйшая ихъ судьба осталась неизвѣстной.

Изъ приведенныхъ краткихъ данныхъ по исторіи черкасскихъ монастырей въ нашемъ краѣ видно, сколько усердія и любви черкасы влагали въ созданіе ихъ не смотря на всѣ тревоги и опасности тогдашняго времени. Также усердны были они и въ устройствѣ городскихъ и сельскихъ церквей. Не считаясь съ количествомъ населенія, они строили ихъ столько, сколько было у нихъ средствъ и ревности къ этому дѣлу. Въ большихъ своихъ поселкахъ и городахъ они выстраивали церкви, при сравнительно меньшемъ населеніи чѣмъ теперь, столько же или даже гораздо большее количество, чѣмъ сколько находимъ ихъ въ наше время. Въ этомъ отношеніи интересны свѣдѣнія, даваемыя о количествѣ церквей слободской Украины въ „Описаніи городовъ и знатныхъ мѣстечекъ въ провинціяхъ Слободской губерніи

въ 1767 году“. Въ это время, напр., значилось въ г. Харьковѣ при 4000 ч. окладного населенія 6 каменныхъ церквей и 7 деревянныхъ, въ м. Липцахъ 3 деревянныхъ, въ слоб. Ольшаной, Харьк. у., 4 деревянныхъ, въ сл. Мерефѣ—3 деревянныхъ (теперь двѣ), въ г. Ахтыркѣ—2 каменныхъ и 6 деревянныхъ=8; въ гор. Сумахъ—1 каменная и 6 деревянныхъ=7; въ г. Лебединѣ 13 деревянныхъ (теперь 9); въ Межиричѣ—8 деревянныхъ и 9-я деревянная же строящаяся (теперь 4); въ г. Изюмѣ—1 каменная и 4 деревянныхъ (теперь 3); въ г. Валкахъ—5 деревянныхъ и въ Люботинѣ—2 деревянныхъ (теперь 1). Въ остальныхъ же городахъ и селеніяхъ, существовавшихъ тогда съ незначительнымъ населеніемъ, было столько же церквей какъ и теперь при значительно увеличившемся населеніи ¹⁾.

Какъ въ постройкѣ храмовъ черкасы обходились своими мѣстными мастерами, хорошо знавшими черкасскій церковно-архитектурный типъ, такъ и въ украшеніи ихъ иконописью и иконостасами они пользовались искусствомъ мѣстныхъ иконописцевъ-художниковъ. Исторія сохранила намъ имена и нѣкоторыя, хотя и краткія свѣдѣнія объ источникахъ ихъ образованія и ихъ работахъ. Такъ въ началѣ XVIII в. въ знаменитой Сумской мужской обители имѣлись свои живописцы, работавшіе для монастыря и окрестныхъ храмовъ. Объ ихъ образованіи и успѣхѣ ихъ трудовъ особенно заботился игуменъ Іаковъ Ждановичъ (1710—1715 гг.). Изъ этихъ живописцевъ извѣстенъ іеромонахъ Ілія, который предъ посвященіемъ во іеромонаха въ 1742 году показывалъ о себѣ: „родомъ онъ малороссіянинъ, 70 лѣтъ, родился въ Лебединѣ... по изученіи грамоты учился въ Кіевѣ у иконописца, въ Сумскомъ монастырѣ спустя полгода искуса постриженъ въ мантию игуменомъ Ждановичемъ“. Работы этого иконописца являлись, такимъ образомъ, связью нашего мѣстнаго мастерства съ Кіевомъ, какъ съ своимъ источникомъ. Почти одновременно съ іер. Іліею въ Куряжскомъ монастырѣ подвизался другой иконописецъ, нѣкто Ефремъ Черкасскій, въ монастырскихъ замѣткахъ называвшійся иконописцемъ, конечно потому, что употреблялъ кисть для украшенія храмовъ обители. Его искусству приписы-

¹⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы для исторіи колонизаціи Харьк. г., т. II, Харьковъ, 1890 г., стр. 236—294.

вають въ обители 11 иконъ съ изображеніемъ Святителей въ ростъ, на холстѣ и 6 иконъ съ изображеніемъ преподобныхъ. Здѣсь-же въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. былъ извѣстенъ иконописецъ іеромонахъ Ферапонтъ, „въ хорошемъ искусствѣ живописи весьма умѣющій“. Онъ написалъ иконы для иконостаса Онуфріевской церкви и другихъ церквей монастыря. Съ иконописью иконостаса древняго Успенскаго храма въ Ахтыркѣ связано имя третьяго Украинскаго живописца Владиміра Дмитріева. Живопись иконъ этого иконостаса въ греческомъ вкусѣ и правильная, дышитъ жизнію и величіемъ, носитъ характеръ высокаго мастерства: видно, что художникъ Владиміръ Дмитріевъ, писавшій эти иконы, былъ не простой ремесленникъ. Такимъ именно онъ и оказывается по тѣмъ біографическимъ свѣдѣніямъ, какія сохранились о немъ. Онъ былъ уроженецъ г. Харькова, сынъ живописца, до 1734 года жилъ въ Харьковѣ, а потомъ до 1744 года въ Кіево-Печерской Лаврѣ и въ Свѣнскомъ монастырѣ, а въ 1744 г. во время пребыванія Императрицы въ Кіевѣ вызванъ былъ ко двору, гдѣ оставался до 1747 г. Въ этомъ же году согласно съ Высочайшею волею, Св. Синодъ предписалъ дать ему по его желанію причетническое мѣсто при Харьковской Рождественской церкви для покоя и пропитанія. Но здѣсь онъ пробылъ недолго. Хотя изъ Петербурга отпущенъ онъ былъ по слабости зрѣнія, но страсть къ живописи не давала ему покоя. Въ началѣ 1748 года онъ по его желанію уволенъ былъ въ Брянскъ „для живописнаго мастерства“ гдѣ оставался два года. Остальные дни жизни его неизвѣстны. Академическій пошибъ его живописи служить указателемъ связи его искусства чрезъ Петербургъ съ западно-европейскимъ.

Наконецъ имя пятаго живописца XVIII в. связано съ храмомъ сл. Малиновой, Зміев. у. и съ Святогорскою пустынью. Это—Василій Рудецкій. По преданію старожиловъ, въ древній Малиновскій храмъ иконостасъ былъ своеобразно и безмездно написанъ жителемъ сл. Малиновой Василиемъ Рудецкимъ. Въ теперешнемъ храмѣ этой слободы имѣется икона съ изображеніемъ свв. ап. Андрея, трехъ Святителей и муч. Татьяны. На срединѣ иконы укрѣпленъ серебряный ковчежецъ со св. мощами. На серебряной шатъ сдѣлана надпись: „сіи части св. мощей даны мнѣ, Василю

Рудецкому, въ благословеніе отъ игумена Святогорскаго Сильвестра Кіановскаго и мною-жъ грѣшнымъ принесены въ сей храмъ Св. Архистр. Михаила 1767 г. іюня 24 дня“. Это благословеніе Радецкій заслужилъ частымъ и долговременнымъ по своему живописному искусству безмезднымъ трудомъ въ Святогорскомъ монастырѣ.

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи характера работъ этихъ мастеровъ мы увидимъ отличіе ихъ мастерства отъ старочеркасскихъ иконъ XVII в. Эти послѣднія имѣли свои особенныя традиціи и источники. Къ сожалѣнію, въ настоящее время мы не располагаемъ никакими свѣдѣніями о тѣхъ иконописцахъ, которые въ нашемъ краѣ въ начальную колонизаціонную эпоху создавали столь чудные и оригинальные образа, стяжавшіе славу особыхъ такъ называемыхъ „черкасскихъ иконъ“.

Мѣстный художественный характеръ черкасской работы налагался и на все принадлежности храмовъ: сосуды, облаченія, покровы и шитье. Особливо это надобно сказать о всѣхъ храмахъ XVII вѣка и сельскихъ черкасскихъ храмахъ XVIII в.

Остались ли и въ какомъ видѣ дошли до насъ памятники этого старо-черкасскаго зодчества? Мы уже во введеніи говорили о томъ, какъ много изъ этого церковно-художественнаго богатства погибло, и какъ, всетаки, не мало драгоценныхъ остатковъ уцѣлѣло до нашихъ дней. Изъ исторіи нашихъ монастырей, когда то бывшихъ и упраздненныхъ, мы узнаемъ, какой былъ учиненъ разгромъ ихъ святынямъ, художественнымъ сокровищамъ, архитектурнымъ сооруженіямъ и хозяйственнымъ богатствамъ. Отъ нихъ сохранились только: два каменныхъ храма и двѣ каменныхъ колокольни да кое гдѣ разсѣянные ихъ иконостасы и кое какія церковныя принадлежности. Гораздо больше памятниковъ сохранилось въ монастыряхъ не подвергавшихся упраздненію.

Изъ старинныхъ приходскихъ деревянныхъ храмовъ XVII в. ни одинъ не сохранился до нашихъ дней. Отъ разныхъ годовъ XVIII в. дошло до насъ ихъ всѣхъ 126. Самые древнѣйшіе изъ нихъ, какъ напр. Арх.-Михайловскій храмъ с. Журавного, Ахт. у. устроенный въ 1722 г., Троицкій Кладбищенскій, сл. Новой Водолаги, Валк. у., устр. въ

1728 г., Троицкій сл. Михайловки, Зміев. у. устр. въ 1736 г. Петро-Павловскій сл. Заводы, Изюм. у. устр. въ 1721 г., Покровскій, сл. Дмитровки, Изюм. у., устр. въ 1732 г., Николаевскій, сл. Боброваго, Лебед. у., устр. въ 1730 г., Крестовоздвиженскій, сл. Межирича, Лебед. у., устр. въ 1744 г. и Преображенскій, той же слободы, устр. въ 1745 г.—въ позднѣйшее время были передѣланы съ совершенной утратой для нихъ первобытнаго старо-черкасскаго стиля. Но зато многіе изъ остальныхъ, устроенныхъ въ періодъ времени отъ пятидесятихъ годовъ и до конца XVIII в., сохранили свой прекрасный и своеобразный украинскій стиль. Въ совершенно неповрежденномъ видѣ сохранились до нашего времени—древнѣйшіе ихъ этого періода деревянные храмы: Николаевскій сл. Ольшаной, Харьк. у., (1753 г.), Введенскій сл. Артемовки, Харьк. у. (1761 г.), Троицкій сл. Черкасскаго Бишкнина, Зміев. у. (1751) и Георгіевскій г. Лебедина (1765 г.).

Къ счастію при этомъ сохранились и имѣются въ Университетскомъ и Епархіальномъ музеяхъ и въ картинахъ художника С. Васильковского многочисленныя снимки древнихъ нашихъ деревянныхъ церквей черкасскаго стиля, не существующихъ уже нынѣ. Изъ нихъ особенно цѣнны для уясненія особенностей черкаской церковной архитектуры снимки: церквей сл. Мерефы и Сватовой Лучки, Успенской церкви г. Золочева, Іоанна-Милостиваго ц. сл. Рубцовой, Изюм. у., Іоанно-Богосл. ц. сл. Гомольши, Зміев. у.

Старинныхъ каменныхъ церквей XVII и XVIII вв. сохранилось, за исключеніемъ упомянутыхъ монастырскихъ, всего 55. Изъ нихъ 36 имѣютъ явно отмѣченныя въ своей конструкціи черты украинскаго стиля. Наиболѣе древнія изъ нихъ, возникшія между концомъ XVII и семидесятью годами XVIII в., слѣдующія: Покровскій г. Харькова (устр. въ 1689 г.), Преображенскій соборъ г. Изюма (устр. въ 1689 г.), Воскресенская ц. г. Сумъ (1708 г.), Успенская ц. г. Ахтырки (1737 г.) съ вліяніемъ стиля барокко, Троицкая ц. сл. Поповки, Богод. у. (1745 г.), Владимирско-Богородичная ц. сл. Должика, Харьк. у. (1747 г.), Благовѣщенская ц. сл. Тростянца, Ахт. у. (1750 г.), Николаевская ц. сл. Стараго, Сум. у. (1753 г.), Покровская ц. сл. Писаревки, Сум. у. (1755 г.), Преображенская ц. сл. Марковки, Староб. у. (1765 г.), Покровская ц. сл. Ольшаной, Харьк. у. (1769 г.) и Успенскій соборъ гор.

Лебедина (1770 г.). Къ сожалѣнію не всѣ изъ нихъ дошли до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Особенно печальной участи въ этомъ отношеніи подвергся лучший памятникъ старочеркасскихъ временъ въ нашемъ краѣ Преображенскій соборъ г. Изюма. По сохранившимся снимкамъ до послѣдней передѣлки его, въ 1902—1903 годахъ видно, что онъ былъ совершенно одинаковаго типа съ Покровскимъ храмомъ Харьковскаго Покровскаго монастыря, только обширнѣе его и крестообразной пятикупольной конструкціи. По плану, внѣшнему виду, деталямъ наружной орнаментации, характеру прекраснаго своего иконостаса—это былъ образецъ черкаскаго храма XVII в., повелительно обязывавшій мастеровъ при возможныхъ ремонтахъ и передѣлкахъ сохранять и возстановлять съ математическою точностію черты его стиля. И однако же лица, взявшіяся за его ремонтъ въ вышеозначенные годы и непосредственно стоявшія у дѣла, обнаружили совершенное непониманіе его архитектурной цѣнности и, оставляя въ немъ пятикупольную крестовидную конструкцію, облекли его въ неумѣлой и грубо сдѣланный московскій архитектурный нарядъ, будто бы XVII в., навсегда изуродовавъ этотъ лучший памятникъ древности въ нашемъ краѣ.

Подвергся измѣненію и прекраснѣйшій по своей архитектурѣ Воскресенскій храмъ въ г. Сумахъ. Въ недавніе годы при немъ уничтожена была изящнѣйшая звонница, придававшая ему своеобразный характеръ неподдѣльной старины.

Былъ значительно измѣненъ внѣшній видъ и Лебединскаго собора, лишеннаго при недавнемъ ремонтѣ характерныхъ деталей своихъ наружныхъ украшеній. Покровская церковь сл. Ольшаной по архитектурному своему типу весьма близко подходитъ къ Покровскому храму Харьковскаго монастыря. Однако наружный нарядъ ея подкупольнаго этажа былъ недавно задѣланъ грубой желѣзной листовой обшивкой, закрывшей изящные зубчатые карнизы, фронтальныя оконныя наличники, угловые колонки и квадратныя панели.

Впрочемъ, сохранившіеся отъ этого періода неповрежденными храмы, а равно и фотографическіе снимки бывшей въ г. Харьковѣ Николаевской церкви, устроенной въ 1764 г.,

и Лебединскаго собора до его послѣдняго ремонта даютъ возможность представить себѣ во всѣхъ подробностяхъ архитектуру нашихъ первыхъ каменныхъ храмовъ любимаго тогда черкасскаго типа.

Наконецъ, памятниками церковнаго строительства черкасъ XVII и XVIII вв. являются всѣ тѣ древности, которыя въ видѣ драгоценныхъ, какъ то уцѣлѣвшихъ, остатковъ старины наполняютъ церковный отдѣлъ Университетскаго музея и Епархіальный музей: это—остатки иконостасовъ, царскія двери, кіоты, аналои, иконы, сосуды, кресты, дарохранительницы, дароносицы, крестильницы, плащаницы, покровы, одежды, евангелія, антиминсы, богослужебныя книги, картины религіознаго содержанія и деревянная скульптура.

Весь этотъ обильный матеріалъ, оставленный намъ въ наслѣдіе нашими благочестивыми предками—черкасами, вмѣстѣ со всѣмъ археологическимъ богатствомъ сохраняющихся еще старинныхъ церквей позволяетъ сдѣлать по-сильную попытку выяснитъ древнѣйшій типъ какъ старочеркасскихъ храмовъ нашего края, такъ и ихъ главнѣйшихъ принадлежностей: иконостасовъ, иконъ и свящ. сосудовъ.

Это даетъ намъ возможность отмѣтить при этомъ и тѣ своеобразныя комбинаціи, какія получились отъ столкновенія этого типа съ вышеуказанными нами церковно-архитектурными вліяніями XVIII в.

VII.

Древнѣйшій типъ деревянныхъ „черкасскихъ“ храмовъ.

Черкасы, заселяя Харьковскій край, сначала строили исключительно деревянные храмы. Каменные же появляются у нихъ только съ восьмидесятыхъ годовъ XVII в. Первые храмы совершенно воспроизвели архитектурный типъ украинскихъ храмовъ правобережнаго Задніпровья въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ. Какъ наши, такъ и тѣ—это одна группа памятниковъ южно-русскаго церковнаго зодчества.

Они представляютъ собою чрезвычайно своеобразное явленіе, въ цѣломъ и деталяхъ совершенно отличное отъ типа древнѣйшихъ сѣверно-русскихъ храмовъ. Индивидуальныя особенности южно-русскаго церковнаго зодчества

замѣтны съ перваго взгляда. Только недостатокъ вниманія и скудость изслѣдованнаго матеріала въ этой области были причиною того, что это зодчество долго не представлялось особымъ архитектурнымъ типомъ, достойнымъ тщательнаго изученія и охраненія. Къ счастью, археологическая ученая пытливость въ послѣднее время обращается и въ эту сторону и путемъ постепеннаго изученія и обслѣдованія памятниковъ правобережнаго Заднѣпровья приходитъ, наконецъ, къ совершенному установленію его научной цѣнности и глубокаго интереса.

Значительный вкладъ въ уясненіе этого староукраинскаго зодчества, несомнѣнно, должны внести и древнѣйшіе черкасскіе храмы Харьковскаго края.

Для правильнаго пониманія древнѣйшаго типа нашихъ храмовъ необходимо хотя вкратцѣ коснуться уже опредѣлившихся теперь результатовъ научно-археологическаго изслѣдованія украинскихъ храмовъ правобережнаго Заднѣпровья—Кіевской, Волынской и Подольской губерній.

Уже путешественникъ по этой области въ половинѣ XVII в., сирійскій діаконъ Павелъ Алеппскій (1654 г.), съ глубокимъ изумленіемъ отмѣчалъ своеобразие и прелесть украинскихъ храмовъ: ихъ изящное, трехкупольное и пятикупольное многоглавіе, стройность, граціозное устремленіе къ небу, живую иконопись съ западно-европейскимъ вліяніемъ, роскошные иконостасы съ поразительной рѣзбой и блестящей позолотой, красивыя звонницы и крытые навѣсы вокругъ храмовъ съ рѣшетками и точеными столбами. Впослѣдствіи же, какъ только появились первыя попытки обслѣдованія этихъ храмовъ, оригинальность ихъ типа стала выступать съ еще большою ясностію. Правда, только въ настоящее время положено начало научно-систематическаго изученія украинскихъ художественныхъ древностей. Плодомъ этого явились изслѣдованія, которыя выдвинули на сцену новую, до сихъ поръ мало извѣстную, украинскую церковную архитектуру¹⁾. Вопросъ объ этомъ зодествѣ начинается

¹⁾ Главнѣйшія работы по вопросу о южно-русскомъ церковномъ зодествѣ указаны въ брошюрѣ прот. Е. Същинскаго „Южно-русское церковное зодчество“ Каменецъ-Под. 1907 г., а также въ изданіи Игоря Грабаря „Исторія русскаго искусства“, вып. VIII-й (деревянное церковное зодчество на Украинѣ), примѣч. 2.

обсуждаться въ ученыхъ докладахъ на періодическихъ Археологическихъ Съѣздахъ: по мѣрѣ накопленія обследованнаго матеріала по этой части высказывается цѣлый рядъ ученыхъ выводовъ и заключеній объ особенностяхъ этого церковно-архитектурнаго типа и объ его отношеніи къ другимъ архитектурнымъ типамъ.

Такъ, на уже II Археологическомъ Съѣздѣ гр. А. С. Уваровъ указывалъ на богатство и оригинальность украинской церковной архитектуры и видѣлъ прототипъ ея въ храмахъ Галиційскихъ. Основываясь на докладѣ гр. А. С. Уварова, В. В. Сусловъ въ своихъ „Очеркахъ по исторіи древнерусскаго зодчества“ (С.-Петербургъ, 1889 г.) усматривалъ въ образованіи этого архитектурнаго типа вліяніе Запада. Однако, при дальнѣйшихъ успѣхахъ въ изученіи церковныхъ древностей Украины явилась возможность установить уже полную индивидуальность и самобытность этого архитектурнаго типа. Главное значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ труды и изслѣдованія проф. Кіевскаго Университета Г. Г. Павлуцкаго. Въ своемъ сочиненіи, изданномъ въ 1905 году къ Екатеринославскому Археологическому Съѣзду, „Древности Украины“, онъ опредѣленно высказался въ пользу совершенной независимости южно-русскаго деревяннаго зодчества отъ стороннихъ вліяній.

Проф. Г. Г. Павлуцкій отмѣчаетъ слѣдующія основныя черты церковнаго зодчества правобережнаго Заднѣпровья. Тамъ храмы по формѣ бываютъ трехкупольные, пятикупольные, девятикупольные и менѣе сложные—однокупольные. Самая типичная и наиболѣе распространенная форма—трехкупольная церковь. Она состоитъ изъ трехъ прямоугольных срубовъ, расположенныхъ въ одну линію, по направленію отъ востока къ западу, при чемъ средний срубъ значительно преобладаетъ надъ двумя остальными шириной и вышиной. Весь храмъ дѣлится на три части: алтарь, мѣсто для молящихся и притворъ или „бабинець“. Эти три части символизируютъ св. Троицу, идея которой воспроизводится также въ трехъ куполахъ, такъ какъ каждая часть храма имѣетъ свой особый куполь, и они также расположены на прямой линіи отъ востока къ западу. Въ смежныхъ стѣнахъ срубовъ внутри храма вырѣзаны арки для свободного прохода изъ одной части храма въ другую; алтарная арка за-

крывается высокимъ иконостасомъ. На западной сторонѣ храма всегда находится паперть съ двускатной крышей или небольшое крыльцо, а къ алтарю пристроена—часто только впоследствии—ризница. Очень часто планъ трехкупольнаго храма видоизмѣняется тѣмъ, что наружные, а иногда и внутренніе углы прямоугольныхъ срубовъ какъ бы обрѣзываются или закругляются.

Въ однокупольной церкви планъ остается также трехсоставной, но куполъ возводится только надъ среднимъ срубомъ; алтарь же и притворъ имѣютъ крышу на два ската съ фронтонами: внутри ихъ устраивается плоскій или немного вогнутый потолокъ,—подобіе деревяннаго коробо-ваго свода.

Планъ пятикупольной церкви представляетъ равноко-нечный крестъ. Срубы бываютъ прямоугольные, но чаще центральный срубъ имѣетъ видъ восьмиугольника, а вѣтви креста оканчиваются абсидами и принимаютъ форму граней. Если три трехкупольныхъ церкви поставить рядомъ, то получится девятикупольный храмъ, имѣющій въ планѣ квадратъ, раздѣленный на девять частей. Девятикупольныя церкви очень рѣдки. Таковъ Троицкій соборъ въ г. Новомосковскѣ, Екатеринославской губерніи,—уже описанный нами въ предыдущей главѣ.

Первоначально въ древнѣйшихъ украинскихъ церквахъ нижніе срубы прямо покрывались куполами, имѣющими форму низкаго шатра на четыре грани. Впоследствии подъ вліяніемъ барокко преобразовывается форма плана и купола. Срубы дѣлаются многогранными или круглыми, купола превращаются въ высокія, уступчатые изъ нѣсколькихъ, все суживающихся, срубовъ башни. Благодаря системѣ восьмериковъ, эти башни украинскихъ церквей не имѣютъ тяжелаго вида. Все нагромождено и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно. Такъ какъ башни внутри открыты во всю высоту и освѣщены окнами не только въ нижнемъ срубѣ, но и въ восьмерикахъ, то впечатлѣніе внутренности храма выходитъ торжественнымъ и возвышающимъ. Такъ какъ купола башни бревенчатые, то форма крышъ часто соответствуетъ внутреннему устройству этихъ башенъ. Верхній восьмерикъ нерѣдко и снаружи имѣетъ форму усѣченной пирамиды, четырехгранной или восьмигранной, являющейся какъ бы низкимъ

шатромъ. Впослѣдствіи крыши видоизмѣнились во вкусѣ барокко. Одна форма—широкая, сдавленная, съ слабымъ перехватомъ у основанія, свойственныя низкимъ шатровымъ сводамъ. Другая форма—вытянутый и болѣе вычурный въ линіяхъ куполь, свойственный высокимъ шатровымъ сводамъ.

Характерную и весьма живописную особенность украинскихъ трехглавыхъ храмовъ представляютъ галлерей или „опасанія“, идущія вокругъ всей церкви, въ видѣ простого навѣса на столбикахъ.

Колокольни при украинскихъ церквяхъ—явленіе позднее. Архитектура въ общемъ та же, что и церковныхъ башенъ—два или три квадратныхъ,—а иногда и восьмиугольных,—сруба, поставленныхъ одинъ надъ другимъ и уменьшающихся кверху. Стѣны верхняго сруба замѣняетъ аркатура; колокольня оканчивается четырехграннымъ шатромъ или куполомъ. Иногда крыша двухъ нижнихъ ярусовъ поддерживается столбиками или аркадами, окружающими срубъ.

Сравнивая сѣверныя церковныя постройки съ южными церквями, проф. Г. Г. Павлуцкій усматриваетъ существенную разницу стилей. Въ отличіе отъ сѣверно-русскихъ и западныхъ храмовъ, украинскій отличается простотой, онъ лишенъ какихъ бы то ни было наружныхъ украшеній и затѣйливыхъ подробностей. Но въ цѣломъ онъ отличается стройнымъ и изящнымъ видомъ. Въ немъ ярко выражена идея: люди создали здѣсь простой и душевный памятникъ своему чувству, которое стремится къ небу; въ этомъ порывѣ, въ этомъ стремленіи къ небу вылилась вся малорусская архитектура; во всѣхъ линіяхъ и формахъ явно обнаружилось направленіе въ высоту. По его словамъ „отъ южно-русскихъ деревянныхъ церквей вѣетъ такимъ упрямымъ, несокрушимымъ своеобразиемъ, что было бы большимъ заблужденіемъ говорить о заимствованіи и отрицать ихъ родство съ народомъ, ихъ создавшимъ. Свообразие формъ южно-русской архитектуры прямо говоритъ за то, что малорусскіе храмы выросли изъ родной земли вмѣстѣ съ тѣми тополями и липами, которые ихъ окружаютъ“. На основаніи тщательнаго изученія архитектурныхъ источниковъ этого зодчества проф. Г. Г. Павлуцкій приходитъ къ убѣжденію, что формы украинскихъ деревянныхъ храмовъ являются наслѣдіемъ глубокой мѣстной старины—тѣхъ самыхъ уже не сущес-

вующихъ теперь формъ, которыя на византійской основѣ выработались въ окрестностяхъ Кіева еще въ первые годы Русскаго великаго княжества. „Малорусское деревянное зодчество, говоритъ онъ, также, какъ и деревянная архитектура сѣверныхъ окраинъ Россіи, является искусствомъ, сохранившимъ свой національный характеръ благодаря тому, что оно самостоятельно перерабатывало и совершенно поглощало все чужіе элементы, византійскіе и западные, которые къ нему притекали“¹⁾. Вотъ почему оно заключало въ себѣ такъ много національной устойчивости, что удержалось до конца XVIII вѣка и стало оказывать вліяніе даже на каменную архитектуру уже во вторую половину XVII в., первымъ опытомъ чего является Троицкій храмъ Густынскаго монастыря, Полтавской губерніи, устроенный въ 1672 году.

Эти свои взгляды проф. Г. Г. Павлуцкій отстаивалъ и на недавнемъ XIV Археологическомъ Сѣздѣ въ Черниговѣ, широко аргументировавъ ихъ данными изъ Святославова Изборника и старинныхъ обрядныхъ пѣсенъ. Самобытность украинскаго церковнаго зодчества нашла себѣ и другого ученаго сторонника на этомъ же Сѣздѣ въ лицѣ А. П. Новицкаго. Въ своемъ докладѣ „Черты самобытности въ украинскомъ зодествѣ“ А. П. Новицкій подвергъ детальному обзору типъ трехглавыхъ и пятиглавыхъ храмовъ, отмѣчая въ нихъ мѣстныя индивидуальныя черты. Особенно подробно разсмотрѣлъ трехглавыя церкви, какъ самое характерное произведеніе украинскаго зодчества и притомъ относящееся ко временамъ глубокой древности. При этомъ онъ указалъ на разнообразіе ихъ композиціи, вслѣдствіе чего все попытки его вывести общіе законы пропорцій такихъ храмовъ не увѣнчались успѣхомъ, хотя для каждаго храма въ отдѣльности ему легко удавалось вывести такіе законы. Въ подробностяхъ онъ прослѣдилъ проявленіе самобытности въ устройствѣ башенъ, крышъ, опасаній, шелевки, грушевидныхъ главъ, надглавныхъ крестовъ и иконостасовъ²⁾.

При такомъ широкомъ обследованіи и изученіи украинскихъ храмовъ западной Малороссіи церковно-архитектурный матеріалъ Харьковскаго края оставался въ тѣни и со-

¹⁾ Древности Украины. Вып. 1, Кіевъ, 1905 г., стр. 31.

²⁾ Извѣстія XIV Археол. Сѣзда въ г. Черниговѣ. Черниговъ. 1908 г., стр. 137.

всѣмъ не фигурировалъ въ вышеуказанныхъ ученыхъ работахъ. Въ вышедшихъ въ свѣтъ до сихъ поръ изданіяхъ совершенно отсутствуютъ воспроизведенія какихъ либо древнихъ деревянныхъ храмовъ Харьковскаго края, за исключеніемъ единственнаго снимка внутренняго вида купола—Николаевской церкви г. Лебедина, въ изд. И. Грабаря¹⁾. Къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ не подвергался специальному обследованію и на бывшемъ въ г. Харьковѣ XII-мъ Археологическомъ Съѣздѣ.

Устроители Археологической выставки на этомъ Съѣздѣ повидимому главное свое вниманіе въ области церковной обратили на иконописный отдѣлъ. И, дѣйствительно, этотъ послѣдній былъ представленъ въ чрезвычайно богатомъ видѣ и притомъ преимущественно изъ иконъ старинныхъ харьковскихъ церквей. Наша старинная иконопись и сдѣлалась предметомъ рефератовъ и научныхъ заключеній этого Съѣзда²⁾. Что же касается нашего старочеркаскаго зодчества, деревяннаго и каменнаго, то оно было представлено на выставкѣ въ очень скудномъ видѣ небольшой коллекціей фотографическихъ снимковъ и притомъ церквей малохарактерныхъ или и совсѣмъ нехарактерныхъ въ смыслѣ древности и стиля. Да и при этихъ снимкахъ не было ни моделей, ни плановъ, ни увеличенныхъ репродукцій церквей, а между тѣмъ снимковъ другихъ церковныхъ предметовъ было здѣсь очень много. Тѣмъ досаднѣе была такая бѣдность церковно-архитектурныхъ снимковъ мѣстныхъ памятниковъ, что на выставкѣ фигурировала богатая и разнообразная коллекція чертежей и снимковъ церквей Области Войска Донскаго изъ Донскаго музея въ количествѣ 102 экземпляровъ. Въ числѣ 660 фотографій съ памятниковъ церковныхъ древностей Харьковской и сосѣднихъ губерній — здѣсь имѣлось только 20 снимковъ съ 17-ти древнихъ деревянныхъ церквей нашего края, въ томъ числѣ двухъ видоизмѣненныхъ позднѣйшими передѣлками. Выставленные снимки церквей не давали представленія о господствовавшемъ и характернѣйшемъ типѣ нашего древняго церковнаго зодчества: здѣсь отсутствовали наиболѣе своеобразные и особенно распростра-

¹⁾ Исторія русскаго искусства. Вып. VІІІ, стр. 347

²⁾ См. Е. К. Рѣдинъ. Объ иконописномъ отдѣлѣ выставки и рефератахъ о немъ на XII Археол. Съѣздѣ въ г. Харьковѣ.

ненные у насъ архитектурные образцы, по которымъ были выстроены отчасти дошедшія до насъ цѣлыя группы церквей. Этимъ только можно объяснить неправильное мнѣніе о нашихъ древнихъ деревянныхъ храмахъ, высказанное проф. Казанской Духовной Академіи В. Нарбековымъ въ книгѣ: „Южно-русское религіозное искусство XVII—XVIII в.в.“¹⁾. Сравнивая деревянныя церкви Харьковскаго района, представленныя на выставкѣ, съ таковыми же церквами Области Войска Донскаго, онъ приходитъ къ заключенію, что „какъ тѣ, такъ и другія можно причислить къ одной такъ называемой малорусской архитектурѣ, которая впрочемъ въ своихъ, по крайней мѣрѣ, существенныхъ чертахъ мало чѣмъ отличается отъ сѣверной деревянной архитектуры: и здѣсь мы видимъ и круглыя (или точиѣе—многоугольныя) церкви, и крестообразныя (хотя крестообразная форма, кажется, болѣе распространена была на югѣ), видимъ то же наслоеніе нѣсколькихъ осмиугольниковъ, иногда на нижнемъ квадратѣ, видимъ тѣ же шатровыя крыши, многогранные куполы и луковичныя главы. На малорусской деревянной архитектурѣ такимъ образомъ, надо полагать, въ значительной степени отразилось вліяніе сѣверной деревянной архитектуры“. Если бы проф. В. Нарбековъ располагалъ не скуднымъ выставочнымъ архитектурнымъ матеріаломъ, а болѣе обширнымъ и характернымъ, то онъ не сдѣлалъ бы этого послѣдняго своего заключенія. Если бы, напр. были у него подъ руками снимки и планообмѣры такихъ церквей, какъ церкви селъ: Черкаскаго Бишкія, Рубцовой, Груни, Гороховатки и Царь-борисовой, онъ безъ затрудненія узналъ бы въ нихъ знакомый украинскій типъ въ благороднѣйшихъ его формахъ.

Въ настоящее время, располагая громаднымъ церковно-архитектурнымъ матеріаломъ нашей харьковской старины, имѣющимся въ Епархіальномъ Церковно-Археологическомъ Музеѣ, мы имѣемъ полную возможность опредѣлить древнѣйшій типъ нашихъ „черкасскихъ“ деревянныхъ храмовъ и уяснить себѣ его отношеніе къ установившемуся типу западной Малороссіи.

Правда, ни одинъ изъ первоначальныхъ сельскихъ храмовъ, устроенныхъ черкасами въ XVII в., не дошелъ до насъ. Не дошли до насъ ни планы, ни снимки ихъ.

¹⁾ Казань. 1903 г., стр. 104—105.

Изъ городовъ Харьковскаго края сохранился древнѣйшій видъ только одного Харькова на планѣ Харьковскаго Намѣстничества 1787 года: здѣсь имѣются миниатюрныя рисунки существовавшихъ тогда въ Харьковѣ храмовъ. Но изъ нихъ въ это время сохранилась отъ XVII в. только одна Благовѣщенская церковь на торговомъ Подолѣ Харькова. Она была построена около 1655 года и стояла въ своемъ первоначальномъ видѣ до 1789 года, когда вмѣсто первоначальнаго была заложена новая каменная, освященная въ 1794 году. Благовѣщенская первая церковь была однопрестольная и деревянная: на картинѣ города Харькова она изображена трехглавою по продольной линіи съ востока на западъ: средній корпусъ церкви состоялъ изъ трехъ, кверху суживающихся, квадратныхъ срубовъ, увѣчаныхъ шатровымъ съ перехватомъ у основанія куполомъ. Два сосѣднихъ купола были ниже и уже. Колокольня церкви была также деревянная, рубленая. Вмѣсто ограды церковь была обнесена тыномъ¹⁾.

Но преданія и довольно точныя описанія первоначальныхъ черкасскихъ храмовъ нашего края сохранились въ извѣстномъ трудѣ Архіеп. Филарета: „Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи“.

Самою первобытною деревянною церковью отмѣчена Архіеп. Филаретомъ въ сл. Котельвѣ, Ахт. у., нѣкогда бывшая здѣсь—Покровская. Она имѣла видъ молитвеннаго дома, находилась вблизи луга на Пескахъ, неподалеку отъ Ворскловаго потока, называемаго „Рубижне“, построена была большею частью изъ ольховаго дерева и покрыта камышемъ; надъ алтаремъ былъ небольшой шпиль съ малымъ крестомъ. Это была первая церковь съ начала населенія Котельвы. Слѣдовъ, гдѣ стоялъ этотъ деревянный храмъ, нынѣ уже нѣтъ.

Этотъ примитивный типъ храмовъ встрѣчался въ древности въ западной Малороссіи. Точно такой же храмъ сохранился до послѣдняго времени въ селѣ Старо-Шарково, Дисненскаго уѣзда, Виленской губерніи. Устроень онъ былъ въ 1639 году: характерную особенность въ немъ составляла маленькая фронтальная на столбахъ открытая звонница надъ

¹⁾ Е. К. Рѣдинъ. Матеріалы къ изученію церковныхъ древностей Украины. Церкви города Харькова. Харьковъ. 1905 г., стр. 46—47.

закрытою напертью и внутри—хоры въ трапезной части въ видѣ открытаго балкона ¹⁾).

Къ этому типу принадлежала также, по свидѣтельству Архіеп. Филарета, первоначальная Покровская церковь въ сл. Межиричѣ, Лебед. у.; она была дубяная и построена была прежде всѣхъ другихъ въ Межиричѣ.

Дальнѣйшую ступень въ развитіи этого типа составляли наши первоначальные деревянные храмы, соединявшіе въ себѣ планъ дома съ куполомъ. Они приспособлялись въ тревожное время татарскихъ нашествій къ боевымъ цѣлямъ. Такъ, первый деревянный храмъ въ сл. Савинцахъ, Изюмск. у., въ XVII в. во имя Успенія Богоматери стоялъ въ крѣпости и устроенъ былъ примѣнительно къ опасностямъ военнымъ. Онъ сдѣланъ былъ въ видѣ дома съ узкими окнами, съ потолкомъ жилого зданія, съ куполомъ надъ алтаремъ и съ гонтовою крышею. Ограда же около церкви была обширная, состояла изъ часто поставленныхъ остроконечныхъ деревъ весьма значительной вышины. По угламъ ограды сдѣланы были башни; со внѣшней стороны ограда окопана была рвомъ, а по насыпи рва стояли рогатки; внутри ограды устроенъ былъ погребъ для храненія пороха.

Все это называлось городкомъ, куда, во время тревоги, жители уходили для безопасности.

Крѣпостной характеръ имѣлъ первоначальный храмъ и въ сл. Верхней Дуванкѣ, Куянск. у., во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Храмъ былъ обнесенъ высокимъ валомъ въ видѣ крѣпости, и въ окопѣ находилась высокая башня. Эта послѣдняя служила и наблюдательнымъ и оборонительнымъ пунктомъ противъ татаръ, которые, производя грабежи по разнымъ мѣстамъ, обыкновенно по условленнымъ знакамъ въ видѣ поднятія на высокомъ мѣстѣ фонаря,—на курганѣ доселѣ называемомъ караульнымъ, сходились къ рѣкѣ Дуванкѣ для дѣлежа своихъ промысловъ, отъ чего и произошло татарское названіе рѣки (дуванить—дѣлить). Такой же характеръ имѣлъ и Предтеченскій храмъ въ с. Мѣловаткѣ, Куп. у. По мѣстной памяти онъ былъ деревянный, но уже съ тремя главами, вмѣсто ограды былъ обнесенъ высокими остроконечными надолбами, а по

¹⁾ Извѣстія Импер. Археол. Комиссіи. Вып. 20. Спб. 1908 г., с. 3—5.

угламъ укрѣпленія были раскаты, на которыхъ стояли желѣзныя пушки.

Наиболѣе интересныя архитектурныя свѣдѣнія Архіеп. Филаретъ сообщаетъ о первыхъ деревянныхъ храмахъ древнѣйшей въ краѣ сл. Котельвы, Ахтыр. уѣзда.

Такъ, первый здѣсь Троицкій храмъ, послѣ котораго нынѣ существующій есть уже четвертый, существовалъ не болѣе 12 лѣтъ, былъ построенъ въ видѣ небольшой храмины съ небольшимъ куполомъ объ одной главѣ, покрытъ былъ соломой и сгорѣлъ отъ происшедшаго вблизи его пожара. Намѣстѣ его въ 1632 году былъ устроенъ другой. Этотъ былъ также деревянный, небольшой низенькій, съ однимъ престоломъ, но уже о трехъ главахъ, покрытъ гонтою. Онъ просуществовалъ до 1783 г. Первоначальный Преображенскій храмъ здѣсь — деревянный — былъ съ однимъ престоломъ, съ тремя главами, съ гонтовою крышею, небольшой и низенькій. Архитектурную особенность его составляли крытые переходы вокругъ храма — „опасаніе“. Храмъ этотъ стоялъ до 1780 г. и пришелъ въ такую ветхость, что когда нужно было разбирать его, то никто не рѣшался, изъ опасенія за жизнь, взлѣзть наверхъ, а потому среднюю главу или куполь, зацѣпивши канатомъ, свалили на землю. Также и первоначальный Николаевскій храмъ въ Котельвѣ и во второй постройкѣ Покровскій — были деревянные, небольшіе, крытые гонтою и съ „опасаніемъ“ вокругъ. Это „опасаніе“ въ то время, очевидно, было обычною архитектурною принадлежностію нашихъ первоначальныхъ храмовъ. Не только оно было въ Котелевскихъ храмахъ. По свидѣтельству Архіеп. Филарета съ „опасаніемъ“ былъ устроенъ и первый храмъ во имя Рождества Богородицы въ сл. Михайловкѣ, Лебед. у.

Уже по этимъ краткимъ описаніямъ первыхъ нашихъ церквей, даннымъ Архіеп. Филаретомъ на основаніи устныхъ преданій, видно, что первобытный типъ ихъ былъ чисто украинскій. Мы узнаемъ въ нихъ всѣ характернѣйшія черты этого типа. Хотя храмы эти не дошли до насъ, но подобные имъ сохранились и уже изучены въ Западной Малороссіи. Кромѣ этого первообразы эти со всею точностію отразились въ позднѣйшихъ воспроизведеніяхъ: въ деревянныхъ храмахъ нашего края XVIII в., дошедшихъ до насъ. Какъ домовидные храмы воспроизводили подобные храмы Виленской

губерніи, такъ и храмы однокупольные и трехкупольные съ „опасаніями“ вполнѣ напоминаютъ намъ такіе же современные храмы Подоліи и Кіевщины. Такъ какъ первые Котелевскіе храмы — трехкупольные — были низенькіе, то, очевидно, они были односрубные — типа Георгіевской церкви въ Старыхъ Хуторахъ г. Винницы, Подольской губерніи, т. е. широкіе, приземистые о трехъ односрубныхъ и осмигранныхъ корпусахъ, съ болѣе высокимъ среднимъ, съ широкими осмигранными куполами и луковичными главами и съ „опасаніемъ“ вокругъ ¹⁾). Первоначальные же у насъ домовидные храмы съ куполами становятся вполнѣ понятными по тѣмъ немногимъ храмамъ этого рода, которые отъ XVIII в. дошли до нашихъ дней.

Къ числу памятниковъ этого рода надобно отнести еще существующій Воскресенскій храмъ села Хорошева, Харьковскаго уѣзда. Зданіе этого храма устроено въ 1776 году стараніемъ прихожанъ. Первоначальный же храмъ здѣсь былъ уже въ 1696 году. Намъ неизвѣстно, воспроизводитъ ли нынѣшній храмъ видъ первоначальнаго, или же этотъ послѣдній былъ другого типа. Во всякомъ случаѣ оригинальное устройство настоящаго храма говоритъ за глубокую древность его архитектурнаго типа. Это продолговатое квадратное зданіе, имѣющее видъ дома съ двускатной крышей и съ двумя боковыми низенькими крытыми крыльцами. Снаружи посрединѣ на крышѣ сдѣланъ небольшой глухой четырехугольный фонарь съ четырехгранной приплюснутой крышей и поверхъ его на небольшой главкѣ четырехконечный крестъ. Надъ алтаремъ же на концѣ крыши — небольшой крестъ на главкѣ. Оригинальную особенность этого примитивнаго зданія составляетъ колокольня, пристроенная къ нему спереди. Она состоитъ изъ двухъ срубовъ: нижній четырехугольный въ вышину храма, но нѣсколько уже его, а на немъ верхній осмигранный съ широкими квадратными отверстіями на четырехъ сторонахъ для колокольнаго звона. Эта колокольня покрыта красивымъ невысокимъ осмиграннымъ куполомъ съ легкимъ перехватомъ у основанія, а поверхъ купола на осмигранной шейкѣ луковичная глава съ крестомъ. Церковная паперть предъ колокольней покрыта

¹⁾ Древности Украины. Кіевъ. 1905 г., таб. VI, рис. 2.

фронтальнымъ навѣсомъ на двухъ колоннахъ. Все зданіе храма ошелевано и крыто желѣзомъ.

Дальнѣйшее видоизмѣненіе этого типа составляли въ нашемъ краѣ продолговатыя храмы съ куполомъ посрединѣ. Древнѣйшими памятниками этого рода являются дошедшій до насъ храмъ с. Борового, Зміевского уѣзда, и извѣстные намъ по снимкамъ храмы: Архангело-Михайловскій заштатнаго города Бѣлополья и Борисоглѣбскій села Водяного, Зміевск. уѣзда,—оба уже теперь не существующіе. Конструкція этихъ двухъ послѣднихъ примитивнѣе перваго.

Существовавшій до 1905 года и въ этомъ году разобранный въ с. Водяномъ Борисоглѣбскій храмъ былъ устроенъ въ глубокой древности. Первый храмъ здѣсь значитъ съ 1700 года. Недавно разобранный представлялъ собою центральный квадратный срубъ въ 12 арш. ширины на каждой сторонѣ и въ 24 арш. высоты съ четырехграннымъ куполомъ въ 8 арш. высоты со слабымъ перехватомъ у основанія, поверхъ котораго утверждался осьмигранный глухой невысокій фонарь съ маленькой круглой главкой и крестомъ. Съ запада и востока къ нему примыкали пристройки для притвора и алтаря въ 12 арш. длины, въ 10 арш. ширины и въ 12 арш. высоты подъ двускатной крышей. Зданіе было рублено изъ прекраснаго дубоваго лѣса, снаружи покрыто шелевкой, а крыша и куполь желѣзомъ. Боковыя крыльца были открытыя, а паперть съ западной стороны имѣла фронтальный навѣсъ. Внутри храмъ освѣщался двумя простыми окнами притвора, тремя алтаря и шестью невысокими, но широкими окнами средняго сруба. Западная и восточная стѣны этого послѣдняго для соединенія съ притворомъ и алтаремъ были прорублены арками въ видѣ квадрата съ усѣченными верхними углами. Внутри куполь былъ сведенъ въ видѣ пирамиды съ верхнимъ усѣченіемъ подъ фонаремъ, потолоки же въ притворѣ и алтарѣ были выведены коробовыми сводами. Внѣшнее устройство зданія въ общемъ соотвѣтствовало внутренней конструкціи.

Описанный нами храмъ чрезвычайно напоминаетъ типъ, нѣкогда распространенный въ Подоліи. Тамъ изъ числа подобныхъ храмовъ сохранилось три: одинъ въ с. Должкѣ, Ямпольскаго уѣзда ¹⁾, другой въ с. Залучѣ-Черченскомъ,

¹⁾ См. Прот. Е. Сѣчинскаго. Исчезающій типъ деревянныхъ церквей Подоліи. Каменецъ-Подольскъ. 1904 г., стр. 24.

Каменецкаго уѣзда, а третій въ с. Княжполь, того-же уѣзда, всѣ три съ „опасаніями“ кругомъ¹⁾.

Къ этому типу приближался и разобранный въ 1909 г. въ г. Бѣлопольѣ Архангело-Михайловскій храмъ. Судя по сохранившимся его снимкамъ, его первобытный видъ былъ въ послѣднее время измѣненъ удлинненіемъ притвора и надстройкой надъ нимъ колокольни, а также пристройкой съ западной, сѣверной и южной стороны четырехколонныхъ фронтоновъ. Однако, изъ этихъ позднѣйшихъ пристроекъ, со всею ясностію выступаетъ первоначальный видъ храма. Онъ былъ деревянный, построенъ въ 1779 году по благословенію Кирилла, епископа Сѣвскаго. Мѣсто, гдѣ стоялъ онъ, называется въ народѣ Старосельемъ, потому что преимущественно на этомъ мѣстѣ селились первые выходцы изъ-за Днѣпра. Храмъ, вѣроятно, воспроизводилъ видъ того, который былъ здѣсь устроенъ первыми поселенцами. Онъ представлялъ собою центральный высокій и симметричный срубъ, покрытый пирамидальною крышею, съ запада и востока къ нему имѣлись пристройки, на половину ниже и уже средняго, съ трехсторонними крышами. Особенность его составляли три главы, двѣ на пристройкахъ и одна на главномъ срубѣ. Онъ одинаковаго устройства: каждая состояла изъ нижняго широкаго и круглаго фонаря съ перехватнымъ куполомъ и верхняго такого же фонаря, но болѣе узкаго, который переходилъ куполомъ своимъ въ маленькую главу съ крестомъ. Получились формы зданія совершенно простой конструкціи, но чрезвычайно гармоничной, легкой и изящной въ своихъ двухъярусныхъ высокихъ трехъ главкахъ.

Къ этой группѣ храмовъ надобно отнести сохранявшійся до 1905 года, а въ этомъ году разобранный, Христо-Рождественскій храмъ въ селѣ Боровомъ, Зміевского уѣзда. Онъ былъ устроенъ въ 1782 году стараніемъ прихожанъ изъ пластинъ дубоваго лѣса. Несмотря на то, что село Боровое изначала было заселено великороссійскими выходцами, тѣмъ не менѣе мѣстный украинскій духъ сказался здѣсь въ устройствѣ этого характернаго черкаскаго храма. Онъ по плану своему представлялъ узкое продолговатое зданіе съ

¹⁾ См. Г. Павлуцкаго. Древности Украины. Кіевъ, 1905 г., стр. 16 и 17.

двухъярусной четырехугольной башней съ западной стороны, съ двухсрубной уступчатой купольной башней посрединѣ и съ алтарной абсидой съ востока. Средняя храмовая башня имѣла видъ стройнаго осьмиугольнаго сруба въ 10 арш. по діаметру осьмиугольника и въ 12 арш. высоты. Срубъ переходилъ въ шатровый осьмиугольный сводъ, на которомъ былъ поставленъ второй срубъ въ 3 арш. высоты и также осьмиугольный; онъ завершался осьмиграннымъ куполомъ въ видѣ пирамиды въ 3 арш. высоты, надъ которымъ устроенъ высокій глухой круглый фонарь съ крыш-кой, главой и крестомъ. Вся высота средней башни, кончая крестомъ, равнялась 28 арш. Верхній срубъ внутри освѣщался четырьмя окнами, а нижній двумя двойными окнами съ сѣвера и юга. Крыльца боковыя и западныя—были безъ навѣсовъ. Двумя прорубленными арками этотъ срубъ соединялся съ алтаремъ и трапезной частью. Алтарь и трапеза сдѣланы были въ половину высоты нижняго сруба и значительно уже его. Весь храмъ снаружи ошелеванъ и покрытъ желѣзомъ. Длина всего зданія отъ алтарной стѣны до паперти входной башни была 34 арш. Не смотря на значительную свою удлиненность храмъ представлялся стройнымъ и красивымъ благодаря удачно взятымъ объему и высотѣ центральной башни. Если эту послѣднюю выдѣлить отъ трапезной части и алтаря, то получится самый типическій и при томъ самый древній видъ украинскаго храма. Въ немъ нѣтъ еще легкаго взлета вверхъ, но за то онъ простъ, симметриченъ и ясенъ въ своей двухсрубной уступчатой конструкціи.

Такимъ образомъ, изъ первоначальнаго въ нашемъ краѣ типа домовидныхъ храмовъ очень рано выступаетъ и выдѣляется особый и чрезвычайно интересный архитектурный типъ храмовъ однокупольныхъ, къ обзору которыхъ мы и приступимъ.

Древнѣйшимъ храмомъ этого рода былъ въ нашемъ краѣ Іоанно-Богословскій храмъ села Гомольши, Зміевского уѣзда, разобранный въ 1902 году и извѣстный намъ по сохранившимся снимкамъ его. Этотъ храмъ былъ устроенъ въ 1729 году Зміевскимъ Николаевскимъ монастыремъ для монастырскихъ крестьянъ, населявшихъ слободу Гомольшу. Зданіе его, рубленное изъ прекрасныхъ дубовыхъ пластинъ,

отличалось чрезвычайною прочностію, почему и продержалось почти 200 лѣтъ. Храмъ представлялъ собою три наложенныхъ одинъ на другой осьмигранныхъ сруба, кверху уменьшавшихся размѣрами. Нижній представлялъ собою собственно четверугольникъ, но съ отрѣзанными углами и имѣлъ по діаметру—12 аршинъ, а въ высоту 9 аршинъ, онъ заканчивался шатровыми двухъаршинными сводами, а на нихъ утверждался второй срубъ также съ отрѣзанными углами въ 3 арш. высоты и въ 10 арш. по діаметру. Второй срубъ переходилъ въ трехъаршинный сводъ, который снаружи покрытъ былъ покатою крышею съ перехватомъ у основанія, а на немъ высился третій, совершенно осьмигранный срубъ въ 3 арш. высоты и въ 6 арш. въ діаметръ, заканчивавшійся шатровымъ осьмиграннымъ сводомъ, снаружи покрытымъ покатою крышей. Поверхъ этой послѣдней устроенъ былъ осьмиугольный глухой фонарь, покрытый вогнутой крышкою съ небольшою главою въ видѣ шара и равноконечнымъ крестомъ. Высота храма кончая крестомъ доходила до 22 аршинъ. Съ востока къ прорубленной аркѣ нижняго сруба придѣланъ былъ четырехугольный съ отрѣзанными углами алтарь въ 6 арш. высоты и длины и въ 8 аршинъ ширины съ пятигранной шатровой крышей, а съ западной такой же притворъ съ папертью, крытой сквознымъ фронтальнымъ навѣсомъ. Съ сѣверной же и южной сторонъ имѣлись закрытыя крыльца въ 4 арш. длины и въ 3 арш. высоты и ширины съ двускатными крышами. Длина всего зданія отъ востока къ западу равнялась 20 аршинамъ. При такой конструкціи въ храмѣ преобладала высота: срубы представлялись монументальными: они не столь высоки, сколько широки по объему своему, хотя не производили впечатлѣнія грузныхъ. Во всемъ зданіи чувствовалась красивая симметричность и спокойствіе линій. Сухость покатыхъ линій крышъ перваго и третьяго срубовъ оживлялась мягкою волнистою линіею крыши второго сруба. Въ послѣднее время крыши храма были покрыты желѣзомъ, первоначально же были онѣ гонтовыя, а весь корпусъ зданія былъ обшелеванъ съ узкими вертикальными гранями. Наружному виду храма вполне соответствовало внутреннее устройство: вся красота его заключалась въ трехъярусныхъ осьмигранныхъ сводахъ, спокойно поднимавшихся съ осьмигранными срубами вверхъ.

Въ этомъ храмѣ обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе пристроекъ съ сѣвера и юга, подобныхъ алтарной и трапезной, вслѣдствіе чего храмъ по плану своему не имѣетъ крестообразной формы. Другою характерною его особенностію является малая высота его срубовъ, но значительный объемъ ихъ, превосходящій высоту въ два и въ три раза. Типъ Гомольшанскаго храма довольно рѣдкій въ нашемъ краѣ: такъ строились здѣсь нѣкоторые храмы въ самое первое время черкасскихъ поселеній. Однако онъ не сдѣлался излюбленнымъ: его скоро потомъ оставляютъ, и только сохранившійся Гомольшанскій храмъ донесъ до нашихъ дней образъ одного изъ первобытнѣйшихъ черкасскихъ храмовъ. Чаще всего тогда строили однокупольные храмы въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ сравнительно съ Гомольшанскимъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи этотъ типъ проходитъ нѣсколько ступеней, эволюцію которыхъ интересно отмѣтить въ цѣломъ рядѣ извѣстныхъ намъ памятниковъ этого рода. Прежде всего Гомольшанскій типъ видоизмѣнился въ форму крестообразныхъ однокупольныхъ храмовъ. Къ этому разряду мы должны отнести храмы: Рождество-Богородичный села Ковяговъ, Валковскаго уѣзда, Георгіевскій г. Ахтырки, Успенскій сл. Дементѣвки, Харьк. уѣзда, существующіе и теперь, и разобранные въ недавнее время: Василіевскій храмъ села Солдатскаго, Богодуховск. уѣзда, Варваринскій с. Варваровки, Волч. у., Успенскій с. Коробочки, Зміев. у. и нѣкоторые другіе. Въ однихъ изъ этихъ храмовъ сохранился еще широкій объемъ низкихъ срубовъ, какъ въ Гомольшанскомъ, въ другихъ же мы усматриваемъ тенденцію сузить ихъ и болѣе вытянуть вверхъ. Типъ перваго рода дошелъ до нашихъ дней въ Георгіевскомъ Ахтырскомъ храмѣ. По плану своему этотъ храмъ представляетъ равноконечный крестъ съ срединнымъ высокимъ четырехугольнымъ срубомъ, къ которому со всѣхъ четырехъ сторонъ примыкаютъ такой же высоты, но немного уже четырехугольныя пристройки съ двухскатными крышами: внутри пристройки соединяются съ храмомъ посредствомъ прорубленныхъ въ среднемъ срубѣ арокъ. На среднемъ срубѣ храма утверждается осьмигранникъ съ діаметромъ вдвое большимъ, чѣмъ его высота, покрытый невысокимъ шатровымъ осьмиграннымъ куполомъ, который переходитъ въ

новый осьмерикъ, вдвое меньшій чѣмъ нижній, но также вдвое шире противъ своей высоты. Этотъ второй осьмерикъ, покрытый низкимъ шатровымъ куполомъ, вновь переходитъ въ невысокій осьмигранный глухой фонарь, на которомъ возвышается глава съ четырехконечнымъ крестомъ. Въ этой конструкціи интересенъ переходъ четырехугольнаго основанія въ осьмерикъ. Это достигается посредствомъ трехъ угольниковъ, нижній конецъ которыхъ, представляющій острый уголъ, лежитъ между двумя стѣнами сруба, въ точкѣ на линіи ихъ соединенія; другіе два угла каждаго изъ трехугольниковъ оканчиваются тамъ, гдѣ лежитъ нижняя часть осьмерика. Снаружи эти выступающіе подъ осьмерикомъ углы нижняго сруба покрыты ребровидною крышей. Въ устройствѣ этого храма явно выступаетъ объемистая массивность основного сруба съ четырьмя пристройками и перваго осьмерика, которая, однако, смягчается симметричнымъ соотношеніемъ къ нимъ второго осьмерика и фонаря съ умѣренно вытянутой главой и крестомъ. И въ этой конструкціи чрезвычайно удачно взяты ширина срубовъ и ихъ высота въ той именно пропорціи, какая необходима для сообщенія всему зданію спокойной простоты и величія. Нѣчто новое и своеобразно-красивое мы усматриваемъ въ храмахъ другого рода, прототипомъ которыхъ можно считать упомянутый храмъ села Ковяговъ.

Въ роскошной лѣсистой мѣстности на холмахъ, прорѣзанныхъ глубокими балками, привольно раскинулось село Ковяги: оно все утопаетъ въ богатыхъ садахъ. Здѣсь на одномъ изъ холмовъ среди густолиственныхъ липъ и стройныхъ ясеней высится изящное зданіе стариннаго храма, теперь уже упраздненнаго. Выстроенъ онъ во имя Рождества Богородицы въ 1732 году и является теперь самымъ древнѣйшимъ въ нашемъ краѣ. Онъ срубленъ изъ толстыхъ дубовыхъ пластинъ. По плану своему онъ представляетъ правильный равноконечный крестъ въ 23 аршина между концами перекрестій. Средину его составляетъ трехъярусная башня, кверху постепенно суживающаяся. Основной нижній срубъ, какъ и два верхніе,—квадратный съ отрѣзанными углами. Нижній срубъ имѣетъ въ діаметрѣ 9 аршинъ, а въ вышину 8 аршинъ. Прорубленными арками въ каждой своей сторонѣ онъ соединяется съ квадратными при-

стройками такой же высоты, снаружи крытыми двускатными крышами, а внутри съ плоскими потолками. Западная пристройка имѣетъ надъ папертью фронтальный навѣсъ на четырехъ колоннахъ. Нижній срубъ переходитъ въ шатровыя трехъаршинные своды о восьми граняхъ, а на нихъ утвержденъ второй срубъ въ 4 аршина высоты и въ 6 аршинъ въ діаметрѣ. Шатровый куполь его въ 4 арш. высоты старужи имѣетъ крышу съ мягкимъ перехватомъ у основанія. Поверхъ этого купола возвышается третій срубъ въ 3 арш. высоты и столько же въ діаметрѣ. Онъ покрытъ куполомъ въ $1\frac{1}{2}$ арш. высоты съ перехватомъ, на которомъ насажена какъ бы остроконечная крыша съ шаромъ и высокимъ четвероконечнымъ крестомъ. Вся высота зданія съ крестомъ равняется 25 аршинамъ. Къ западнымъ пристройкамъ придѣланы съ двускатными крышами продолговатыя крыльца въ 6 арш. длины и 4—вышины. Храмъ снаружи обшелеванъ и крытъ желѣзомъ: первоначально же былъ крытъ гонтой. Освѣщается онъ 9 окнами нижнихъ пристроекъ, четырьмя второго сруба и четырьмя третьяго. Внутри онъ свѣтелъ, суживающіеся высокіе своды легко и высоко поднимають два верхнихъ сруба. Все зданіе этого храма при умѣренной высотѣ перваго этажа бросается въ глаза стройною вытянутостью верхнихъ своихъ частей. Выше и круче обыкновеннаго поднимаются своды надъ первымъ срубомъ, обозначается легкое преобладаніе высоты надъ объемомъ во второмъ срубѣ, выше и прямѣе подымаются своды надъ этимъ срубомъ, и еще рельефнѣе вздымается въ высоту третій срубъ съ двумя своими куполами, увѣнчанный крестомъ въ $2\frac{1}{2}$ аршина высоты. Это устремленіе вверхъ башни храма удивительно гармонируетъ съ нижними крестообразными пристройками, которыя своими размѣрами не только не ослабляютъ, а, наоборотъ, выдѣляютъ высоту ея. Низкія же удлинненныя крыльца съ сѣвера и юга придаютъ храму красивую фундаментную широту. Нельзя не поражаться удивительно мѣткому перспективному глазомѣру строителей этого простого и изящнаго зданія.

Стремленіе сузить и вытянуть вверхъ зданіе однокупольнаго украинскаго храма еще болѣе замѣтно въ рядѣ другихъ дошедшихъ до насъ памятниковъ этого рода. Весьма похожъ на Ковяговскій храмъ размѣрами, конструкціей

и линиями крышъ деревянный Николаевскій храмъ подгороднаго села Замостья, Зміевского уѣзда. Онъ выстроенъ въ 1793 году и теперь предназначенъ къ упраздненію за построеніемъ здѣсь новаго каменнаго храма. Такъ же какъ и Ковяговскій, онъ крестообразенъ, башня его о трехъ насаженныхъ одинъ на другой квадратныхъ срубахъ съ отсѣченными углами съ первой шатровой крышей и съ двумя верхними перехватными. Такое же, какъ и въ Ковяговскомъ, и здѣсь двухъярусное покрытие самого верхняго сруба. Въ отличіе же отъ Ковяговскаго здѣсь крестообразныя пристройки сдѣланы не въ высоту нижняго сруба, а гораздо ниже. Черезъ это храмъ болѣе подымается вверхъ и представляется еще стройнѣе и тоньше, чѣмъ Ковяговскій.

Такой же архитектурной идеей проникнуть и храмъ во имя Св. Николая въ селѣ Грунь, Лебединскаго уѣзда. Онъ построенъ въ 1782 году иждивеніемъ бригадира Александра Коробовскаго, извѣстнаго попечителя Михайловской пустыни. Это—одинъ изъ изящнѣйшихъ старинныхъ храмовъ нашего края. При немъ сохранилась въ первоначальномъ своемъ видѣ и колокольня—типичный образецъ лучшихъ нашихъ древнихъ звонницъ. Храмъ представляетъ собою башню изъ трехъ наставленныхъ одинъ на другой и все болѣе суженныхъ четырехугольныхъ срубовъ со срубанными углами, при чемъ самый верхній изъ нихъ по своимъ геометрическимъ пропорціямъ превращается въ высокій и правильный осмигранникъ. Первый нижній срубъ храма характеренъ тѣмъ, что едва замѣтно суживается кверху, имѣя у основанія по діаметру 9 аршинъ, а кверху—8 арш., вся же высота его равняется 10 аршинамъ. Сравнительно съ предыдущими описанными храмами въ этомъ первый срубъ наиболѣе приподнять, что бросается въ глаза при перспективномъ обзорѣ его сравнительно съ общей высотой всего храма въ 26 аршинъ. Этотъ срубъ имѣетъ совершенно простую конструкцію, бока всѣхъ сторонъ его совершенно ровные и гладкіе: вверху переходитъ въ двухъярусные шатровые своды, снаружи покрытые плоскою крышею. Съ востока придѣланъ алтарь въ 7 аршинъ высоты съ двухъяруснымъ куполомъ, какъ на средней башнѣ. Съ западной стороны срубъ соединяется съ колокольней, а съ трехъ остальныхъ онъ имѣетъ небольшія пристройки въ 5 арш. высоты

съ крышею и въ 4 длины: крыша на нихъ волнистая трех-скатная, но съ выходной стороны съ обѣскомъ верхняго угла; эта оригинальная форма покрытій пристроекъ оживляетъ скучныя ровныя линіи основнаго сруба. Надъ сводами его на высотѣ 12 аршинъ отъ основанія утверждается второй срубъ въ 3 аршина высоты и 5 аршинъ въ діаметрѣ. Шатровые своды его снаружи покрыты приплюснутой крышей съ перехватами. Но за то далѣе уже возвышается правильный осьмигранникъ третьяго сруба въ 2 аршина въ діаметрѣ и въ $2\frac{1}{2}$ аршина высоты съ рѣзко вытянутымъ на 2 аршина куполомъ, снаружи покрытымъ луковичеобразной крышей съ перехватомъ у основанія и съ широкимъ карнизомъ наверху. Зданіе заканчивается высокимъ и узкимъ глухимъ фонаремъ съ луковичной заостренной главой въ видѣ славянскаго шлема и съ высокимъ четвероконечнымъ крестомъ въ сіяніи. Внутренній видъ храма совершенно соотвѣтствуетъ наружной его конструкціи. Во всѣхъ его частяхъ высота преобладаетъ надъ широтой и объемомъ, не переходя однако въ сдавленность. Пропорціи объема и высоты и здѣсь взяты весьма удачно. Три боковыя его пристройки своими малыми размѣрами не ослабляютъ высоты главнаго сруба. Весь храмъ въ цѣломъ производитъ впечатлѣніе легкаго и граціознаго зданія.

Насколько удачно сказывалось чувство симметріи и легкости въ устройствѣ такихъ храмовъ при измѣненныхъ размѣрахъ,—это показываютъ прекрасныя два храма, сохранившіеся до нашихъ дней въ селѣ Лиманѣ, Зміевского у. Лиманъ—былъ заселенъ черкасами уже въ половинѣ XVII в. и превращенъ въ укрѣпленный городокъ, съ успѣхомъ отбивавшійся отъ татарскихъ набѣговъ и, какъ таковой, извѣстный уже съ 1660 года. Изъ трехъ первоначальныхъ храмовъ теперь имѣются два: Арх.-Михайловскій, устроенный въ 1798 году, и Крестовоздвиженскій, устроенный въ 1806 г. въ видѣ точной копіи съ перваго. При нихъ сохранились и отдѣльныя колокольни. Это—образцовыя памятники украинскаго зодчества, настолько они безподобны по стройности, легкости и красотѣ своей архитектуры.

Остановимъ свое вниманіе на Крестовоздвиженскомъ храмѣ. Онъ представляетъ собою однокупольную башню, граціозно подымающуюся вверхъ своими четырьмя постепенно уменьшающимися срубами. Эти послѣдніе всѣ четырехъ-

угольные съ обѣченными углами: высота каждаго изъ нихъ едва замѣтно преобладаетъ надъ шириной. Своды первого и третьяго крыты покатою крышей, второго перехватной, самого верхняго глухого осьмигранника—приплюснутой съ луковичной главой и высокимъ четвероконечнымъ крестомъ съ изящными короткими перекрестьями на перекрестьяхъ. По своей конструкціи онъ представляетъ средину между Ковяговскимъ и Груньскимъ типами, какъ будто взявъ отъ нихъ все лучшее. Онъ уже, выше и стройнѣе Ковяговскаго, но за то въ раздѣлкѣ перваго своего сруба онъ богаче Груньскаго. Къ прорубленнымъ аркамъ этого сруба со всѣхъ четырехъ сторонъ придѣланы четырехугольные и также съ обѣченными углами пристройки почти во всю ширину боковъ сруба, но въ $\frac{3}{4}$ высоты его, выступающія изъ сруба на умѣренную длину. Трехскатныя крыши этихъ пристроекъ имѣютъ обѣски верхнихъ своихъ угловъ и скаты на боковые обѣски. Съ трехъ сторонъ къ этимъ пристройкамъ придѣланы крыльца съ фронтальными навѣсами.

Такимъ образомъ, эти пристройки не столь высоки, какъ въ Ковяговскомъ, но и не столь низки и длины, какъ въ Груньскомъ. При такой пропорціи частей храмъ получаетъ трудно передаваемую словами красоту и игрушечную легкость цѣлаго. Архитектурное впечатлѣніе здѣсь усиливается высокими рѣшотчатыми окнами на широкихъ бокахъ осьмериковъ и пристроекъ. Все въ конструкціи этого храма просто, нѣтъ раздражающихъ деталей, одна красота линій и спокойное устремленіе вверхъ. Этотъ типъ храмовъ сдѣлался въ Донецкомъ районѣ нашего края господствующимъ и легъ здѣсь въ основу трехкупольныхъ и пятикупольныхъ храмовъ. Сравнивая Лиманскій типъ съ древнѣйшими однокупольными храмами нашего края, мы должны придти къ заключенію, что строители вырабатывали его типъ медленно, въ рядѣ опытовъ устраняя изъ первыхъ низкихъ, широкихъ и объемистыхъ храмовъ грузную приземистость и виртуозно разрабатывая систему уменьшающихся срубовъ съ простыми и перехватными крышами въ изящную легкость къ небу подымающейся башни. Къ этой группѣ храмовъ надобно отнести храмы: Троицкій села Михайловки, Зміев. у., въ которомъ своды всѣхъ четырехъ срубовъ покрыты покатыми крышами, такой же Николаевскій сл. Цареборисовой, Изюм.

у. и Рождество-Богородичный той же слободы, въ которомъ верхніе три сруба представляютъ собою правильные осьмигранники съ вогнутыми крышами, придавая храму круглый видъ. Своеобразное явленіе въ числѣ подобныхъ храмовъ представляетъ Николаевскій храмъ города Лебедина, одинъ изъ древнѣйшихъ сохранившихся до нашихъ дней.

Первоначально онъ былъ построенъ въ концѣ XVII в. изъ колотаго, а не распиленного, лѣса, какъ это видно еще и теперь на стѣнахъ храма. Въ 1761 году онъ былъ перестроенъ съ сохраненіемъ его прежняго вида, но съ измѣненіемъ формы крышъ верхнихъ его частей.

По типу своему этотъ храмъ крестообразный. Въ центрѣ креста поставленъ очень высокій, равносторонній, четырехугольный срубъ въ 22 арш. высоты и въ 10 арш. на каждой сторонѣ, къ которому чрезъ прорубленные арки примыкають со всѣхъ четырехъ сторонъ четырехугольныя пристройки съ широко обѣшенными углами въ 11, а съ крышей 15 аршинъ высоты, въ 8 аршинъ ширины и глубины. Срубъ переходитъ въ шатровые трехъаршинные своды, снаружи крытые покатыми крышами: на нихъ утверждается второй срубъ правильной осьмигранной формы въ 5 аршинъ высоты и 7 аршинъ въ діаметрѣ. Этотъ срубъ переходитъ опять въ шатровые своды въ 3 аршинъ высоты. Эти своды снаружи покрыты осьмигранной крышей съ перехватомъ у основанія, при чемъ карнизъ у основанія крыши съ четырехъ сторонъ сруба выведенъ правильными арками съ круглыми окнами въ нихъ. Надъ сводами второго сруба утверждается третій, также осьмигранный въ 3 арш. высоты и въ 4 аршина въ діаметрѣ, покрытый внутри шатровыми сводами, а снаружи осьмигранной крышей съ перехватомъ у основанія. Зданіе заканчивается высокимъ и узкимъ осьмиграннымъ глухимъ фонаремъ, на который надѣта глава также осьмигранная, напоминающая форму митры съ высокимъ четверокопечнымъ крестомъ. Вся высота зданія равняется 42 аршинамъ. Это одинъ изъ самыхъ высокихъ однокупольныхъ храмовъ края. Внутренность храма освѣщается четырьмя окнами верхняго сруба, шестью—средняго, восемью большими рѣшетчатыми главнаго и 11 такими же окнами пристроекъ. Съ трехъ сторонъ, кромѣ восточной, къ пристройкамъ приделаны закрытыя невысокія крыльца. Какъ

пристройки, такъ и крыльца крыты куполообразными крышами. Снаружи храмъ до высоты пристроекъ вертикально обшелеванъ съ узкими гранями, а выше обшить шелевкой горизонтально.

Въ устройствѣ этого храма мы видимъ рѣзкія особенности сравнительно съ разсмотрѣнными нами выше. Такъ, здѣсь крестообразныя пристройки покрыты купольными крышами, основной срубъ чрезвычайно высокъ и четвероуголенъ, а крыша второго сруба устроена съ арками, придающими ей общій видъ купола. При всемъ этомъ крайне своеобразна также и глава вверху храма въ видѣ надѣтой на фонарь круглой шапки. Во всѣхъ этихъ особенностяхъ храма чувствуется попытка соединить общую украинскую конструкцию храма съ системой круглыхъ купольныхъ покрытій. Подобный опытъ мы видимъ въ конструкціи каменнаго Преображенскаго храма въ г. Прилукахъ, Полтавской губерніи, устр. въ 1716 году ¹⁾. Можно догадываться, что первоначальный видъ крышъ пристроекъ, второго сруба и главы былъ иной, а именно: обычный въ Украинѣ шатровой съ перехватомъ у основанія, а главы—луковицеобразный.

Мы такъ подробно описали однокупольные деревянные храмы потому, что для дальнѣйшаго развитія нашего мѣстнаго церковнаго зодчества они дали основные и самые характерные архитектурные элементы. Въ нихъ была разработана и та основная идея, которая настойчиво проводилась въ дальнѣйшихъ болѣе сложныхъ церковно-архитектурныхъ композиціяхъ. Послѣ этихъ храмовъ слѣдующею архитектурною ступеню были трехкупольные храмы, довольно распространенные у насъ въ XVII и XVIII вв.

Древнѣйшій типъ этихъ послѣднихъ дошелъ до насъ въ видѣ существующаго еще, но упраздненнаго, Покровскаго храма с. Трехъизбянска, Старобѣльскаго уѣзда. Это село на лѣвомъ берегу р. Донца уже существовало въ 1680 году и, подобно Лиману Зміевскому, было укрѣпленнымъ черкасскимъ городкомъ, защищавшимъ населеніе этого района отъ татарскихъ набѣговъ. Съ того же времени существовалъ здѣсь и храмъ. Зданіе настоящаго храма устроено въ 1772 году, когда онъ былъ освященъ по благо-

¹⁾ См. И. Грабаря. Исторія русскаго искусства, т. II, стр. 407.

словенію Свят. Тихона Воронежскаго. Въ 1820 году необычайное разлитіе р. Донца затопило болѣе половины слободы и храмъ. Поэтому былъ поднятъ каменный фундаментъ храма, возобновленъ былъ въ немъ иконостасъ и починены другія поврежденія. Ризница и утварь древняго храма были очень бѣдны—сосуды и кресты оловянные, ризница тяжинная. Какъ всѣ трехкупольные, такъ и этотъ храмъ представляетъ собою три сруба, поставленные въ подрядъ по продольной линіи отъ запада къ востоку. По наружному виду своему онъ соединяетъ въ себѣ конструкцію храмовъ Боровскаго и Водянскаго. Посрединѣ его поставленъ четырехугольный съ обѣшенными углами срубъ въ 12 аршинъ высоты и въ 8 арш. въ діаметръ съ двумя широкими окнами на сѣверъ и югъ, съ трехъаршинными шатровыми сводами, снаружи покрытыми осьмигранной крышей съ слабымъ перехватомъ надъ карнизомъ. Далѣе возвышается второй срубъ также съ обѣшенными углами въ 3 арш. высоты и 6 арш. въ діаметръ и съ четырьмя окнами, сведенный внутри осьмигранными шатровыми сводами, а снаружи покрытый низкимъ куполомъ съ легкимъ перехватомъ у основанія. На куполѣ имѣется низкій осьмигранный фонарь съ четырьмя небольшими окнами, съ приплюснутой острокопечной крышкой, главой въ видѣ шара и четырехконечнымъ крестомъ. Вся высота средней башни съ крестомъ равняется 28 аршинамъ. Къ прорубленнымъ аркамъ этого сруба присоединены западный и восточный четырехугольные срубы, такой же высоты какъ и средній, но въ 6 аршинъ ширины и 8 арш. глубины, каждый съ двумя рѣшотчатыми большими окнами внизу и съ четырьмя небольшими вверху. Эти пристройки покрыты четырехскатными куполами съ легкимъ перехватомъ надъ карнизомъ, съ такими же фонарями, главами и крестами, какъ и на главномъ куполѣ. Высота этихъ башенъ съ крестами равняется 23 аршинамъ. Снаружи храмъ ошелеванъ горизонтально и покрытъ желѣзомъ. Внутри же стѣны выступаютъ обтесанными дубовыми пластинами. Главный срубъ имѣетъ выходы на сѣверную и южную стороны въ видѣ невысокихъ закрытыхъ притворовъ съ двускатной крышей и съ фронтальными крыльцами. Въ позднѣйшее время съ западной стороны къ нему былъ придѣланъ длинный притворъ съ колокольной. Храмъ

производить впечатлѣніе объемистаго и монументальнаго зданія: особенно характеренъ въ немъ широкій и тяжелый второй срубъ въ средней башнѣ съ присадинымъ куполомъ.

Эту особенность соединенія центральной двухсрубной башни съ двумя боковыми односрубными мы находимъ въ интереснѣйшемъ трехкупольномъ храмѣ села Бездрика, Сумскаго уѣзда. Это во многихъ отношеніяхъ замѣчательный храмъ. Мы уже упоминали, какой имѣется въ немъ рѣдкостный иконостасъ. Своеобразныя черты усматриваются и въ архитектурѣ его. Однако, Архіеп. Филаретъ въ своемъ „Историко-статистическомъ описаніи Харьковской епархіи“ упоминаетъ только, что Арх.-Михайловскій храмъ въ этомъ селѣ извѣстенъ съ 1697 г., свѣдѣній же, какъ о самомъ селѣ, такъ и о времени устройства и строителяхъ существующаго нынѣ храма онъ не сообщаетъ никакихъ. По мѣстному преданію, храмъ построенъ во второй половинѣ XVIII в. владѣльцемъ Бездрика помѣщикомъ Алферовымъ, купившимъ для него дивный иконостасъ изъ старой Арх.-Михайловской церкви Сумскаго Успенскаго монастыря. Если въ этомъ храмѣ устранить позднѣйшіе низкіе притворы съ фронтонами на западной и южной сторонахъ, то предъ нами предстанетъ храмъ въ первобытномъ видѣ половины XVIII в. Посрединѣ храма возвышается двухсрубная башня, въ которой нижній срубъ правильной четверугольной формы въ 12 аршинъ высоты и въ 10 ширины и длины. Непосредственно на немъ утверждёнъ второй срубъ такого же объёма, какъ и нижній, но въ 10 арш. высоты и со срѣзанными углами. Онъ соединяется съ нижнимъ выступающимъ наружу карнизомъ, крытымъ желѣзомъ, съ ребровидными углами обѣсковъ у своего основанія. Этотъ второй срубъ покрытъ осьмиграннымъ куполомъ, вытянутымъ вверхъ на 5 аршинъ съ едва замѣтнымъ отгибомъ надъ карнизомъ. Надъ куполомъ возвышается глухой осьмигранный широкій фонарь съ таковымъ же куполомъ, а поверхъ его другой меньшій фонарь съ приплюснутой крышкой, главой и равноконечнымъ крестомъ. Къ прорубленнымъ аркамъ нижняго сруба средней башни пристроены башни западная и восточная: обѣ состоятъ изъ срубовъ равныхъ по высотѣ среднему, но немного уже его, при чемъ восточный имѣетъ угловые обѣски, и съ совершенно такими же купольными фонарями

главами и крестами, какъ и на средней. Всѣ три сруба снаружи обведены посрединѣ узкимъ карнизомъ какъ поясомъ. Храмъ внутри подъ куполами имѣетъ осьмигранные шатровые своды и обильно освѣщенъ шестью узкими и высокими аркообразными окнами верхняго сруба и девятью такими же окнами средняго и западнаго срубовъ, изъ которыхъ трое—тройныхъ. Храмъ сдѣланъ изъ рубленнаго лѣса, снаружи ошелеванъ вертикально и покрытъ желѣзомъ. По общему своему виду онъ чрезвычайно простъ и монументаленъ. Объемистость срубовъ не дѣлаетъ его тяжелымъ и грузнымъ: средняя башня властно господствуетъ надъ сосѣдними, а эти не теряются предъ высотой средней благодаря своимъ величественнымъ, спокойно поднимающимся куполамъ. Узкія аркообразныя окна, особенно тройныя, въ которыхъ среднее выше боковыхъ, надъ западнымъ порталомъ и на сѣверной и южной сторонахъ вносятъ въ стиль храма черту своеобразную, повидимому взятую изъ западноевропейской готики. Конструкція этого храма воспроизводилась въ Трехсвятительскомъ храмѣ города Лебедина, устроенномъ въ 1792 году съ высокими четырехколонными фронтонами съ трехъ сторонъ.

Къ числу древнѣйшихъ трехкупольныхъ храмовъ нашего края принадлежитъ также Николаевскій храмъ въ с. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда. Онъ устроенъ въ 1753 г. и освѣщенъ лично Свят. Іоасафомъ Бѣлгородскимъ. Архитектура его очень понравилась мѣстному черкасскому населенію: по образцу его былъ построенъ цѣлый рядъ храмовъ въ окрестныхъ селахъ: Гавриловкѣ, Синолицовкѣ (сохранившіеся донинѣ), Удахѣ (сгорѣвшій), Люботинѣ (уже несуществующій) и др. Ольшанскій храмъ состоитъ изъ трехъ двухсрубныхъ (двухъярусныхъ) башенъ почти одинаковой высоты, но съ болѣе объемистой средней. Башни расположены вдоль по линіи съ запада на востокъ. Только нижній срубъ средней башни четырехсторонній — квадратный, всѣ же остальные срубы башенъ квадратные съ обѣченными углами. Своды надъ первымъ ярусомъ, шатровые и осьмигранные, снаружи крытые желѣзной крышей съ легкимъ отгибомъ надъ карнизомъ. Срубы же второго яруса, сведенные также осьмигранными шатровыми сводами, покрыты снаружи широкими овальными куполами съ отгибами

надъ карнизами. На куполахъ глухіе маленькіе фонари съ остроконечными покрытіями, главами на нихъ и большими четвероконечными крестами. Особенностію этого храма являются хоры, устроенные въ западной башнѣ съ внутреннимъ входомъ на нихъ. Храмъ освѣщается небольшими окнами съ четырехъ сторонъ верхнихъ срубовъ, съ двухъ сторонъ нижняго средняго и съ трехъ сторонъ крайнихъ нижнихъ срубовъ. По мѣстнымъ преданіямъ храмъ былъ покрытъ гонтой. Сравнивая этотъ храмъ съ другими подобными, можемъ видѣть, что какъ въ этихъ послѣднихъ, такъ и въ Ольшанскомъ первоначальные купола были не овальные, а вытянутые осьмигранные или покатые или же съ замѣтными перехватомъ у основанія.

Переходъ отъ этого типа объемистыхъ трехкупольныхъ храмовъ въ типъ болѣе изящный мы находимъ въ Преображенскомъ храмѣ сл. Алешни, Лебединскаго уѣзда и въ Георгіевскомъ — города Лебедина.

Нынѣ существующій Преображенскій храмъ с. Алешни построенъ въ 1780 году стараніемъ священника Іосифа Бобина и избранныхъ на то лицъ отъ прихода. Стараніемъ этого же священника, который по наслѣдству владѣлъ населенными землями, храмъ покрытъ желѣзомъ. По плану своему храмъ этотъ крестообразный трехкупольный. Въ центрѣ его стоитъ башня изъ трехъ осьмигранныхъ срубовъ, изъ которыхъ первый объемомъ своимъ равенъ высотѣ, а второй нѣсколько меньше нижняго объемомъ вдвое болѣе высоты своей, третій же срубъ маленькій и невысокій. Всѣ они утверждаются на шатровыхъ осьмигранныхъ сводахъ умѣренной высоты, снаружи покрытыхъ покатыми крышами. На крышѣ верхняго сруба возвышается фонарь съ остроконечной крышей и луковицеобразной главой, на коей утверждень высокій нарядный крестъ въ сіяніи и съ перекрестьями на перекрестьяхъ. Второй срубъ имѣетъ два окна на сѣверѣ и югѣ, а третій четыре. Къ этой башнѣ примыкають сѣверная и южная четырехъугольныя пристройки во всю ширину и высоту нижняго сруба съ двускатными крышами. Съ запада же и востока къ прорубленнымъ его аркамъ примыкають двѣ башни, состоящія каждая изъ нижняго сруба съ обѣшенными углами, равнаго высотѣ и объема нижняго сруба средней башни, и увѣнчаннаго

высокимъ осьмиграннымъ шатровымъ куполомъ, доходящимъ до высоты второго сруба средней башни. На куполахъ этихъ боковыхъ башенъ возвышаются маленькіе срубы, подобные третьему срубу средней башни, съ такими же фонарями, главами и крестами. Западная и восточныя башни освѣщаются каждая тремя окнами нижняго сруба и четырьмя верхняго, сѣверная же и южная пристройки тремя окнами надъ выходами. Снаружи гладкія стѣны храмы ошелеваны красивой вертикальной обшивкой съ гранями, но безъ всякихъ декоративныхъ украшеній. По общему своему виду храмъ очень характеренъ. Вся красота его въ архитектурныхъ линіяхъ, а эти послѣднія проникнуты идеей поднятія вверхъ. Въ то время какъ купола восточной и западной башенъ сразу же съ нижняго сруба смѣло и рѣзко вздымаются вверхъ на значительную высоту, разбившись затѣмъ на мелкія детали верхнихъ частей, средняя башня спокойно и постепенно переходитъ уступами отъ нижняго сруба къ первымъ невысокимъ сводамъ, затѣмъ къ слѣдующему срубу, отъ этого сруба къ новымъ сводамъ и т. д.

Еще болѣе смягчается это постепенное нагроможденіе срубовъ и сводовъ въ маленькомъ, но интересномъ трехкупольномъ Георгіевскомъ храмѣ г. Лебедина.

Храмъ вмуч. Георгія въ первый разъ построенъ въ Лебединѣ, вѣроятно, около 1700 года. Въ 1765 г. построенъ нынѣ существующій изъ прочныхъ дубовыхъ пластинъ. Въ 1879 году къ нему были придѣланы трапезная часть и каменная колокольная. Храмъ типичный украинскій о трехъ башняхъ по продольной линіи съ востока на западъ.

Срубы въ храмѣ осьмигранные. Нижніе срубы башенъ одинаковой высоты въ 12 арш., средній объемомъ въ 10 арш., на два аршина шире сосѣднихъ. Эти срубы переходятъ въ своды одинаковой высоты въ 3 арш. На сводахъ средняго положенъ второй срубъ въ 8 арш. въ діаметрѣ и въ 4 арш. высоты со сводами въ 5 арш. подъема, на нихъ третій срубъ въ 3 арш. высоты и такого же діаметра. На сводахъ же сосѣднихъ срубовъ устроены осьмерики въ 3 арш. высоты и діаметра. Нижніе своды покрыты снаружи покатыми крышами. На самыхъ же верхнихъ срубахъ надѣты широкіе шлемообразные купола съ перехватомъ посрединѣ, а еще выше фонари съ перехватными главами, шарами на нихъ

и крестами. Внутренняя конструкція совершенно отвѣчаетъ наружной. Въ архитектурѣ храма нѣтъ рѣзкихъ переходовъ: нѣтъ здѣсь и объемистой полноты срубовъ, во всѣхъ частяхъ его симметрія и спокойное поднятіе вверхъ, только въ самыхъ верхнихъ надфонарныхъ частяхъ допущены живость и изящество изогнутыхъ линій.

Верха своего изящества этотъ трехкупольный типъ достигъ въ нашемъ краѣ въ Св. Троицкомъ храмѣ с. Черкасскаго Бишкіна, Зміевского уѣзда. Создатель архитектуры этого храма былъ истинный мастеръ своего дѣла, проникнутый высокимъ вдохновеніемъ съ несомнѣнными задатками творчества. Въ этомъ несравненномъ храмѣ не только подведены итоги предыдущему архитектурному развитію этого типа, но и намѣчены богатые идеи дальнѣйшаго движенія украинскаго церковнаго зодчества. Вотъ почему разсмотрѣніе особенностей этого церковно-архитектурнаго памятника мы полагаемъ въ основу изученія самыхъ сложныхъ композицій, отразившихся на извѣстныхъ намъ пятикупольныхъ и девятикупольныхъ храмахъ нашего края.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Введеніе	1— 14
Гл. I. Славяно-русская колонизація края въ перво-христі- анскую эпоху русской исторіи XI—XII в.в.	14— 29
Гл. II. Памятники христіанства въ до-монгольскій періодъ	29— 43
Гл. III. Святогорье, Изюмскаго уѣзда, вопросъ о времени основанія монастыря и памятники его	43— 83
Гл. IV. Великороссійская колонизація края и церковно- архитектурныя вліянія XVI—XVIII в.в.	83—106 ✓
Гл. V. Черкасскіе церковные памятники заднѣпровскаго происхожденія	106—129
Гл. VI. Памятники церковнаго строительства слободскихъ Черкасъ XVII—XVIII в.в.	129—152 ✓
Гл. VII. Древнѣйшій типъ деревянныхъ „Черкасскихъ“ храмовъ	152—181 ✓

OLIVABENITE

1	Introduction
2	Geological setting
3	Mineralogy
4	Crystallography
5	Physical properties
6	Chemical composition
7	Optical properties
8	Microscopy
9	Field relations
10	Conclusions
11	Acknowledgments
12	References
13	Appendix
14	Index
15	Plate